

ВЕСТНИК
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА ПРОСВЕЩЕНИЯ

ISSN 2949-5156 (print)

2025 / № 2

ISSN 2949-5164 (online)

серия

ИСТОРИЯ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ

Название журнала до сентября 2023 г.: Вестник Московского государственного
областного университета. Серия: История и политические науки

Рецензируемый научный журнал. Основан в 1998 г.

Журнал «Вестник Государственного университета просвещения. Серия: История и политические науки» включён в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, на соискание учёной степени доктора наук» Высшей аттестационной комиссией при Министерстве образования и науки Российской Федерации (См.: Список журналов на сайте ВАК при Минобрнауки России) по историческим наукам и политологии: 5.6.1. — Отечественная история (исторические науки); 5.6.2. — Всеобщая история (соответствующего периода) (исторические науки); 5.6.5. — Историография, источниковедение и методы исторического исследования (исторические науки); 5.5.4. — Международные отношения (политические науки)

The peer-reviewed journal was founded in 1998

«Bulletin of Federal State University of Education. Series: History and Political Sciences» is included by the Supreme Certifying Commission of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation into “the List of leading reviewed academic journals and periodicals recommended for publishing in corresponding series basic research thesis results for a Ph.D. Candidate or Doctorate Degree” (See: the online List of journals at the site of the Supreme Certifying Commission of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation) in Historical Sciences and Politology: 5.6.1. — Domestic history (historical sciences); 5.6.2. — Global history (historical sciences); 5.6.5. — Historiography, source-study and methods of historical research (historical sciences); 5.5.4. — International relations (political sciences).

ISSN 2949-5156 (print)

2025 / № 2

ISSN 2949-5164 (online)

series

HISTORY AND POLITICAL SCIENCES

BULLETIN
OF FEDERAL STATE UNIVERSITY
OF EDUCATION

Учредитель журнала
«Вестник Государственного университета просвещения»
Серия: История и политические науки»

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Государственный университет просвещения»

Выходит 5 раз в год

Редакционная коллегия

Главный редактор:

Багдасарян В. Э. — д-р ист. наук, проф., Государственный университет просвещения

Заместитель главного редактора:

Волобуев О. В. — д-р ист. наук, проф., Государственный университет просвещения

Ответственный секретарь:

Федорченко С. Н. — д-р полит. наук, доц., Государственный университет просвещения

Члены редакционной коллегии:

Воронин С. А. — д-р ист. наук, проф., Российский университет дружбы народов (г. Москва);

Гайдук В. В. — д-р полит. наук, канд. юрид. наук, проф., Башкирский государственный университет (г. Уфа);

Гонзалез Дж. — доктор наук, Исторический научный центр Рожкова (Австралия);

Журавлев В. В. — д-р ист. наук, проф., Государственный университет просвещения;

Захаров В. Н. — д-р ист. наук, проф., Институт российской истории Российской академии наук;

Каширина Т. В. — д-р ист. наук, доц., Дипломатическая академия Министерства иностранных дел России (г. Москва);

Ковалев В. А. — д-р полит. наук, проф., Сыктывкарский государственный университет;

Михайловский Ф. А. — д-р ист. наук, проф., Московский городской педагогический университет;

Наталици М. — д-р ист. наук, проф., Университет Сиена (Италия);

Панкратов С. А. — д-р полит. наук, проф., Волгоградский государственный университет;

Саква Р. — доктор наук, профессор, Университет Кент (Соединённое королевство Великобритании и Северной Ирландии);

Смоленский Н. И. — д-р ист. наук, проф., Государственный университет просвещения (научный руководитель журнала);

Сулакшин С. С. — д-р полит. наук, д-р физ.-мат. наук, проф., Центр научной политической мысли и идеологии;

Феофанов К. А. — д-р полит. наук, проф., Дипломатическая академия МИД России (г. Москва);

Фукс А. Н. — д-р ист. наук, проф., Государственный университет просвещения

Штоль В. В. — д-р полит. наук, проф., Институт диаспоры и интеграции (Институт стран СНГ) (г. Москва)

ISSN 2949-5156 (print)
ISSN 2949-5164 (online)

Рецензируемый научный журнал «Вестник Государственного университета просвещения. Серия: История и политические науки» — печатное издание, публикующее статьи российских и зарубежных учёных по историографии, источниковедению, истории России, всеобщей истории и политологии.

Журнал адресован российским и зарубежным историкам и политологам, докторантам, аспирантам и всем, интересующимся достижениями исторической и политической науки.

Журнал «Вестник Государственного университета просвещения. Серия: История и политические науки» зарегистрирован в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия. Регистрационное свидетельство ПИ № ФС77-73347.

**Индекс серии «История и политические науки»
по Объединённому каталогу «Пресса России» — 40712**

Журнал включён в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ), имеет полнотекстовую сетевую версию в интернете на платформе Научной электронной библиотеки (www.elibrary.ru), с августа 2017 г. на платформе Научной электронной библиотеки «КиберЛенинка» (www.cyberleninka.ru), а также на сайте журнала (www.istpolitmgou.ru).

При цитировании ссылка на конкретную серию «Вестника Государственного университета просвещения» обязательна. Публикация материалов осуществляется в соответствии с лицензией Creative Commons Attribution 4.0 (CC-BY).

Ответственность за содержание статей несут авторы. Мнение автора может не совпадать с точкой зрения редколлегии серии. Рукописи не возвращаются.

Вестник Государственного университета просвещения. Серия: История и политические науки. 2025. № 2. 152 с.

© Государственный университет просвещения, 2025.

Адрес редакции:

г. Москва, ул. Радио, д.10А, офис 98

тел. (495) 780-09-42 (доб. 6101)

e-mail: info@vestnik-mgou.ru

сайты: www.istpolitmgou.ru; www.journals-gup.ru

**Founder of journal «Bulletin of Federal State University of Education.
Series: History and Political Sciences»
Federal State University of Education**

————— Issued 5 times a year —————

Editorial board

Editor-in-Chief:

V. E. Bagdasaryan – Doctor of Historical Sciences, Prof., Federal State University of Education

Deputy Editor-in-Chief:

O. V. Volobuyev – Doctor of Historical Sciences, Prof., Federal State University of Education

Executive secretary:

S. N. Fedorchenko – Doctor in Politology, Assoc. Prof., Federal State University of Education

Members of Editorial Board:

S. A. Voronin – Doctor of Historical Sciences, Prof., Peoples' Friendship University of Russia (Moscow);

V. V. Gajduk – Doctor of Political Sciences, Ph.D. in Law, Prof., Bashkir State University, Ufa;

J. González – Doctor of Science, Rozhkov Historical Research Centre (Australia);

V. V. Zhuravlev – Doctor of Historical Sciences, Prof., Federal State University of Education;

V. N. Zakharov – Doctor of Historical Sciences, Prof., Institute of Russian History, RAS;

T. V. Kashirina – Doctor of Historical Sciences, Assoc. Prof., Diplomatic Academy of the Russian Foreign Ministry (Moscow);

V. A. Kovalyov – Doctor of Political Sciences, Prof., Syktyvkar State University;

F. A. Mikhailovsky – Doctor of Historical Sciences, Prof., Moscow City Pedagogical University;

M. Natalici – Ph.D., Prof., University of Siena (Italy);

S. A. Pankratov – Doctor of Political Science, Prof., Volgograd State University;

R. Sakwa – Ph.D., Prof., University of Kent, United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland;

N. I. Smolensky – Doctor of Historical Sciences, Prof., Federal State University of Education (Scientific Consultant of Bulletin)

S. S. Sulakshin – Doctor of Politology, Doctor of Physics and Mathematics, Prof., Center of Scientific Political Thought and Ideology (Moscow);

K.A. Feofanov – Doctor of Political Sciences, Prof., Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation (Moscow);

A. N. Fuks – Doctor of Historical Sciences, Prof., Federal State University of Education

V. V. Stol' – The Institute of CIS countries (Institute of Diaspora and integration) (Moscow)

ISSN 2949-5156 (print)

ISSN 2949-5164 (online)

The peer-reviewed scientific journal "Bulletin of Federal State University of Education, series: History and Political Sciences" is a printed edition that publishes articles by Russian and foreign scholars on historiography, source study, the history of Russia, world history and political science.

The journal is aimed at Russian and foreign historians and political scientists, doctoral students, postgraduate students and everyone who is interested in the achievements of historical and political science.

The series "History and Political Sciences" of the Bulletin of Federal State University of Education is registered in Federal service on supervision of legislation observance in sphere of mass communications and cultural heritage protection. The registration certificate ПИ № 077-73347.

Index of the series "History and Political Sciences" according to the Union catalog «Press of Russia» – 40712

The journal is included into the database of the Russian Science Citation Index, has a full text network version on the Internet on the platform of Scientific Electronic Library (www.elibrary.ru), and from August 2017 on the platform of the Scientific Electronic Library "CyberLeninka" (www.cyberleninka.ru), as well as at the site of the journal (www.istpolitmgou.ru)

At citing the reference to a particular series of "Bulletin of Federal State University of Education" is obligatory. Scientific publication of materials is carried out in accordance with the license of Creative Commons Attribution 4.0 (CC-BY).

The authors bear all responsibility for the content of their papers. The opinion of the Editorial Board of the series does not necessarily coincide with that of the author Manuscripts are not returned.

Bulletin of Federal State University of Education. Series: History and Political Sciences, 2025, no. 2. 152 p.

© Federal State University of Education, 2025.

The Editorial Board address:

10A Radio st., office 98, Moscow, Russia

Phones: (495) 780-09-42 (add. 6101)

e-mail: info@vestnik-mgou.ru

sites: www.istpolitmgou.ru; www.journals-gup.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕМА НОМЕРА: ЦИВИЛИЗАЦИОННОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ИСТОРИИ: ВАРИАТИВНОСТЬ VS УНИВЕРСАЛИЗМ

<i>Багдасарян В. Э.</i> Великая Отечественная война как война цивилизационная: научно-методические рекомендации для новых учебников истории	7
<i>Дугин А. Г.</i> Психоанализ цивилизаций. Карта Феликса Гваттари	26
<i>Куранов Г. В., Шаповалов В. Л., Рудаков А. Б.</i> Идеология и пропаганда: смысловые и содержательные аспекты понятий	52
<i>Фукс А. Н., Ковригин В. В.</i> Становление концепции «Россия – государство-цивилизация» в школьных учебниках истории.	61
<i>Резвушкина С. А.</i> Нематериальное этнокультурное достояние России как основа цивилизационной идентичности: вызовы конструктивизма и инструментализма.	67
<i>Бонч-Осмоловская О. А., Тугаринов П. А.</i> Цивилизационный подход в философско-политическом дискурсе КНР	77

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

<i>Миловский Н. М.</i> О некоторых аспектах Архипелагской экспедиции русского флота во время русско-турецкой войны 1768–1774 гг.	91
<i>Димитренко Н. В.</i> Деятельность музеев Пензенской области по охране памятников истории и культуры в 1960–1980-е гг.	99
<i>Семченков Н. А.</i> «Рок, которого нет»: эволюция отношения власти СССР на рок-культуру через призму печати в период 60-х – 80-х гг. XX века.	111
<i>Марченя П. П., Анфертьев И. А., Шалаева Н. В., Учаев А. Н., Пенькова О. Б., Филатов Ю. И., Керимова-Коджаева Т.</i> Новые грани актуальных проблем новейшей истории.	121

ИСТОРИОГРАФИЯ, ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ И МЕТОДЫ ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

<i>Черемных О. А.</i> Историк Г. В. Вернадский о Дмитрие Донском (1359–1379 гг.)	144
--	-----

CONTENT

THEME OF THE ISSUE: CIVILIZATIONAL DIMENSION OF HISTORY: VARIABILITY VS UNIVERSALISM

V. Baghdasaryan. The Great Patriotic War as a Civilizational War: Scientific and Methodological Recommendations for New History Textbooks	7
A. Dugin. Psychoanalysis of Civilizations: A Guattarian Map	26
G. Kuranov, V. Shapovalov, A. Rudakov. Ideology and Propaganda: Semantic and Content Aspects of Concepts.	52
A. Fuks, V. Kovrigin. Formation of the Concept "Russia – State-Civilization" in School History Textbooks.	61
S. Rezvushkina. Intangible Ethnocultural Heritage of Russia as a Basis for National Identity: Challenges of Constructivism and Instrumentalism.	67
O. Bonch-Osmolovskaya, P. Tugarinov. The Civilization Approach in the Philosophical- Political Discourse of the PRC	77

DOMESTIC HISTORY

N. Milovsky. Some Aspects of the Archipelago Expedition of the Russian Navy During the Russian-Turkish War of 1768–1774	91
N. Dimitrenko. The Activity of Museums of the Penza Region for the Protection of Historical and Cultural Monuments in the 1960s and 1980s	99
N. Semchenkov. "Rock That is Not": The Evolution of the Attitude of the Ussr Authorities Towards Rock Culture Through the Prism of the Press in the Period of The 60s– 80s 20 th Century	111
P. Marchenya, I. Anfertiev, N. Shalaeva, A. Uchaev, O. Penkova, Yu. Filatov, T. Kerimova-Kodzhaeva. New Facets of the Current Problems of Modern History	121

HISTORIOGRAPHY, SOURCE STUDY AND METHODS OF HISTORICAL RESEARCH

O. Cheremnykh. Historian G. V. Vernadsky about Dmitry Donskoy (1359–1379)	144
--	-----

Тема номера:

ЦИВИЛИЗАЦИОННОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ИСТОРИИ: ВАРИАТИВНОСТЬ VS УНИВЕРСАЛИЗМ

Россия в стратегических документах Российской Федерации позиционируется как государство-цивилизация. Государство-цивилизация строится совершенно иначе, чем государство-нация. Существование России как государства-цивилизации предполагает, что существует вариативность развития человечества, и универсального пути истории не существует. Это предполагает, что ценностные основания российской цивилизации имеют свою специфику и не подобны ценностям других цивилизаций, например, Запада. Навязывание моделей устройства одних цивилизаций другим приводит к кризисам, а то и катастрофам.

Н. Я. Данилевский, автор фундаментального труда «Россия и Европа», считающийся по праву основоположником цивилизационного подхода, зафиксировал российское первенство в его разработке. Можно смело утверждать, что сама идея цивилизационной вариативности развития человечества принадлежит российской мысли. Теория цивилизации в настоящее время берётся за основу Концепции внешней политики России, соотносясь в рамках неё с идеей многополярности мироустройства.

Цивилизационный подход сегодня фактически всё очевиднее становится главным основанием концептуального суверенитета России. И в связи с этим на учёных-гуманитариев выпадает особый груз ответственности за его формирование, проработку связанных с ним интерпретаций. Необходимо выработать матрицу представления через призму теории цивилизации развёртки российской истории. Пока можно констатировать, что цивилизационный подход в учебных версиях истории реализуется с большой пробуксовкой. Сказывается как неприятие его со стороны оппонентов – приверженцев

универсалистских схем, так и неумение применять соответствующую методологию. Сложности возникают, очевидно, при переходе от логики изменений к логике цивилизационных констант.

Цивилизационный подход тесно сопряжён с категорией традиционных российских духовно-нравственных ценностей. Традиционные ценности – это константы Российской цивилизации, и их историческое воспроизводство составляет существо истории. Отступление же от традиционных ценностей приводило каждый раз к цивилизационному кризису – «смуте».

Внешние столкновения России в экзистенциальных своих проявлениях имели характер цивилизационных войн. Чаще всего признаками цивилизационных войн обладали противоборства Российской цивилизации с Западом. Цивилизационное измерение имела и Великая Отечественная война.

Не только история, но и другие обществovedческие и гуманитарные дисциплины нуждаются в цивилизационной ревизии. Такая ревизия в практическом смысле означала бы возвращение России к самой себе, к своему фундаменту. Запрос на возвращение к себе существует и в отношении системы образования и педагогики.

В Государственном университете просвещения сложилась традиция разработки методологии применения цивилизационного подхода в истории и других обществovedческих дисциплинах. Игнорируемые раньше результаты соответствующих разработок обретают сегодня всё большую востребованность как фактор российского государственного суверенитета. Предлагаемые вниманию публикации могут, по мнению редакции журнала, внести свою лепту в дальнейшую разработку методологии цивилизационного подхода.

УДК 930.2

DOI: 10.18384/2949-5164-2025-2-7-25

ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА КАК ВОЙНА ЦИВИЛИЗАЦИОННАЯ: НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКИЕ РЕКОМЕНДАЦИИ ДЛЯ НОВЫХ УЧЕБНИКОВ ИСТОРИИ

Багдасарян В. Э.*Государственный университет просвещения**105005, г Москва, ул. Радио, д. 10А, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Разработать научно-методические рекомендации переосмысления истории Второй мировой и Великой Отечественной войн на основе методологии цивилизационного подхода в перспективе формирования новых учебников по истории России.

Процедуры и методы. Методологическую основу исследования составил цивилизационный подход в понимании общественного развития, в соответствии с которым были предложены рекомендации к раскрытию истории Второй мировой и Великой Отечественной войн.

Результаты. В процессе исследования были обнаружены существенные расхождения доминировавших в историографии и образовательном процессе подходов в освещении истории Второй мировой и Великой Отечественной войн с базовыми положениями теории цивилизаций. Переход на позиции цивилизационного подхода определяет переосмысление Великой Отечественной войны как войны цивилизационной, в которой столкнулись Российская цивилизация и фактически объединённая Германией цивилизация Европы.

Теоретическая и/или практическая значимость. Результаты исследования ориентированы на использование их в образовательном процессе, разработке новых подходов к преподаванию истории.

Ключевые слова: цивилизационный подход, историософия, цивилизационная война, священная война, государство-цивилизация, концептуальный суверенитет, Запад, СССР, Германия, фашизм, Победа

Благодарности и источники финансирования. Статья подготовлена в рамках реализации государственного задания (научный проект «Идентичность России как государства-цивилизации: политический, духовный, социальный аспекты», номер темы: FSZG-2025-0004).

THE GREAT PATRIOTIC WAR AS A CIVILIZATIONAL WAR: SCIENTIFIC AND METHODOLOGICAL RECOMMENDATIONS FOR NEW HISTORY TEXTBOOKS

V. Baghdasaryan*Federal State University of Education**ul. Radio 10A, Moscow 105005, Russian Federation*

Abstract

Aim. To develop scientific and methodological recommendations for rethinking the history of World War II and the Great Patriotic War based on the methodology of the civilizational approach in the prospect of compiling new textbooks on the history of Russia.

Methodology. The methodological basis of the study was the civilizational approach in understanding social development, in accordance with which recommendations were proposed for disclosing the history of World War II and the Great Patriotic War.

Results. In the course of the study, significant discrepancies were discovered between the approaches that dominated historiography and educational process in covering the history of World War II and the Great Patriotic War with the basic provisions of the theory of civilizations. The transition to the position of the civilizational approach determines the rethinking of the Great Patriotic War as a war of civilizations, in which the Russian civilization and the civilization of Europe, effectively united by Germany, clashed.

Research implications. The results of the study are aimed at their use in the educational process, as well as development of new approaches to teaching history.

Keywords: civilizational approach, historiosophy, civilizational war, holy war, state-civilization, conceptual sovereignty, West, USSR, Germany, fascism, Victory

Acknowledgments. The article was prepared as part of the implementation of a state assignment (scientific project "Identity of Russia as a state-civilization: political, spiritual, social aspects", topic number: FSZG-2025-0004).

Введение

Одним из важнейших оснований государственной суверенности является суверенитет концептуальный. Одни обществоведческие концепции подводят к выводам о необходимости укреплять суверенитет, другие – интегрироваться в мировое сообщество и его ограничивать под задачи этой интеграции [19]. Противостояние этих подходов особо остро проявляется в исторической науке. Такое противостояние обнаруживается ещё в XVIII в. в дискуссии, которую вёл М. В. Ломоносов с немецкими историками по проблеме норманнского завоевания в генезисе Древней Руси [29; 45; 46; 47]. Под выводы десуверенизации непосредственно подводили подходы, представляющие исторический процесс в качестве универсального развития человечества по пути движения Западного сообщества. Из принятия позиции, что принципиальных различий между Россией и Западом не существует и альтернативы движения российскому обществу по западному пути нет, непосредственно следовал вывод, что и оснований для суверенного бытия не имеется. Напротив, из утверждения видения о том, что путь России отличается от пути Запада, исходит из иных ценностей и смыслов, следо-

вал вывод о фундаментальных основаниях государственного суверенитета. В этом отношении западнический универсализм в представлении исторического процесса, утвердившийся в российской историографии и учебной литературе по истории в 1990-е гг., продуцировал угрозы для российской государственности.

Курс президента В. В. Путина по восстановлению суверенных потенциалов России вступил в противоречие с концептуальными установками представления истории в рамках теории модернизации и других модификациях исторического эволюционизма. Начался поиск новых концептуальных обществоведческих оснований российского суверенитета. Такие основания были найдены в теории цивилизаций, заявлявшей наличие у России собственного пути исторического развития, базирующегося на идентичных для неё ценностях.

В 2000 г. В. В. Путин поставил вопрос о сохранении России как цивилизации, в 2012 г. в Послании Федеральному Собранию РФ было впервые сформулировано положение о России как государстве-цивилизации¹. В 2023 г. положение

¹ Послание Президента Федеральному Собранию // Президент России: [сайт]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/17118/videos> (дата обращения: 06.12.2024).

о России как государстве-цивилизации получило отражение в Концепции внешней политики России¹, а в 2024 г. – в Указе президента № 314 «Об утверждении Основ государственной политики Российской Федерации в области исторического просвещения»². Соответствующее отражение в стратегических документах России означает практически императивность применения методологии цивилизационного подхода в преподавании истории в государственных образовательных учреждениях страны.

Великая Отечественная война является ядром исторического самосознания российского общества. Поэтому поддержание памяти о Великой Отечественной войне требует особого внимания и защиты. Принципиальным по важности вопросом является выработка методологии и методики преподавания истории Великой Отечественной и в целом Второй мировой войны. О степени значимости таких разработок указывает наличие 3 посвящённых соответствующей исторической тематике статей и интервью президента России³. Нужна в настоящее время

не только и не столько история, сколько историософия Великой Отечественной и Второй мировой войн. Историософия предполагает рассмотрение их на уровне смыслов существования человечества, России, Запада и других человеческих сообществ, ответа на ключевые вопросы бытия в категориях добра и зла [42].

Выбор методологии цивилизационного подхода предполагает переосмысление истории с позиций теории цивилизаций. Соответствующий пересмотр должен быть проведён (причём в первую очередь) и в отношении истории Великой Отечественной и Второй мировой войн. Эта задача нетривиальна ввиду доминанции во взгляде на эти периоды других методологических подходов⁴.

Сообразно с доминировавшим в советской историографии марксистским подходом война была логическим порождением капитализма, перешедшего в фазу империализма⁵. Фашизм стал крайним проявлением империалистических тенденций мирового развития. Но наряду с фактором межимпериалистических противоречий, в генезисе войны был и фактор ненависти мирового капитала к первому в мире социалистическому государству. И именно СССР – социалистическое государство – сумел остановить чудовище капитализма – фашизм, тогда как капиталистические страны капитулировали перед А. Гитлером, тайно содействовали ему и имитировали борьбу [15; 36].

Безусловно, ряд положений марксистского понимания истории Второй мировой войны, особенно в части его генезиса,

¹ Указ об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации // Президент России: [сайт]. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/70811> (дата обращения: 06.12.2024).

² Указ Президента Российской Федерации от 08.05.2024 г. № 314 «Об утверждении Основ государственной политики Российской Федерации в области исторического просвещения» // Президент России: [сайт]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/50534> (дата обращения: 06.12.2024).

³ Путин В. В. Жизнь такая простая штука и жестокая // Русский пионер: [сайт]. URL: <https://ruspioner.ru/cool/m/single/4655> (дата обращения: 06.12.2024); Путин В. В. Страницы истории – повод для взаимных претензий или основа для примирения и партнерства? // Руниверс: [сайт]. URL: https://runivers.ru/doc/d2.php?SECTION_ID=6379&CENTER_ELEMENT_ID=147621&PORTAL_ID=7147 (дата обращения: 06.12.2024); 48. Путин В. В. 75 лет Великой Победы: общая ответственность перед историей и будущим // Президент России: [сайт]. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/63527> (дата обращения: 06.12.2024); 62. Putin V. The Real Lessons of the 75th Anniversary of World War II // The National Interest // The National Interest: [сайт]. URL: <https://clck.ru/3MePwD> (дата обращения: 06.12.2024).

⁴ Концепция преподавания учебного курса «Истории России» в образовательных организациях Российской Федерации, реализующих основные общеобразовательные программы [Электронный ресурс]. URL: <https://historyrussia.org/sobytiya/podgotovlen-proekt-usovershenstvovannoj-kontseptsii-prepodavaniya-uchebnogo-kursa-istoriya-rossii.html> (дата обращения: 21.03.2025).

⁵ Ленин В. И. Империализм, как высшая стадия капитализма: Популярный очерк // Ленин В. И. ПСС. Т. 27. Август 1915 – июнь 1916. М.: Политиздат, 1969. С. 299–426.

целесообразно использовать при формировании новой историософии. Но этих положений недостаточно, и они далеко не всё объясняют. Не объясняют они, в частности, попытки дискредитации советской Победы в современных странах Запада, противоборства современной России с ними в отстаивании исторической правды.

Необходимо целевое противостояние доминирующей в настоящее время в западной интерпретации Второй мировой войны теории тоталитаризма, состоящей в уподоблении германского нацистского и советского коммунистического режимов [1; 30; 49]. Теория тоталитаризма сопряжена с либеральной идеологией и базируется на представлении о противостоянии мира свободы и мира несвободы. Следствием такого видения оказывается подмена роли Советского Союза, которую он сыграл в качестве главной силы, повергшей нацизм, ролью одного из агрессоров. Отражением соответствующих тенденций явилась резолюция Парламентской ассамблеи ОБСЕ «О воссоединении разделённой Европы», в которой сталинизм приравняется к национал-социализму¹.

Итоговые выводы теории тоталитаризма применительно к истории Второй мировой войны сводятся к 4 основным положениям:

1. советский тоталитарный режим был подобен нацистскому;
2. СССР начинал войну как агрессор в союзе с нацистской Германией;
3. СССР заканчивал войну как агрессор, принудительно коммунизируя Восточную Европу;
4. все советские победы были достигнуты исключительно тоталитарными методами [8; 13; 17; 27; 35; 38; 39; 41].

Разоблачение мифа теории тоталитаризма должно вестись как на концептуальном уровне, так и на уровне историче-

ских фактов. На концептуальном уровне необходимо показать фундаментальные различия между нацистской и коммунистической идеологиями. Нацистский и советский режимы не были и не могли быть подобными друг другу. Конечно, советский политический режим не был режимом мягким, не соответствовал шаблонам либеральной демократии. Но если нацистский режим базировался на идее антропологического неравенства, деления человечества на «сверхлюдей» и «унтерменшей», то советский – из идеи фундаментального равенства.

Приходится констатировать, что под влиянием западной политологии теория тоталитаризма получила широкое распространение в российском образовании. Важно зафиксировать, что претензия на научность в данном случае стала прикрытием идеологических и политических целей, стремлением перенести на Советский Союз в период холодной войны, а потом и на Россию в новую холодную войну все те приговоры, которые были вынесены на Нюрнбергском процессе в отношении нацистской Германии. Принятие в 2021 г. в Российской Федерации Федеральным Собранием запрета публичного отождествления целей, решений и действий СССР и нацистской Германии предполагает и соответствующее отношение к теории тоталитаризма, основанной на такого рода отождествлении².

В странах Восточной Европы получила распространение националистическая версия интерпретации Второй мировой войны. Утверждается, будто бы в войне было не 2 противостоящих друг другу силы, а 3. Третьей силой позиционируются национальные силы соответствующих государств, находившихся между «молотом и наковальней» и ведущих

¹ ОБСЕ: Фашизм – равно сталинизм // Иносми: [сайт]. URL: <https://inosmi.ru/world/20090709/250553.html> (дата обращения: 06.12.2024).

² Федеральный закон "О внесении изменения в Федеральный закон "Об увековечении Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов" от 01.07.2021 № 278-ФЗ // СПС Консультант Плюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_388798/#dst100008 (дата обращения: 06.12.2024).

якобы борьбу одновременно против нацизма и коммунизма. Такой взгляд доминирует, в частности, в историографии современной Украины и стран Прибалтики, являясь оправданием украинских и прибалтийских коллаборационистов. В действительности никакой третьей силы не существовало даже гипотетически. Организация украинских националистов (запрещённая в России) являлась продуктом германской политики, а отдельные действия против Вермахта на заключительной фазе войны, когда уже всё было решено, объясняются тривиальным стремлением дистанцироваться от проигравшей стороны и найти себе новых покровителей на Западе (что, собственно, и произошло) [3; 20; 22; 51].

Возникает запрос на формирование методологической парадигмы осмысления истории Второй мировой войны на основе цивилизационного подхода. Этот запрос определяет цель данного исследования, заключающегося в выдвижение научно-методических рекомендаций переосмысления истории Великой Отечественной и Второй мировой войн через призму теории цивилизаций.

Великая Отечественная война как война Священная

Необходимо формирование особого сакрального отношения к Великой Отечественной войне как исторической концентрации высших цивилизационных ценностей и смыслов Российской цивилизации. Великая Отечественная война не являлась войной классической. В восприятии советского народа, а сейчас и российского – она есть война священная. Священные войны ведутся не просто с иными государствами, а с онтологическим злом [2].

На кону священной войны не власть и не ресурсы, а само существование народа, соответствующей цивилизационной общности. Память о Великой Отечественной войне является важнейшим основанием российской цивилизационной идентичности, одной из духовных

скреп существования *Народа российско-го*. Сегодня принадлежать к Народу России в большом надэтническом значении может тот, кто принимает Великую Отечественную войну как основу своего самосознания. Для таких людей правота защитников Отечества 1941–1945 гг. безусловна, а слова «Наше дело правое! Враг будет разбит! Победа будет за нами!» – сакральны¹.

Принятие отношения к Победе в Великой Отечественной войне в качестве одной из скреп идентичности предполагает формирование отношения преемственности современных поколений россиян к поколению защитников Отечества 1941–1945 гг. На современные и будущие поколения налагаются особые требования сохранения памяти о подвиге защитников Отечества и защита результатов Победы.

Сакральными опорными образами Великой Отечественной войны в памяти поколений являются: оборона Москвы и блокадного Ленинграда, разгром нацистских войск под Сталинградом, на Курской дуге, в ходе операции «Багратион», взятие Берлина и знамя Победы над Рейхстагом, подвиги Зои Космодемьянской, Александра Матросова, Николая Гастелло, молодоговардейцев, фигуры Г. К. Жукова и других советских маршалов. Подвиг воинов – защитников Отечества сопряжён в рамках единого подвига Народа с героизмом советских партизан, подпольщиков и тружеников тыла [50].

Цивилизационное осмысление Победы

Взгляд на Россию как государство-цивилизацию предполагает и осмысление в цивилизационном ракурсе Великой Отечественной и в целом Второй мировой войн. Важно зафиксировать позиционирование СССР как одной из истори-

¹ Выступление по радио председателя СНК СССР В. М. Молотова с заявлением советского правительства о вероломном нападении фашистской Германии на СССР. 22 июня 1941 г.

ческих модификаций российского государства-цивилизации. Соответственно, и война в определённых смыслах стала цивилизационной войной. Российская цивилизация столкнулась в ней с объединённой под властью Германии Европой и победила. Со стороны противника эта война заявлялась продолжением многовекового противостояния с Азией, враждебной европейцам общности¹. Со стороны СССР в ситуации экзистенциальных испытаний произошло обращение к глубинным историческим основаниям Российской цивилизации, ценностям и героике прошлого. В этом смысле Победу в войне возможно и целесообразно рассматривать как Победу цивилизационную [25].

Цивилизационное измерение Великой Отечественной войны позволяет акцентировать внимание на том, что германский нацизм был исторически порождён Западной цивилизацией, несущей ответственность за его порождение. Порождение нацизма Западной цивилизацией отражало определённые тенденции в её развитии и не имело случайного характера. Современный западный неонацизм и враждебность к России восходят к той же природе состояния цивилизации Запада, воспроизводимых исторически фобиях, соотносимых с внутренним ценностным кризисом [4].

Указание на цивилизационное измерение Великой Отечественной войны не должно выражаться во враждебной маркировке всех европейцев. В Европе наряду с нацистами были силы антинацистского сопротивления, симпатизанты СССР, представлявшие здоровую часть западного сообщества, существующие и на современном Западе. Однако политически не они оказались доминантными силами.

Цивилизационные войны в истории отношений Россия–Запад

Великая Отечественная война стала продолжением многовекового цивилизационного противостояния Россия–Запад. Начиная с создания Русского централизованного государства, в интервале 30–50 лет происходила война России с очередным противником с Запада. Хронология этих конфликтов хорошо известна:

1558 г. – Ливонская война,

1609 г. – Польско-шведская интервенция,

1654 г. – Русско-польская война,

1700 г. – Северная война,

1756 г. – Семилетняя война,

1812 г. – Отечественная война,

1853 г. – Крымская война,

1914 г. – Первая мировая война и интервенция Антанты (1918),

1941 г. – Великая Отечественная война,

1991 г. – Поражение СССР в холодной войне,

2022 г. – Специальная военная операция.

Один из основоположников цивилизационного подхода А. Дж. Тойнби свидетельствовал, что стороной агрессии в этих конфликтах выступал именно Запад. «На Западе, – писал британский историк в 1948 г. в начале нового цивилизационного противостояния холодной войны, – бытует понятие, что Россия – агрессор. И если смотреть на неё нашими глазами – то все признаки налицо... На взгляд русских всё обстоит ровно наоборот. Русские считают себя жертвой непрекращающейся агрессии Запада, и, пожалуй, в длительной исторической перспективе для такого взгляда есть больше оснований, чем нам бы хотелось... Хроники вековой борьбы между двумя ветвями христианства, пожалуй, действительно отражают, что русские оказывались жертвами агрессии, а люди Запада – агрессорами... Русские навлекли на себя враждебное отношение Запада из-за своей упрямой приверженности чуждой цивилизации»

¹ Гиммлер Г. Выступление в Харьковском университете перед командирами дивизий СС // Проект «Нюрнберг. Начало мира»: [сайт]. URL: <https://clck.ru/3MRJaP> (дата обращения: 06.12.2024).

[43, с. 372]. И на Западе, и в СССР знали и понимали, что пройдёт время и противостояние возобновится¹. На Западе эти знания поддерживались, а позднесоветским и либеральным постсоветским руководством были утрачены. Расплата за утрату бдительности в перестроечный период, когда был выдвинут концепт «нового мышления», наступила немедленно.

Осмысление произошедшего с течением лет заставило принять повестку восстановления суверенных потенциалов России. Но такой поворот не входил в планы Запада, считавшего себя победителем в холодной войне. Попытки принудить Россию отказаться от курса на ресуверенизацию не завершились успехом. Тогда были включены механизмы силового принуждения. Но и они не дали результата. Прокси-война Запада против России, осуществляемая через принявшей на себя роль «пушечного мяса» Украины, фактически ими уже проиграна. Западные элиты недооценили Россию и российские народы, так же как они недооценили в 1941 г. потенциал Советского Союза [23].

Цивилизационный геноцид

Действия и замыслы политики Германии на оккупированных советских территориях, а также в отношении интернированных советских граждан следует классифицировать в качестве политики геноцида. Сверхвысокие потери СССР в войне объясняются не военными преимуществами противника, а геноцидными действиями, применяемыми как в отношении гражданского населения, так и военнопленных [24; 53]. Действия и замыслы противника юридически полностью подпадают под определение геноцида «Конвенцией о предупреждении преступления геноцида и наказании за него», принятой в 1948 г. Организацией

Объединённых Наций². Война с СССР была объявлена А. Гитлером как особый тип военного конфликта – «войны на уничтожение»³, и она реализовывалась противником именно в таком качестве [21]. Целевым ориентиром было не уничтожение отдельных народов, а всей цивилизационной общности, что даёт основание для применения понятия «цивилизационный геноцид».

Великая Отечественная война и традиционные российские духовно-нравственные ценности

Историософия предполагает нахождение высших смыслов исторического процесса, и такие смыслы в преломлении к Великой Отечественной войне необходимо представить. В логике государственной политики в области исторического просвещения смыслы должны быть соотнесены с заявляемыми фундаментальными ценностями.

Историософия Победы должна встраиваться в общую формируемую систему мировоззрения российских граждан. Сегодня это означает соотнесение её с традиционными российскими духовно-нравственными ценностями (Указ президента № 809 от 09.11.2022) и представлениями о России как государстве-цивилизации (Указ президента № 314 от 8.05.2024)⁴.

¹ Сталин И. В. Речи на обеде в честь Э. Бенеша 28 марта 1945 года // Сталин И. В. Сочинения. Т. 18. Тверь: Информационно-издательский центр «Союз», 2006. С. 359–363.

² Конвенция о предупреждении преступления геноцида и наказании за него // ООН: [сайт]. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/genocide.shtml (дата обращения: 06.12.2024).

³ Гальдер Ф. Военный дневник. Ежедневные записи начальника Генерального штаба Сухопутных войск 1939–1942 гг. Т. 2. От запланированного вторжения в Англию до начала Восточной кампании (1.7.1940–21.6.1941). М.: Воениздат, 1969. С. 430–431.

⁴ Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 г. № 809 "Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей" // Президент России: [сайт]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502> (дата обращения: 06.12.2024); Указ Президента Российской Федерации от 08.05.2024 г. № 314 "Об утверждении Основ государственной политики Российской Федерации в области исторического просвещения" Президент России: [сайт].

Преломление с повесткой Указа «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» означало бы продвижение позиции сохранения советским народом традиционных ценностей, которые актуализировались во время Великой Отечественной войны и за счёт которых была достигнута Победа. Противник же опирался на антиценности, ставшие основой человеконенавистнической идеологии и практики. Традиционные ценности, аккумулируемые понятием добро, противопоставлялись антиценностям, проявляемым как зло [5].

В германском нацизме обнаруживается неоязыческая составляющая. Неоязычество стало формой религиозного обоснования идеологии дегуманизации, расового и этнического превосходства, сакрализации «крови». В отличие от племенного язычества нацистское неоязычество фактически возвело в культ силы смерти и носило человеконенавистнический характер [11; 12; 18].

С другой стороны, в СССР в годы войны происходит процесс, который можно определить как религиозный ренессанс [33]. Популяризируются герои тысячелетней России – христианские воители, восстанавливается патриаршество, открываются храмы¹. Пришедшее на третий день Пасхи окончание войны – 9 мая 1945 г. – соотносилось с общим смысловым подтекстом великой победы христианских ценностей. Одновременно это соотносилось с пониманием победы сил света во всех других традиционных религиях народов Советского Союза².

URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/50534> (дата обращения: 06.12.2024).

¹ Русская Православная Церковь в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945 гг. / сост.: О. Ю. Васильева, И. И. Кудрявцев, Л. А. Лыкова. М.: Изд-во Крутицкого патриаршего подворья, 2009. 778 с.

² Митрополит Кирилл: Неслучайно, что Пасха в 1945-м пришлась на 6 мая – День Георгия Победоносца. Это глубочайший и мощный символ для нас // Накануне: [сайт]. URL: <https://www.nakanune.ru/>

В Великую Отечественную войну народами СССР отстаивались все те ценности, которые сегодня определяются в качестве традиционных российских духовно-нравственных ценностей. Руководство всех традиционных российских религиозных конфессий, несмотря на имевшиеся ранее сложности во взаимоотношениях с властями, активно и однозначно поддержало борьбу с врагом, обращаясь к пастве с призывом защиты Родины.

С кем воевали?

Раскрытие темы войны предполагает указание на врага, с которым воевали, раскрытие его образа. Приходится констатировать, что образ врага (его категориальное определение) оказался в постсоветский период размыт. Позиция о том, что воевали с «гитлеровской Германией» представляется недостаточной и деформирующей видение масштабов войны³. Очевидно, что война не определялась исключительно феноменом Гитлера и не ограничивалась претензиями Германии. Существовали разные силы, взращивавшие германский нацизм и канализирующие его военную экспансию [52].

Определённые сложности также приносят одновременное использование понятий «фашизм» и «нацизм», распространение утверждения, что воевали не с фашизмом, что приводит к ревизии всех нарративов военного времени. Во время Великой Отечественной войны среди советского населения существовало понимание, что война ведётся с фашизмом, и пересмотр этого восприятия сам по себе был бы деструктивен. Выходом из этой коллизии может стать упорядочивание использования понятий – «фашизм» и «нацизм», при котором «нацизм» оказывается одной из идеологических версий более широкого явления – фашизма. Ита-

articles/110354/ (дата обращения: 06.12.2024).

³ Указ об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации // Президент России [сайт]. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/70811> (дата обращения: 06.12.2024).

льянская этимология слова «фашизм» в данном случае не столь важна, а более важен факт существования разных идеологических течений, объединяемых идеей антропологического превосходства и неравенства с вытекающей из неё практикой подавления. Нацизм представлял один из видов этой идеологии, состоящий в утверждении антропологического превосходства и неравенства по принципу расовой и этнической принадлежности (принципу крови) [4; 16; 28].

Союзники: двойственность позиции Соединённых Штатов Америки и Великобритании

СССР, Великобритания и США составляли основу антигитлеровской коалиции, что важно зафиксировать в качестве потенциальной возможности объединения усилий против абсолютного зла. Однако при этом необходима также фиксация, что вклад в Победу Советского Союза и западных государств был несопоставим. Важно также зафиксировать двойственную роль Запада, преследовавшего во Вторую мировую войну свои геополитические и коммерческие интересы. Западный капитал инвестировал германский империализм, а западная политика подталкивала его к агрессии на восток. Взаимное ослабление геополитических акторов Европы отвечало интересам заокеанского капитала, позволив в итоге дать абсолютное преобладание Соединённым Штатам Америки в западном мире. На завершающей фазе Второй мировой войны определённые политические круги Запада разрабатывали сценарий новой войны с СССР, рассматривали Советский Союз в качестве противника, пытались устроить его новым ядерным оружием [34; 37; 42].

Решающая роль СССР в победе над Германией и её сателлитами должна быть дополнена также фиксацией его решающей роли в победе над империалистической Японией. Без вступления СССР в войну с Японией и разгрома Квантунской

армии американо-японское противостояние¹ затягивалось бы на неопределённую перспективу при неопределённом исходе [14].

«Войны памяти» и миф о советской агрессии

Составной частью информационных войн являются войны памяти. В фокусе современной войны памяти находится история Второй мировой и Великой Отечественной войн. Ревизия истории преследует 2 цели: подрыва национальной памяти российского общества и легитимизацию пересмотра основанной на итогах войны системы международного права. Реконструируемая цель исторических мифов и фальсификаций – лишить Россию как преемника СССР Победы.

Среди ключевых антисоветских мифов находится миф о советской агрессии на начальной фазе Второй мировой войны. Статья президента России В. В. Путина «75 лет Великой Победы: общая ответственность перед историей и будущим» расставляет акценты в видении мировой ситуации 1938–1941 гг., показывая недостоверность навязываемого СССР образа агрессора².

В противовес обвинениям СССР в развязывании мировой войны в союзе с Германией следует не только говорить о вынужденности действий Советского Союза, а об их целесообразности, вернувшись к трактовке польского похода Красной Армии как освобождения украинского и белорусского народов³. И это действительно было освобождение

¹ Кошкин А. Японию принудила к капитуляции не атомная бомба, а Красная армия // Фонд стратегической культуры: [сайт]. URL: <https://fondsk.ru/news/2020/08/09/japoniu-prinudila-k-kapituljacji-ne-atomnaja-bomba-a-krasnaja-armia.html> (дата обращения: 06.12.2024).

² Putin V. The Real Lessons of the 75th Anniversary of World War II // The National Interest [сайт]. URL: <https://clck.ru/3MRKvK> (дата обращения: 06.12.2024).

³ Клоков В. Я. Великий освободительный поход Красной Армии. (Освобождение Западной Украины и Западной Белоруссии). Воронеж: Областное книжное издательство, 1940. 48 с.

нием, имея в виду националистический характер польского государства, дискриминацию в нём украинцев и белорусов, прецеденты национальных репрессий, функционирования концентрационных лагерей, вроде концлагеря в Березе-Картузской¹. Спасительным был поход Красной Армии в перспективе прихода немцев не только для славянского, но и достаточно многочисленного в сравнении с другими странами еврейского населения.

Следует предложить перечитать содержание «секретных протоколов», из которых будто бы следовало, что Гитлер и Сталин договорились поделить между собой Европу, а далее действовали соответственно с этими договорённостями. Вопреки фактически принятой на Западе интерпретации, в протоколах нет ни слова о территориальных разделах. Вместо понятия «территориальный раздел» используется понятие «сферы интересов»². Из факта наличия интересов за пределами соответствующего государства и разграничения сфер интересов территориальный раздел ни коим образом не следует. Польша сама, как показано, в частности, в статье В. В. Путина³, вынашивала экспансионистские планы в отношении СССР и выстраивала на этот счёт соответствующие договоренности с Германией⁴.

Также следует пересмотреть одностороннюю трактовку в качестве жертвы советской агрессии Финляндия. Финляндия имела агрессивные планы на востоке, вела панфинскую пропаганду, и её агрессивность в полной мере подтверждается соучастием в нацистских преступлениях в период Великой Отечественной войны [6; 7; 10; 54].

Утверждение, будто бы коммунистическая идеология была принесена в Восточную Европу на штыках советских солдат, также нуждается в опровержении как исторически недостоверное. Страны Восточной Европы избрали после войны социалистический путь развития. Ключевым здесь является именно слово «избрали». На выборы шли не только коммунисты, но и представители других партий. Расклад по результатам выборов в странах Восточной Европы был различным. Динамика выборного процесса послевоенного периода не позволяет говорить об одномоментном привнесении коммунизма в Восточную Европу при входе туда Красной Армии, о советской оккупации [32].

Показательны в этом отношении результаты выборов в первые послевоенные годы в странах, в которых советские войска отсутствовали. Фактически везде отмечается огромный рост популярности коммунистических партий. Послевоенные годы были историческим максимумом популярности идей коммунизма в мире, что находило соответствующее выражение на выборах. Так, компартия побеждала в течение ряда лет на выборах в Национальное собрание Франции. Французы прекрасно понимали тогда, кто внёс основной вклад в Победу, отдавая свои симпатии аффилированным с СССР коммунистам. А в то же время в рамках плана Маршалла и формирования блока НАТО осуществлялась американизация Западной Европы⁵.

⁵ Выборы во всем мире. Электоральная свобода и общественный прогресс. Энциклопедический справочник / сост. А. А. Танин-Львов. М.: РОССПЭН, 2001. 1112 с.

¹ Они не стали на колени: Сборник воспоминаний и документов о концлагере Берёза-Картузская / Сост. В. Поссе, Л. Аржаева. Минск : Беларусь, 1966. 347 с.

² Секретный дополнительный Протокол [Электронный ресурс]. URL: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/149279-sekretnyy-dopolnitelnyy-protokol-moskva-23-avgusta-1939-goda> (дата обращения: 06.12.2024).

³ Putin V. The Real Lessons of the 75th Anniversary of World War II // The National Interest: [сайт]. URL: <https://nationalinterest.org/feature/vladimir-putin-real-lessons-75th-anniversary-world-war-ii-162982> (дата обращения: 06.12.2024).

⁴ Запись беседы министра иностранных дел Германии И. Риббентропа с министром иностранных дел Польши Ю. Бекком. 6 января 1939 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/100911-zapis-besedy-ministra-inostrannyh-del-germanii-i-ribbentropa-s-ministrom-inostrannyh-del-polshi-yu-bekom-6-yanvarya-1939-g> (дата обращения: 06.12.2024).

Правда Победы

Мифы о войне часто преподносятся под видом «солдатской правды», противопоставляемой правде официальной. Акцентировка на неудачах, ошибках, неприглядных сторонах формирует ложную картину о войне. Сами по себе приводимые факты могут быть подлинными, но, поданные в качестве доминирующей темы, они превращаются в неправду. Вопрос о том, что есть «правда о войне», поднимался и в советские годы, став предметом спора среди интеллигенции. «Истинная правда, – отвечал на призывы раскрыть “проблемные” стороны войны выдающийся советский скульптор, создатель монументов “Воин-освободитель” в Трептов-парке и “Родина-мать зовёт!” Е. Вучетич, – состоит не только в том, что мы отошли до берегов Волги, а и в том, что мы, сломав у крутых волжских берегов хребет фашистскому зверю, дошли затем до Берлина и водрузили над рейхстагом знамя нашей великой Победы»¹. Правда Победы 1945 г. была поставлена Вучетичем выше правды неудач 1941–1942 гг.

Недопустимость реабилитации «власовщины»

Абсолютно неприемлемыми являются любые попытки реабилитации или коллаборационизма в любых его проявлениях. Довод о том, что «власовцы» и им подобные коллаборационисты иначе видели будущее своей страны и боролись с большевистским режимом, следует классифицировать как прикрытие предательства. Переход на сторону внешнего врага в ситуации войны является предательством и тягчайшим моральным преступлением вне зависимости от мотиваторов и объяснений совершенного. Тем более это относится к переходу на сторо-

ну нацистской Германии, реализующей планы физического уничтожения самой Российской цивилизации [26].

Не могут быть оправданы и те представители эмиграции, которые поддерживали агрессию Гитлера вне зависимости от обстоятельств их прежней биографии, участия, в частности, в Гражданской войне. Великая Отечественная война исторически завершила Гражданскую войну, потребовав консолидации всех патриотических сил – и красных, и белых – в защите Отечества. И многие бывшие непримиримые враги советской власти в этой ситуации однозначно встали на сторону СССР [44].

Победа многонационального советского Народа

Свою лепту в Победу внесли все без исключения народы СССР. Война была вызовом и угрозой для каждого из советских народов, а победа была общей для всех. Разделение народов в отношении войны может привести к самым деструктивным последствиям. Важно проиллюстрировать положение о единстве примерами подвигов представителей разных национальностей. Звания Героя Советского Союза были удостоены представители 68 народов, что само по себе служит такого рода иллюстрацией². Важно подчеркнуть, что само понятие «советский народ» было выдвинуто непосредственно в предвоенные годы и прошло испытание войной. Советский народ включал все народы СССР³.

Многонациональный характер СССР германское руководство пыталось использовать для организации внутреннего раскола. Велась пропаганда сепаратизма, создавались соответствующие националистические организационные струк-

¹ Сорокин А., Григорьев Е. «Хитрая статья, как тележка с люфтом, то в одну, то в другую сторону...» // Родина: [сайт]. URL: <https://rodina-history.ru/2024/12/09/hitraia-statia-kak-telezhka-s-liuftom-to-v-odnu-to-v-druguu-storonu.html> (дата обращения: 06.12.2024).

² Малинский Г. Герои Советского Союза по национальности // Проза: [сайт]. URL: <https://proza.ru/2009/08/16/901> (дата обращения: 06.12.2024).

³ Трайнин И. П. Советское социалистическое многонациональное государство. М.: Политиздат, 1940. 63 с.

туры. Утверждать, что эта пропаганда была полностью безрезультатной, нельзя. Прецеденты коллаборационизма под вывеской борьбы за национальное освобождение имели место. Но ни у одного из советских народов они не приобрели характер доминантной позиции.

Особая роль русского народа, отмеченная И. В. Сталиным в тосте о Русском народе, отражает его положение в качестве народа государствообразующего и цивилизационно-образующего¹. Понимание русскости периода Великой Отечественной войны ярко раскрывает диалог из современного художественного фильма «28 панфиловцев» двух героев московской обороны, представлявших разные национальности. Казах понимает себя в качестве русского казахской национальности, а русский говорит, что «за Казахстан будем драться – всем покажем, кто такие казахи»².

Роль государства как организатора побед

Было бы принципиально ошибочно, как исторически, так и с точки зрения современного мировоззренческого строительства, отделить подвиг народа от советского государства. Тем более недопустимы такие утверждения, будто бы государство вело борьбу с собственным обществом. И если государство ведёт борьбу с собственным обществом, значит оно оккупационное, и народ имеет право на его свержение и использование против него любых средств. Именно этот тезис и был взят Германией за основу пропаганды среди советского населения. Противник преследовал цель дегитимизировать государственную власть, внести раскол в отношения народа и ру-

ководства страны, противопоставить их друг другу. И тем удивительнее, что либеральные авторы используют то же самое положение, что и нацисты.

Стремления противопоставления государства и народа обнаруживаются, в частности, в подходе, за которым закрепилось понятие «вопрекизм». Суть его заключается в выдвигании положения, будто бы победы народ достиг вопреки государственной власти и партии [17]. Опиравшаяся на марксистскую идеологию система СССР, по оценке её критиков, являлась неэффективной и нефункциональной. И только оказавшись в ситуации наивысшей экстремальности, перед угрозой физического уничтожения, народ будто бы и проявил себя субъектом истории в противоречии с стратегиями государства.

Абсурдной является сама идея, что победы в войнах можно одержать без государства вообще, без его организующей силы, и тем более вопреки ему. Тем более это абсурдно в войнах такого масштаба как Великая Отечественная война, требующая координации всех компонент системы [9].

Другой подход состоит в прямо противоположном утверждении, парадоксально сочетающемся с первым, о том, что победа была достигнута режимом только за счёт крайней беспощадности в отношении людей [38]. Используется метафора «завалили врага трупами», без понимания того, что даже технологически в условиях применения огнестрельного оружия это сделать невозможно. Сталинский режим и военачальники – «мясники», будто бы не щадили человеческих жизней и только так достигли успеха. На первый план в этих нарративах выносятся Приказ № 227, «заградотряды», СМЕРШ, штрафники, принуждение и чувство страха. На формирование этого мифа, к сожалению, работает и кинематограф. Между тем известны многочисленные, переходящие в массовость, примеры самопожертвования советских

¹ Сталин И. В. Выступления на приеме в Кремле в честь командующих войсками Красной Армии 24 мая 1945 года // Сталин И. В. Сочинения. Т. 15. М.: Писатель, 1997. С. 228–229.

² «28 панфиловцев» – российский художественный фильм (2016 г.) А. Шальопы и К. Дружинина о легендарном подвиге советских бойцов при обороне Москвы в 1941 г.

солдат, шедших осознанно на смерть. И очевидно, что не может человек идти на смерть, боясь наказания и смерти. Соответственно, можно говорить, что имеет место целенаправленное осквернение подвига защитников Отечества, не имеющее ничего общего с научным поиском и подпадающее под правовое определение в качестве преступного деяния.

Ошибочно было бы исключать из факторов Победы фигуру главнокомандующего. При всём различии отношений к Сталину как к политику, к теме политических репрессий и иным острым вопросам важно зафиксировать, что его факторная роль в Победе является весомой. В России во все времена особое значение имела фигура верховного руководителя страны, и эта роль могла как сыграть резко в минус, так и резко в плюс. В Великой Отечественной войне во главе государства нужна была именно фигура, обладающая многими качествами, которыми обладал верховный главнокомандующий [40].

СССР одержал Победу над Германией, тогда как другие европейские государства не смогли ей убедительно противостоять. Следовательно, имелись некие системные преимущества советской государственной модели. Эти системные преимущества связываются с восстановлением к 1941 г. модели государства-цивилизации. Такая система смогла наиболее аккумулятивно использовать цивилизационные ресурсы Российской цивилизации. Удалось создать мобилизационные механизмы, позволившие состояться «русскому чуду» исторического цивилизационного прорыва.

Всемирно-историческое значение Великой Победы – спасение человечества

Важно акцентировать всемирно-историческое значение Победы в Великой Отечественной войне. Встречающаяся позиция о том, что результатом победы стало геополитическое усиление СССР верна лишь отчасти и, поданная в таком

акценте, деформирует смысл Великой Отечественной войны. Важно зафиксировать, что следствием Победы явилось спасение человечества от «коричневой чумы». Именно СССР и советский народ, Российская цивилизация, фактически спасли в 1945 г. человечество, буквально – кровь 27 млн человек была положена на алтарь мира и свободы. В этой связи требует моральной оценки антироссийская историческая пропаганда со стороны ряда недружественных России государств, спасённых 80 лет назад Красной Армией от нацизма. И сегодня Россия вправе заявлять о своих особых правах в оценке и предупреждении угроз неонацизма в мире [31].

Борьба за Победу после Победы: от героев Великой Отечественной войны к героям СВО

Мероприятия коммеморации важны, но недостаточны. Борьба за результаты Победы продолжается и после Победы. После 1945 г. противник поменял тактику, использовал другие приёмы, сам предстал в иных образах. Подвиги современного поколения защитников Отечества, героев СВО преемственны в этом отношении подвигам героев Великой Отечественной войны. Тема Великой Отечественной войны должна в год 80-летия Победы звучать не только как тема историческая, а как тема актуальной повестки и как тема ценностная – надвременная¹.

Заключение

Представленные научно-методические рекомендации должны создать целостную в рамках цивилизационного подхода интерпретацию Великой Отечественной и Второй мировой войн. Цивилизационно-ценностный подход может быть дополнен определёнными положе-

¹ Указ о подготовке и проведении празднования 80-й годовщины Победы в Великой Отечественной войне // Президент России: [сайт]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/news/71868> (дата обращения: 11.11.2024).

ниями марксистской историографии, теории геополитики, дискурса русской идеи. Ключевыми задачами в развитии цивилизационной версии истории Великой Отечественной и Второй мировой войн является реализация следующих положений:

- переосмысление СССР как государства-цивилизации в его модификационных особенностях периода модерна;

- сакрализация подвига Народа периода Великой Отечественной войны, восстановление её восприятия в качестве войны «священной»;

- определение расширения границ СССР на западном направлении как цивилизационное восстановление и воссоединение единой восточнославянской общности;

- переосмысление Великой Отечественной войны как войны цивилизационной, в которой столкнулись российская и европейская цивилизационные общности;

- оценка замыслов и практики войны Германии и её сателлитов на востоке как цивилизационного геноцида;

- раскрытие темы цивилизационных истоков германского нацизма, установление ответственности Западной цивилизации за порождение нацизма;

- объяснение факта фашистской консолидации Европы как цивилизационного феномена;

- выявление цивилизационных истоков японского милитаризма;

- раскрытие двойственности позиции США и Великобритании во Второй мировой войне в рамках концепции внутрицивилизационного соперничества за доминирование с Германией и межцивилизационных отношений с СССР;

- раскрытие подвига советского народа в Великой Отечественной войне как проявление кодов Российской цивилизации, духовно-нравственных цивилизационных ресурсов;

- акцентированное рассмотрение темы восстановления Российской ци-

визационной идентичности в период Великой Отечественной войны, цивилизационной идеологической инверсии СССР;

- репрезентация традиционных российских духовно-нравственных ценностей через исторический нарратив Великой Отечественной войны;

- выявление цивилизационных факторов Победы и механизмов их реактуализации в период Великой Отечественной войны;

- определение места Великой Отечественной войны в истории Российской цивилизации и в цивилизационной истории человечества;

- осмысление истории Великой Отечественной войны через призму христианской историософии;

- рассмотрение в контексте цивилизационного подхода изменения отношения советского государства и Русской Православной Церкви в период войны;

- проведение соотнесения с теорией цивилизаций обращения к русской идентичности в предвоенные годы и годы Великой Отечественной войны;

- выработка интерпретаций в рамках цивилизационной теории обращения к образам дореволюционной истории в предвоенный и военный периоды, восстановление связи досоветского прошлого и советского настоящего;

- объяснение в цивилизационном ракурсе ключевых событий Великой Отечественной войны, политики советского государства военных лет;

- представление и семиотическое закрепление цивилизационных символов подвига советского народа в Великой Отечественной войне;

- формирование основ осмысления всемирно-исторического значения советской победы над нацизмом с позиции отстаивания цивилизационной вариативности человечества, предотвращения угроз нацистской унификации, расовых дискриминаций и геноцидных практик;

– оценка последствий перехода на в научной, образовательной, воспита- методологию теории цивилизаций в от- тельной и просветительской деятель- ношении Великой Отечественной войны ности.

Дата поступления в редакцию 11.12.2024

ЛИТЕРАТУРА

1. Арендт Х. Истоки тоталитаризма / пер. с англ. И. В. Борисовой и др. М.: Скрипториум, 2009. 668 с.
2. Багдасарян В. Э. Священная история – основа национального самосознания // Общественно-политический журнал «Изборский клуб». 2018. № 9-10. С. 58–71.
3. Багдасарян В. Э. Украинский нацизм. Исторические истоки. М.: Наше Завтра, 2023. 582 с.
4. Багдасарян В. Э. Фашизм и нацизм. Вторая попытка. М.: Тион, 2025. 672 с.
5. Багдасарян В. Э., Иерусалимский Ю. Ю., архимандрит Сильвестр (Лукашенко). Традиционные ценности как основа нового мировоззренческого строительства. Ярославль: Шукаев и семья. 2024. 296 с.
6. Барышников В. Н. От прохладного мира к зимней войне: Восточная политика Финляндии в 1930-е годы. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1997. 353 с.
7. Барышников Н. И. Финляндия: Из истории военного времени, 1939–1944. М.: Наука, 2010. 409 с.
8. Бунич И. Л. Операция "Гроза", или Кровавые игры диктаторов. СПб.: Облик, 1997. 572 с.
9. Ван Кревельд М. Трансформация войны / ред. пер. с англ. Ю. Кузнецов. М.: ИРИСЭН, 2005. 343 с.
10. Васара В.-Т. Проблемы формирования идеологии «Великой Финляндии» // Вестник Российского государственного университета им. И. Канта. 2010. Вып. 12. С. 37–42.
11. Васильченко А. В. Аненербе. «Наследие предков» без мифов и тайн. М.: Рипол-классик, 2005. 432 с.
12. Васильченко А. В. Оккультный миф III рейха. М.: Яуза-пресс, 2008. 624 с.
13. Вишлёв О. В. Западные версии высказываний И. В. Сталина 5 мая 1941 г. По материалам германских архивов // Новая и новейшая история. 1999. № 1. С. 93–115.
14. Внотченко Л. Н. Победа на Дальнем Востоке. М.: Воениздат, 1971. 392 с.
15. Галкин А. А. Германский фашизм. М.: Наука, 1989. 352 с.
16. Голдберг Дж. Либеральный фашизм / пер. с англ. М.: Рид Групп, 2012. 512 с.
17. Горбачевский Б. С. Победа вопреки Сталину. Фронтовик против сталинистов. М.: Эксмо, 2012. 416 с.
18. Гудрик-Кларк Н. Оккультные корни нацизма. Тайные арийские культы и их влияние на нацистскую идеологию: Ариософы Австрии и Германии, 1890–1935. М.: ЭКСМО, 2004. 576 с.
19. Дугин А. Г. Вестернология: в направлении суверенной русской науки // Вестник Государственного университета просвещения Серия: История и политические науки. 2024. № 3. С. 7–21.
20. Дюков А. Р. Второстепенный враг. ООН, УПА и решение «еврейского вопроса». М.: Regnum, 2008. 150 с.
21. Дюков А. Р. Нацистская идеология и планирование «Войны на уничтожение» против Советского Союза // Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований. 2021. № 2. С. 7–69.
22. Дюков А. Р. Протекторат «Литва». Тайное сотрудничество с нацистами и нереализованный сценарий утраты литовской независимости. М.: Фонд «Историческая память», 2013. 264 с.
23. Кикнадзе В. Г. Спецоперация. Украинский фронт войны против России. М.: Прометей, 2023. 504 с.
24. Кикнадзе В. Г., Романько О. В., Саенко А. С. Геноцид народов России. Преступления против советского мирного населения и военнопленных в годы Великой Отечественной войны. М.: Прометей, 2024. 990 с.
25. Кожин В. В. Россия. Век XX-й (1939–1964). М.: Алгоритм, 1999. 400 с.
26. Кружков В. А. Власовцы: русские коллаборационисты против Сталина, Черчилля, Рузвельта и евреев // Международная жизнь. 2020. № 3. С. 106–124.

27. Лебедева Н. С. Сентябрь 1939 г: Польша между Германией и СССР // Вестник МГИМО-Университета. 2009. № 4. С. 231–250.
28. Ленель-Лавастин А. Забытый фашизм: Ионеско, Элиаде, Чоран. М: Прогресс-Традиция, 2007. 528 с.
29. Ломоносов М. В. Древняя российская история от начала российского народа до кончины Великого Князя Ярослава Первого или до 1054 года // Ломоносов М. В. Полное собрание сочинений. Т. 6: Труды по русской истории, общественно-экономическим вопросам и географии. 1747–1765 гг. М.; Л.: АН СССР, 1952. С. 163–286.
30. Люкс Л. Большевизм, фашизм, национал-социализм – родственные феномены // Вопросы философии. 1998. № 7. С. 48–57.
31. Мединский В. Р. Война. Мифы СССР. 1939–1945. М.: Эксмо, 2022. 720 с.
32. Москва и Восточная Европа. Становление политических режимов советского типа (1949–1953): Очерки истории / Т. В. Волокитина, Г. Л. Мурашко, А. Ф. Носкова, Т. А. Покивайлова М.: РОССПЭН, 2002. 686 с.
33. Одинцов М. И. Власть и религия в годы войны: государство и религиозные организации в СССР в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. М.: Российское объединение исследователей религии, 2005. 540 с.
34. Пауэлс Ж. Р. Большой бизнес и Гитлер. М.: Наше Завтра, 2021. 352 с.
35. Петров Н. В. По сценарию Сталина: роль органов НКВД–МГБ СССР в советизации стран Центральной и Восточной Европы. 1945–1953 гг. М.: РОССПЭН, 2011. 351 с.
36. Проэктор Д. М. Фашизм: путь агрессии и гибели. М. Наука 1989. 582 с.
37. Ржешевский О. А. Секретные военные планы У. Черчилля против СССР в мае 1945 г. // Новая и новейшая история. 1999. № 3. С. 98–123.
38. Соколов Б. В. Кто воевал числом, а кто – умением. Чудовищная правда о потерях СССР во Второй Мировой. М.: Яуза, 2011. 357 с.
39. Соколов Б. В. Правда о Великой Отечественной войне. СПб.: Алетейя, 1998. 348 с.
40. Соловьев Б. Г., Суходеев В. В. Сталин. Военный гений. М., 2005. 415 с.
41. Солонин М. С. Мозгоимение. Фальшивая история Великой войны. М.: Яуза, Эксмо, 2008. 656 с.
42. Тесля А. А. О месте и смысле всемирной истории в историософии Н.Я. Данилевского // Государственное управление. Электронный вестник. 2024. № 104. С. 88–95.
43. Тойнби А. Дж. Цивилизации перед судом истории / пер. с англ. М.: Айрис Пресс. 2003. 592 с.
44. Турыгина Н. В. Русская эмиграция во Франции в годы Второй мировой войны: дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2016. 190 с.
45. Фалин В. М. Второй фронт. Антигитлеровская коалиция. Конфликт интересов. М.: Центрполиграф, 2025. 576 с.
46. Фомин В. В. Варяго-русский вопрос в отечественной историографии XVIII–XX вв.: дис. ... док. ист. наук. М.: ИРИ РАН, 2005. 577 с.
47. Фомин В. В. Ломоносовщина российских норманистов // Варяго-русский вопрос в историографии. М.: Русская панорама, 2010. С. 203–521.
48. Фомин В. В. Начало Руси в трудах М. В. Ломоносова // Вестник Московского Университета. Серия 12. Политические науки. 2011. № 6. С. 14–21.
49. Хайек Ф. Дорога к рабству. М.: Новое издательство, 2005. 264 с.
50. Чемшит А. А., Стаценко О. С. Сакральный характер Великой Отечественной войны // Учёные записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Философия. Политология. Культурология. 2018. № 1. С. 139–146.
51. Шамбаров В. Фашистская Европа. М.: Алгоритм, 2014. 544 с.
52. Эйлсби К. Иностранные легионы нацистской Германии. Добровольческие формирования, воевавшие на стороне Гитлера. 1941–1945. М.: Центрполиграф, 2012. 190 с.
53. Яковлев Е. Н., Дюков А. Р., Симиндей В. В. Нацизм на оккупированных территориях Советского Союза. СПб.: Питер, 2024. 496 с.
54. Paasi A. The rise and fall of Finnish geopolitics // Political Geography Quarterly. 1990. Vol. 9. № 1. С. 53–65.

REFERENCES

1. Arendt, H. (2009). *The Origins of Totalitarianism*. Moscow: Scriptorium Publ. (in Russ.).
2. Baghdasaryan, V. E. (2018). Sacred History – the Basis of National Identity. In: *Socio-political journal "Izborsky Club"*, 9-10, 58–71 (in Russ.).
3. Baghdasaryan, V. E. (2023). *Ukrainian Nazism. Historical Origins*. Moscow: Nashe Zavtra Publ. (in Russ.).
4. Baghdasaryan, V. E. (2025). *Fascism and Nazism. Second Attempt*. Moscow: Tion Publ. (in Russ.).
5. Baghdasaryan, V. E., Ierusalimsky, Yu. Yu. & Archimandrite Sylvester (Lukashenko) (2024). *Traditional Values as the Basis for a New Worldview Construction*. Yaroslavl: Shukaev i semya Publ. (in Russ.).
6. Baryshnikov, V. N. (1997). *From a Cool Peace to a Winter War: Finland's Eastern Policy in the 1930s*. St. Petersburg: Izd-vo SPbGU Publ. (in Russ.).
7. Baryshnikov, N. I. (2010). *Finland: From the History of Wartime, 1939–1944*. Moscow: Nauka Publ. (in Russ.).
8. Bunich, I. L. (1997). *Operation "Storm", or the Bloody Games of Dictators*. St. Petersburg: Oblik Publ. (in Russ.).
9. Van Creveld, M. (2005). *Transformation of War*. Moscow: IRISEN Publ. (in Russ.).
10. Vasara, V.-T. (2010). Problems of Formation of the Ideology of "Great Finland". In: *Bulletin of the I. Kant State University of Russia*, 12, 37–42 (in Russ.).
11. Vasilchenko, A. V. (2005). *Ahnenerbe. "The Heritage of Ancestors" without Myths and Secrets*. Moscow: Ripol-classic Publ. (in Russ.).
12. Vasilchenko, A. V. (2008). *Occult Myth of the Third Reich*. Moscow: Yauza-press Publ. (in Russ.).
13. Vishlev, O. V. (1999). Western Versions of I. V. Stalin's Statements on May 5, 1941 Based on Materials from German Archives. In: *New and Contemporary History*, 1, 93–115 (in Russ.).
14. Vnotchenko L. N. *Pobeda na Dalnem Vostoke* [Victory in the Far East]. Moscow, Voenizdat Publ., 1971. 392 p. (in Russ.).
15. Galkin, A. A. (1989). *German Fascism*. Moscow: Nauka Publ. (in Russ.).
16. Goldberg, J. (2012). *Liberal Fascism*. Moscow: Rid Grupp Publ. (in Russ.).
17. Gorbachevsky, B. S. (2012). *Victory in Spite of Stalin. A Frontline Soldier Against the Stalinists*. Moscow: Eksmo Publ. (in Russ.).
18. Goodrick-Clarke, N. (2004). *Occult Roots of Nazism. Secret Aryan Cults and Their Influence on Nazi Ideology: The Ariosophists of Austria and Germany, 1890–1935*. Moscow: Eksmo Publ. (in Russ.).
19. Dugin, A. G. (2024). Western Studies: Towards Sovereign Russian Science]. In: *Bulletin of Federal State University of Education. Series: History and Political Sciences*, 3, 7–21. (in Russ.).
20. Dyukov, A. R. (2008). *Secondary enemy. OUN, UPA and the solution of the "Jewish question"*. Moscow: Regnum Publ. (in Russ.).
21. Dyukov, A. R. (2021). Nazi ideology and planning of the "War of Extermination" against the Soviet Union. In: *Journal of Russian and East European Historical Studies*, 2, 7–69. (in Russ.).
22. Dyukov, A. R. (2013). *Protectorate "Lithuania". Secret collaboration with the Nazis and the unrealized scenario of the loss of Lithuanian independence*. Moscow: Fond «Istoricheskaya pamyat» Publ. (in Russ.).
23. Kiknadze, V. G. (2023). *Special operation. Ukrainian front of the war against Russia*. Moscow: Prometheus Publ. (in Russ.).
24. Kiknadze, V. G., Romanko, O. V. & Saenko, A. S. (2024). *Genocide of the peoples of Russia. Crimes against the Soviet civilian population and prisoners of war during the Great Patriotic War*. Moscow: Promethey Publ. (in Russ.).
25. Kozhinov, V. V. (1999). *Russia. The 20th Century (1939–1964)*. Moscow: Algorithm Publ. (in Russ.).
26. Kruzhkov, V. A. (2020). Vlasovites: Russian Collaborators against Stalin, Churchill, Roosevelt, and the Jews. In: *International Affairs*, 3, 106–124 (in Russ.).
27. Lebedeva, N. S. (2009). September 1939: Poland between Germany and the USSR. In: *Bulletin of MGI-MO-University*, 4, 231–250. (in Russ.).
28. Lenel-Lavastin, A. (2007). *Forgotten Fascism: Ionesco, Eliade, Cioran*. Moscow: Progress-Tradition Publ. (in Russ.).
29. Lomonosov, M. V. (1952). Ancient Russian history from the beginning of the Russian people to the death of Grand Duke Yaroslav the First or to 1054. In: Lomonosov M. V. *Complete Works. Vol. 6: Works*

- on Russian history, socio-economic issues and geography. 1747–1765. Moscow: Leningrad, AN SSSR Publ., pp. 163–286 (in Russ.).
30. Lux, L. (1998). Bolshevism, fascism, national socialism – related phenomena. In: *Questions of Philosophy*, 7, 48–57. (in Russ.).
31. Medinsky, V. R. (2022). *War. Myths of the USSR. 1939–1945*. Moscow: Eksmo Publ. (in Russ.).
32. Volokitina, T. V., Murashko, G. L., Noskova, A. F. & Pokivailova, T. A. (2002). *Moscow and Eastern Europe. Formation of Soviet-type political regimes (1949–1953): Essays on history*. Moscow: ROSSPEN Publ. (in Russ.).
33. Odintsov, M. I. (2005). *Power and religion during the war: the state and religious organizations in the USSR during the Great Patriotic War of 1941–1945*. Moscow: Rossiyskoye obyedineniye vyzglyadov na religiyu Publ. (in Russ.).
34. Pauwels, J. R. (2021). *Big business and Hitler*. Moscow: Nashe Zavtra Publ. (in Russ.).
35. Petrov, N. V. (2011). *According to Stalin's Scenario: the Role of the NKVD-MGB of the USSR in the Sovietization of the Countries of Central and Eastern Europe. 1945–1953*. M.: ROSSPEN Publ. (in Russ.).
36. Proektor, D. M. (1989). *Fascism: the Path of Aggression and Death*. Moscow: Nauka Publ. (in Russ.).
37. Rzheshesky, O. A. W. (1999). Churchill's Secret Military Plans against the USSR in May 1945. In: *New and Contemporary History*, 3, 98–123. (in Russ.).
38. Sokolov, B. V. (2011). *Who Fought with Numbers, Who with Skill. The Monstrous Truth about the USSR's Losses in World War II*. Moscow: Yauza Publ. (in Russ.).
39. Sokolov, B. V. (1998). *The Truth about the Great Patriotic War*. St. Petersburg: Aleteya Publ. (in Russ.).
40. Soloviev, B. G. & Sukhodeev, V. V. (2005). *Stalin. Military Genius*. Moscow (in Russ.).
41. Solonin, M. S. (2008). *Brainwashing. False History of the Great War*. Moscow: Yauza Publ., Eksmo Publ. (in Russ.).
42. Teslya, A. A. (2024). On the Place and Meaning of World History in the Historiosophy of N. Ya. Danilevsky. In: *Public Administration. Electronic Bulletin*, 104, 88–95. (in Russ.).
43. Toynbee, A. J. (2003). *Civilizations Before the Court of History*. Moscow: Iris Press Publ. (in Russ.).
44. Turygina, N. V. (2016). *Russian Emigration in France During the Second World War* [dissertation]. St. Petersburg (in Russ.).
45. Falin, V. M. (2025). *The Second Front. The Anti-Hitler Coalition. Conflict of Interest*. Moscow: Centerpoligraf Publ. (in Russ.).
46. Fomin, V. V. (2005). *The Varangian-Russian Question in Russian Historiography of the 18th–20th Centuries* [dissertation]. Moscow: Institute of Russian History (in Russ.).
47. Fomin, V. V. (2010). Lomonosophobia of Russian Normanists. In: *The Varangian-Russian Question in Historiography*. Moscow: Russkaya Panorama Publ., pp. 203–521. (in Russ.).
48. Fomin, V. V. (2011). The Beginning of Rus' in the Works of M. V. Lomonosov. In: *Bulletin of Moscow University. Series 12. Political Sciences*, 6, 14–21 (in Russ.).
49. Hayek, F. (2005). *The Road to Serfdom*. Moscow: Novoye Izdatelstvo Publ. (in Russ.).
50. Chemshit, A. A. & Statsenko, O. S. The Sacred Nature of the Great Patriotic War. In: *Scientific Notes of the Crimean Federal University named after V. I. Vernadsky. Philosophy. Political Science. Cultural Studies*, 1, 139–146. (in Russ.).
51. Shambarov V. (2014). *Fascist Europe*. Moscow: Algorithm Publ. (in Russ.).
52. Ailsby, K. (2012). *Foreign Legions of Nazi Germany. Volunteer Formations That Fought on Hitler's Side. 1941–1945*. Moscow: Centerpoligraf Publ. (in Russ.).
53. Yakovlev, E. N., Dyukov, A. R. & Simindey, V. V. (2024). *Nazism in the Occupied Territories of the Soviet Union*. St. Petersburg: Piter Publ. (in Russ.).
54. Paasi, A. (1990). The rise and fall of Finnish geopolitics. In: *Political Geography Quarterly*, 9, 1, pp. 53–65.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Багдасарян Вардан Эрнестович – доктор исторических наук, профессор, декан факультета истории, политологии и права Государственного университета просвещения;
e-mail: vardanb@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Vardan E. Bagdasaryan – Dr. Sci. (History), Prof., Dean of the Faculty of History, Political Science and Law, Federal State University of Education;
e-mail: vardanb@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Багдасарян В. Э. Великая Отечественная война как война цивилизационная: научно-методические рекомендации для новых учебников истории // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: История и политические науки. 2025. № 2. С. 7–25.

DOI: 10.18384/2949-5164-2025-2-7-25

FOR CITATION

Baghdasaryan V. E. The Great Patriotic War as a Civilizational War: Scientific and Methodological Recommendations for New History Textbooks. In: *Bulletin of Federal State University of Education. Series: History and Political Sciences*, 2025, no. 2, pp. 7–25.

DOI: 10.18384/2949-5164-2025-2-7-25

УДК:

DOI: 10.18384/2949-5164-2025-2-26-51

ПСИХОАНАЛИЗ ЦИВИЛИЗАЦИЙ. КАРТА ФЕЛИКСА ГВАТТАРИ

Дугин А. Г.*Российский государственный гуманитарный университет**125047, г. Москва, Миусская площадь, д. 6, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Исследовать возможность применения психоаналитических концепций (в частности, концепции бессознательного, эдипова комплекса и модели Феликса Гваттари) для анализа цивилизаций, этносоциологии и построения модели вестернологии, используя их как инструмент сравнительного анализа и прояснения сложных соответствий между различными культурами.

Процедура и методы. В исследовании проведены анализ психоаналитической топики, сфокусированный на концепции бессознательного (Id) и его применении к пониманию цивилизационного бессознательного и сравнительный анализ различных цивилизаций через призму предложенной модели; применена эдипальная модель генезиса культур к анализу исторических и политических процессов, таких как распад империй, формирование национальных государств и смена политических систем.

Результаты. Предполагается, что применение психоаналитических концепций позволит выявить глубинные, бессознательные структуры, формирующие цивилизации и их взаимоотношения.

Теоретическая и/или практическая значимость. Предложенный подход может расширить инструментарий изучения цивилизаций, обогатить вестернологию, предложив новые интерпретационные модели. Практическая значимость работы заключается в возможности более глубокого понимания современных геополитических процессов через призму бессознательных структур, заложенных в историческом развитии цивилизаций.

Ключевые слова: цивилизация, психоанализ, Феликс Гваттари, территория, бессознательное

Благодарности и источники финансирования. Статья подготовлена в рамках реализации государственного задания (научный проект «Идентичность России как государства-цивилизации: политический, духовный, социальный аспекты», номер темы: FSZG-2025-0004).

PSYCHOANALYSIS OF CIVILIZATIONS: A GUATTARIAN MAP

A. Dugin*Russian State University for the Humanities**Miuskaya pl. 6, Moscow 125047, Russian Federation*

Abstract

Aim. To explore the applicability of psychoanalytic concepts (specifically, the unconscious, the Oedipus complex, and Felix Guattari's model) to the analysis of civilizations, ethnosociology, and the construction of a model for Western studies, utilizing them as tools for comparative analysis and clarifying complex correspondences between different cultures.

Methodology. The analysis is focused on psychoanalytic topics, specifically the concept of the unconscious (Id) and its application to understanding the civilizational unconscious and comparative

analysis of different civilizations through the prism of the proposed model. The Oedipal model of cultural genesis will be applied to the analysis of historical and political processes, such as the collapse of empires, the formation of nation-states, and the shifts in political systems.

Results. It is hypothesized that the application of psychoanalytic concepts will reveal the deep unconscious structures that shape civilizations and their interrelationships.

Research implications. The proposed approach can expand the tools for the study of civilizations, enriching Western studies by offering new interpretive models. The practical significance lies in the possibility of a deeper understanding of contemporary geopolitical processes through the lens of the unconscious structures embedded in the historical development of civilizations.

Keywords: civilization, psychoanalysis, Felix Guattari, territory, unconscious

Acknowledgments. The article was prepared as part of the implementation of a state assignment (scientific project "Identity of Russia as a state-civilization: political, spiritual, social aspects", topic number: FSZG-2025-0004).

Фрейд: обнаружение бессознательного

Для изучения цивилизаций, этносоциологии и, в частности, для построения корректной модели вестернологии можно обратиться к психоанализу и его топологиям. Одно из определений цивилизации является психоаналитическим. Возможно, такой подход будет инструментально и герменевтически продуктивным и для иных областей – как модель для сравнения и прояснения некоторых трудных мест и не до конца ясных соответствий.

Здесь стоит обратить внимание, естественно, на Фрейда.

Во-первых, на его общую картину подсознательного, где он выявляет инстанцию Id (Es) и возводит подсознание в главную область исследования, существенно расширяя привычные для западной философии и психологии Нового времени представления о субъекте [23]. *У цивилизации есть бессознательное, и при плюральности цивилизации можно допустить, что у каждой из них своё бессознательное.*

Во-вторых, в поздней работе «Тотем и табу» Фрейд предлагает свою эдипальную версию генезиса культур [25]. Она основана на нарративе о том, что в примордиальную эпоху орды (историческая условность, модель) все женщины принадлежали старшему в роду – Отцу. Сы-

новья были вынуждены довольствоваться тем, что останется от Отца. Тогда возникает заговор братьев, которые решают кастрировать и убить Отца. Это и есть истоки цивилизации. Братья убивают Отца и распределяют его жён между собой, закрепляя за собой строго одну из них. Так возникает современная моногамная (с вариациями) семья, своего рода *братский* строй, а изначальная драма становится основным сюжетом культуры и картой бессознательного. Это уже не патриархат, а своего рода *братчина*. Муки совести за совершённое *in illo tempore* преступление пронизывают всю современную цивилизацию, делая её эдипальной.

Единство становится негативным, а главным принципом является распределение эротических ресурсов и капитала желания между отдельными второстепенными членами рода, что можно применить как к распаду Империи на княжества, национальные государства или к регициду (Англия, Франция, Россия) и установлению демократии. Стыд за содеянное будет сопровождать политическое самосознание такой эдиповой братчины, задавая канву моральной и сновиденческой жизни.

Применив это к цивилизациям, мы можем рассмотреть *многополярность* как *новую форму братчины, низвергающей претензию на глобальную доминацию американского Отца-гегемона*. Антико-

лониальная борьба и сопротивление не-оимпериализму Запада приобретает эдипальный характер – кастрировать и убить глобалистскую элиту и далее управлять поделёнными ресурсами по своему усмотрению.

Множественность коллективных бессознательных у Юнга

Модель Карла Густава Юнга дополняет топику Фрейда представлением о коллективном бессознательном, в котором содержатся неизменные архетипы, фигуры, соотношения, структурирующие бессознательные процессы и предопределяющие индивидуацию и рационализацию субъекта [23; 30]. Это более сложная модель, чем у Фрейда, но основана она на той же презумпции об определяющим влиянии подсознания (Id, Es) в общей структуре субъекта.

Сам Юнг колебался, считать ли коллективное бессознательное культурно определённым или универсальным, отдавая предпочтение то школе «культурных кругов» (В. Шмидт [10], Ф. Гребнер [4]), то теории единства врождённых идей (А. Бастиан [1]). В конце концов, Юнг остановился на подходе Бастиана, обнаружив в бессознательном анализируемого им американского негра устойчивые архетипы и символы, считавшиеся особенностью индоевропейских народов. Сегодня такой аргумент выглядит довольно легковесным, ведь символы и знаки совершенно никак не коррелируют с этническими массивами, но это не отменяет различий в структуре бессознательного.

В теории многополярности наиболее релевантны те стороны учения Юнга, где он как раз говорит о *различиях между цивилизациями на бессознательном уровне*, и это положение, развитое румынским философом Л. Благой [2] применительно к «внутреннему ландшафту», было бы вполне конструктивным для исследования глубинных идентичностей каждой из цивилизаций.

Карта Феликса Гваттари

Но наибольший интерес представляет собой перспектива применения к цивилизационному анализу модели французского психоаналитика и соавтора философа Жюль Делеза Феликса Гваттари. Отчасти Гваттари с Делезом следуют фрейдистской топике с поправками Лакана, а отчасти стараются как можно ближе соотнести её с эмпирическим опытом субъекта в его самых различных состояниях – включая раннее детство, изменённые состояния сознания, широкий спектр психических отклонений и заболеваний. Причём Гваттари стремится максимально децентрализовать психоаналитический дискурс, отказаться от мужского взгляда на сексуальность (что присутствует у Фрейда), проследить формирование желаний и комплексов вплоть до первичных психофизических слоёв. Так формируется представление о *ризоматическом субъекте*, лишённом какой бы то ни было иерархичности. А вся психоаналитическая топика приобретает экстравагантный и эксцентричный вид.

Такое максимально широкое представление о субъекте, включающее в себя все возраста, состояния, патологии и девиации, ложится в основу оригинальной карты, с помощью которой и осуществляется детальный мэппинг сознания, бессознательного и системы отношений, что представляется на первый взгляд «внешним миром», но что является на самом деле результатом интенсивного конструирования психикой своей оболочки, габитуса.

У позднего Гваттари в книге «Хаосмос» [5] предложена следующая схема 4 функторов¹ (рис. 1).

Лист делится на 4 сектора:

- Т (Территории),
- U (Универсумы),

¹ Функторы – это несамостоятельные, но служебные условно-технические слова, которые показывают алгоритм различных семантических и синтаксических отношений между полноценными словами или высказываниями.

Рис. 1 / Fig. 1. Схема четырёх функторов / The scheme of four functors

Источник: составлено автором

- Ph (Phylum, видовые ряды машин),
- F (Flus, Потоки).

Вверху область возможного (Ph и U). Внизу – реального (F и T). Верхняя половина соответствует детерриториализации, нижняя – ретерриториализации.

Территория как тотальность эмпирического субъекта

Территория (T) – это область *конечных экзистенциальных субъективизаций* или *эмерджентного я*, т. е. манифестации субъектности и протосубъектности (можно сказать, квазисубъектности). Гваттари допускает наличие Территории (в его определении) у животных и птиц, что проявляется через звуки, знаки, жесты, сигнальный язык.

Это ещё не существующее, но уже существующее в каком-то смысле «я» новорождённого ребёнка, а также лю-

бого другого существа в любой фазе и конфигурации. Это его Территория. Всегда конкретная. Эта субъектность ещё не является структурированной и может в дальнейшем структурироваться по-разному. Более того, индивидуация, по Гваттари, не линейный процесс. Она может разветвляться, рассеиваться, возвращаться назад, чтобы пойти по иному маршруту на развилке или чтобы найти что-то важное и упущенное (внешне это может казаться регрессом или девиацией), собираться в кулак (паранойя) или распасться на несколько «я» (некоторые виды шизофрении), а эти «я» могут, в свою очередь, сцепляться с посторонними вещами и явлениями – людьми, предметами, фантазмами.

По Гваттари, в зоне T размещается вся субъектность – начальная, развитая, воображаемая, рассеянная, строго сконструированная, человеческая или не со-

всем. Причём *вся сразу*, вне линейности, иерархии и таксономий. Все возможные вариации «я» во всех состояниях – от «пред-я» до «пост-я» или «would be я».

То, что речь идёт о территориализации (и даже ретерриториализации), подчёркивает, что эмпирический субъект всегда помещён *куда-то*. Это отсылает к *Dasein* у Хайдеггера, где бытие, присутствие всегда открывается во вполне конкретном *da* – здесь, там, вот здесь / вот там. Можно считать, что зона территорий (Т) и есть субъект (в широком смысле), помещённый в *da*, которое является его неотъемлемой чертой. Он становится этим *da*, что подчёркивал сам Хайдеггер, предлагая переводить *Dasein* на французский не *être-là*, но *être le là*.

Территория Гваттари это и стремится выразить.

Важно учесть расширенное толкование эмерджентного «я» у Гваттари от первых минут младенчества до старости, включая регрессы и все возможные сбои, отклонения и патологии, а также набор окологуманитарных субъектностей. Применительно к цивилизациям в фундаментальных мифах мы неизменно встречаем отсылки к нечеловеческим или не совсем человеческим субъектам, принимающим самое деятельное участие в основании культуры того или иного народа – драконы, говорящие деревья и травы, волшебные рыбы, спускающиеся к людям светила, ожившие горы, реки, великаны, ангелы, «боги» и т. д. Территория цивилизационного субъекта должна рассматриваться комплексно – не только в отношениях с другими зонами схемы Гваттари, но и сама в себе. Она не унитарна и не линейна, может рассыпаться на множество составляющих, наделённых значительной автономией, выходить за рамки человеческого, а может, напротив, консолидироваться и укрепляться.

Зону Т в теории многополярного мира можно взять как *корень цивилизационной идентичности*, как *архэ* цивилизации.

Подвижность и динамичность корневой идентичности (Т) как полюса ретерриториализации и скажется на её отношении с Универсумом (U), и объяснит нам содержание истории.

Зона потоков, частичные объекты, эмпирия материи

Слева от Т расположена зона F, Потоки. Это то, что окаймляет субъектность – частичные или транзитивные объекты, ускользающие от фиксации в форме непрерывно меняющиеся части без целого. Транзитивные или частичные объекты¹ – психоаналитический термин, означающий предметы, чаще всего образы сновидений или бреда, которые зависли между двумя или более конкретными и опознаваемыми (территориализируемыми) вещами.

Зона F, Потоки – это материя, точнее, *материи*, множественные, не совсем бесформенные, но и не совсем оформленные полу-предметы. Если Т это прото-субъект, субъект и около-субъект, то F – прото-объект, полу-объект и около-объект. Потоки (F) – это всё то, что Территория не включила в себя, с чем не разобралась, что имманентно не освоила. Это некая *базовая материальность*, на которую опирается ландшафт. И она у всех цивилизаций *своя*. Похожая или нет.

Для Гваттари эмерджентная субъектность прикладывается больше к отдельному индивидууму, но её вполне можно распространить на культуры и цивилизации. Очевидно, что каждая цивилизация помещена в свою «природу». В самом общем виде корневая идентичность цивилизации (её Территория) заключена в область, на границе которой начинается движение не совсем понятных масс.

Так, у греков экумену опоясывает Океан. Он и есть F, Потоки. Если объект освоен субъектом, то он включается в Терри-

¹ Термин «частичный объект» широко использует Лакан, но на него обращает внимание уже Фрейд в «Толковании сновидений» (См.: Фрейд З. Толкование сновидений М.: Азбука, 2022).

торию (Т). В случае греческой мифологии это *пресные* реки. Они дают урожай, пищу, жизнь. Они входят в Территорию. Боги и богини, духи и мифологическое население рек близки к субъекту, размещены почти на самой Территории.

Но если объект отброшен, отнесён довольно далеко от субъекта (Территории), то он наделяется *противоположными качествами*, и в нашем случае он становится *солёным* морем – солёную воду нельзя пить, путешествие по морю чревато бурями и катастрофами, в глубине водятся чудовища. Море – область отчуждения. Оно вне Территории. Оно-то, собственно, и представляет собой наиболее дальний горизонт Потока (F).

Сам же Поток в промежуточном состоянии есть *транзитивный объект* – Океан не пресный, не солёный или пресный и солёный одновременно.

В других мифологиях эту же роль выполняет свернувшийся вокруг земли Змей (Ермунганд германцев, Вритра индусов). F может означать также денежные потоки, пространство свалки, границу между полем и лесом, покосившийся на 45° телеграфный столб и т. д. В мифах область Потока (F) – то, что находится *сразу под миром*.

Между Территорией и Потоками располагается *мембрана*. Т и F могут переходить друг в друга, сужаться и расширяться за счёт друг друга. Здесь, как и на всех остальных четырёх границах секторов функторов, действует принцип *осмосиса* – мембраны полупроницаемы, какие-то элементы они пропускают, какие-то задерживают.

Для Гваттари Территория и Потоки – это самые *корневые* формы соотношения субъекта с объектом во всех вариациях и стадиях. При этом, строго говоря, эмпирический субъект никогда не имеет дела ни с материей в чистом виде (как бескачественной подкладкой вещей), ни даже с чисто внешними (экстернальными) вещами. Внешнее всегда расположено на границе с внутренним, именно *на грани*

це, а *за* ней помещено нечто промежуточное между бытием и небытием. При этом зловещая масса, отчасти напоминающая нечто привычное и известное, а отчасти ни на что не похожая, всегда таится в непосредственной близости к Территории (Т) – это и есть *опыт Потока* (F). Это может быть сила потустороннего, таящаяся в лесу, в глубине вод, в далёких диких местах, в ночи и тёмных мгновениях. Она воспринимается никогда не непосредственно, а всегда косвенно, наискось, по касательной. В ранней философии Потоки чаще всего сближались со стихиями, которые и являются типичными транзитивными (частичными) объектами. Ведь вода или земля как стихии – это не вода и земля, с которыми мы имеем дело в жизни – это скорее жидкость и твёрдость сами по себе, но данные *в опыте*. В опыте, начинающемся за внешней гранью вещей.

Таковыми же транзитивными объектами являются титаны, гиганты, монстры. Фридрих Георг Юнгер писал: «Если бы титанического начала не было, господство богов оказалось бы утверждённым на пустоте, оно было бы непрочным и не имело бы никакого противостояния, с которым могло бы контрастировать и по отношению, к которому могло бы обрести собственную форму. Это господство весьма весомо и требует несущих столпов, требует таких плеч и шеи, какими наделён Атлант, на котором покоится вся эта ноша» [31].

Оформленные эйдетически вещи покоятся на Потоке. Для только что родившегося младенца Поток примыкает непосредственно к точке его внимания. Ещё нет ни тела матери, ни самого себя, ни окон, дверей и стен, ни рук медсестёр и холодных хирургических инструментов. Всё это будет потом – по мере расширения Территории детского субъекта. А пока есть только вплотную обступивший его Поток.

В архаических культурах Территория и Поток – преобладающие зоны. Это *на*

ture и nurture, сырое и приготовленное и т. д. [19]. Диалектика между ними легко прослеживается. К. Леви-Стросс и другие антропологи детально это изучили и даже представили в математических моделях.

Однако антропологи никогда не применяли этого метода к изучению цивилизаций, ограничиваясь исследованием небольших архаических коллективов – племён и кланов. Но в целом те же отношения между Территорией и Потокom действуют и в масштабе цивилизаций, если только мы отнесёмся к их идентичностям в духе эмерджентного субъекта Гваттари, включающего в себя многообразные и нелинейные маршруты, возвраты, отклонения и зигзаги, по которым могут двигаться и меняться цивилизационные «я».

На уровне Т-Ф происходит выстраивание первичных отношений между базовой корневой цивилизационной идентичностью и её «вмещающим ландшафтом» (Л. Гумилев [13]). А также тем, что лежит непосредственно под ним – с драконом, змеем, черепахой, слоном, адом, внешними сумерками, шеолом, Тартаром и другими названиями материй, подтелесных зон, т. е. Потока.

Румынский философ Лучан Блага считал, что каждый народ несёт в своём бессознательном набор типовых пейзажей, которые определяют и размечают его восприятие реальности [2]. Отношение Территории к Потокy фиксируется на глубинном уровне, открыто проявляясь в мифологии, но действуя постоянно в снах, пограничных состояниях, эстетических критериях, психологических установках подспудно и неявно.

Поэтому каждой цивилизационной Территории соответствует свой Поток, своя материальность, свои особые материялы. Здесь можно сослаться на 5 томов Г. Башляра, посвящённых воображению материальных стихий [11]. У каждой цивилизации своя вода и своя земля, свой огонь и свой воздух.

Это хорошо видно на примере геополитики [15]. Её психоаналитическая подоплёка прозрачна: цивилизация Суши (Т) соотносит свой Поток (Ф) с мягкой и мёртвой стихией, а цивилизация Моря (Т) – с твёрдой и живой (Ф). Для Бегемота Поток – это Левиафан, но для Левиафана Поток – это Бегемот [28]. *Между русской и британской цивилизациями существуют обратные пропорции на тектонически-тактильном уровне внутренних ландшафтов.*

Универсумы: Логос цивилизации

Перейдём к следующему функтору – Универсуму или Универсумам (U). По Гваттари, здесь концентрируется идеальная модель должного и нормативного. Интеллект достигает свободной полноты своего раскрытия – как мир идей у Платона. Универсум (Uni-versum) здесь следует понимать прямо – как «сведение к Единому».

Можно сказать, что Универсум (U) – это область, где располагается Логос. По сути, это зона идеального, к которой относятся ценности, начала, установки и смыслы. От классических иерархий в данном случае модель Гваттари отличается лишь тем, что он отрицает самобытие и автономию этого функтора и считает его лишь моментом в общей системе своей карты. Иными словами, эмерджентное «я» поднимается в сферу идеального непротиворечиво и унитарно лишь как одна из своих возможностей. В каком-то смысле, по строго имманентной топике Гваттари, Территория при определённых наклонaх и конституирует (осматически – как и в остальных случаях) Универсум. При этом разные конфигурации субъектности могут порождать разные Универсумы – как возможные (т. е. сводимые к одной непротиворечивой идеальной мега вселенной), так и не возможные, конфликтующие между собой. Так в случае некоторых шизофренических расстройств один и тот же субъект может

жить одновременно в двух и более Универсумах.

Можно с определённым приближением соотнести Универсум с супер-Эго Фрейда или с индивидуумом Юнга, но схема Гваттари любой намёк на иерархичность и вертикальность тут же купирует указанием на взаимосвязь всех 4 функторов. Логос также зависит от эмерджентного «я» (каким бы оно ни было!), как и само это «я» (Территория) от него (U).

В зоне U корневая идентичность, по сути, *Dasein* (T) переходит в метафизику, а онтика – в онтологию.

Приложив это к цивилизации, получаем цивилизационный Логос (U), причём он может представлять собой разные аспекты *экзистенциального горизонта* [17], Территории (T), т. е. идентичности в разных её срезах. Вот почему Универсумы одной и той же цивилизации меняются, и вот почему у каждой цивилизации свой Логос.

Всё зависит от Территории (T) и от фаз и маршрутов эмерджентного «я», но и от их соотношения с Потоксом (F). Гегель показывал, что субъект-объект всегда конституируются парой [12]. Фрейд дополняет это на уровне языка сновидений, расширяя размерность [24]. Цивилизационный подход также учитывает в описании Универсума каждой из цивилизаций то обстоятельство, что в основании лежит не просто *корневая идентичность*, *Dasein* народа, но и его *отношение* с вмещающим ландшафтом, хотя сам функтор Потокса (F) не имеет общей осмотической границы с Универсумом (U), и сфера идеального (у Гваттари возможного) полностью свободна от какого бы то ни было сопротивления материй.

Стоит отметить, что существование невозможных универсумов объясняется сингулярностью пересечений осмотической мембраны между зоной ретерриториализации и детерриториализации различными конфигурациями эмерджентного «я» (T). Этот пункт Гваттари может быть применён к цивилизацион-

ному анализу. Процесс трансформаций «прото-я» не линейен, и это, будучи приложенным к цивилизационным идентичностям, объясняет множественность Логосов у различных культур.

Филум абстрактных машин

Последний оставшийся функтор Гваттари называет «Phylum абстрактных машин» и маркирует греческой буквой Φ. Это – дискурсивный набор, с помощью которого цивилизация себя выражает, превращает в алгоритм, конструирует. Машину Гваттари (как и Делёз) понимает совершенно не обязательно как нечто механическое. Главное свойство машины – навязчивое повторение одного и того же, *рекурсивность*. Главное свойство машины – то, что она тарактит с определённым периодом, будучи однообразной, настаивающей на своей редондантной и в целом одинаковой секвенции. Механизм же – отчуждённая машина, её скелет или устройство. Это не одно и то же.

По Шпенглеру, Универсум (U) правильно было бы назвать «культурой», а Φ (Филум абстрактных машин) – «цивилизацией», как чисто техническое выражение, слепок живой культуры, в каком-то смысле – муляж [29]. Если обратиться к классификации друга Шпенглера Л. Фробениуса, то Универсум соотнести со второй фазой раскрытия изначального субъектного импульса – с Проявлением, Выражением, *Ausdruck* (первой фазой является, по Фробениусу, *Ergriffenheit*, одержимость, что соответствует Территории, причём в её контакте с Потоксом, который чаще всего внушает ужас), а Филум абстрактных машин будет третьей и финальной стадией – Применением, *Anwendung* [3].

В функторе Филума (Φ) Логос цивилизации *записывает себя на носитель* – любой, но отдельный от самого чистого Логоса, который есть не просто мысль, но *источник мысли*, мысль в её ключе. Так – снова осмотически – Логос переходит в код, в рациональность, в алгоритмические таблицы. Ими являются язык, обря-

ды, технологии, знаки, маркеры, фигуры и собственно машины. Можно соотнести это с чистым разумом Канта, т. е. обобщественной формой дискурсивного мышления.

Ф напоминает *das Man* Хайдеггера. Он может функционировать вообще без *Dasein'a*, с которым (в нашей топологии – это Территория) у него нет осмотической границы. Ф основан на U, но разница между ними как между словом, способом выражения и самим умом.

Язык – типичная машина в этом смысле, в нём постоянно повторяются одни и те же звуки, слова, выражения, словосочетания, обращения, тропы. Но всякий раз язык повествует не о самом себе, а о том, что в нём заложено, т. е. о Логосе. Автор записывает мысли на носитель, но тот, кто сталкивается с записанным в зоне Филума абстрактных машин, призван совершить обратную операцию – понимания, распаковки, извлечения смысла, т. е. переход через мембрану к Универсуму (U). Дух культуры выражает себя как раз через абстрактные машины, через тексты или молитвы, которые читают и произносят снова и снова, через типовые жесты и ритуальные действия, через коды эмоций и реакций, через установки и бесконечные повторения (всегда с некоторыми погрешностями, отклонениями) одного и того же культурного содержания. Также устроена сама дискурсивная рациональность и система законов и правил, инструкций и схем. При этом машинность здесь не несёт строго пейоративной коннотации. Можно уподобить её *танцу*, где повторяются фигуры, или любой другой деятельности – от работы на заводе до интимных отношений. Везде главным является ритуальная рекурсивность, двоичный код – 1/0.

Теперь остаётся только наметить систему отношений Филума с Поток и завершить рассмотрение схемы. Абстрактные машины, проецируя себя на Поток (F), создают техно-материальность, дробят транзитивные объекты, но не по ло-

гике их включения в Территорию субъекта, а отвлечённо, *по-машинному*. Для них совершенно безразлична *переходность монстра*, они записывают русалку либо в женщину, либо в рыбу, отсекая любую двусмысленность или вообще отрицая наличие того, что входит в противоречие с рациональностью.

Филум, спустившись в Поток (F), начинает воплощать себя в материале, перерабатывая метафору в материя. Абстрактные машины создают техносферу, своего рода ландшафтный дизайн, который, однако, эмерджентного «я» (Т) достигает только опосредованно – через сектор Потока. Именно это имел в виду марксистский философ А. Лефевр, говоря, что вначале общество создаёт города и архитектурные сооружения, а позднее они воспринимаются поколениями как нечто существовавшее всегда и кодирующее (ре-кодирующее) их восприятие мира [21]. Так появляются *техно-потоки* – электрический ток, движение капиталов, сети и стихии транспорта.

В мифологии работа абстрактных машин ещё наивна, и поэтому её легко наблюдать. Так пограничные сумеречные зоны между Ф и F многие мифы описывают по аналогии с известной дневной культурой. В преисподней или под водой существуют цари и царицы, придворные, охранники и своего рода полезные (или бесполезные) труд мертвецов. Машины перерабатывают глубины материальной руды, и корневому субъекту (Т) приходится с этим иметь в свою очередь дело. Так аппараты проникают в наши сны и проекты.

У Платона в «Государстве», там, где речь идёт о введении к знаменитому мифу о пещере, говорится о двух движениях дискурсивного рассудка (*diánoia*), который и есть Филум абстрактных машин [22]. В одном случае рассудок соотносит себя с вещью (т. е. с материальностью Потока) и это Платон называет «гипотезой» (*ύπόθεσις* – дословно «помещённое вниз, под»), а противопоставляет ей *иное* движение рассудка, когда он соотносит себя

с Идеей. Платон использует симметричное понятие – глагол *ἀνοτίθημι* (помещать вверх, над), обратное по отношению к *ὑπόθεσις*, от *ὑποτίθημι*. На схеме Гваттари это ясно видно: переход от Филума к Универсуму – это *анотеза*, переход от Ф к F – *гипотеза*.

Если стихии (земля, вода, воздух, огонь или их аналоги в индийской и китайской философии) – это скорее *экзистенциальное восприятие* Потока со стороны Территории, то атомы или частицы являются продуктами машинного внедрения в Поток, где транзитивность потоковых объектов доводится до машинной чёткости и дуального кода – атом и пустота. При этом и сама транзитивность возводится в сверхматериальную степень – атом или частица – это *часть без целого*, часть неизвестно чего. Сама транзитивность их онейрического континуума переходит в безжизненную стерильность машинного кода.

В нашем цивилизационном подходе Филум есть фиксированный культурный алгоритм, доминирующая в цивилизации рациональность, инструкция к цивилизации, её дешифровке и пользованию, но не сама цивилизация, которая относится к Универсуму и принадлежит иной зоне.

Релевантность метода Гваттари

К описанию психоаналитической идентичности и структуры цивилизаций мэппинг Гваттари весьма подходит. Здесь есть место и для экзистенциального горизонта, *Dasein'a* – это Т (Территория). И для Логоса цивилизации – U (Универсум). И для отчуждённого кода, включая *agencies*, практики, технические приспособления, юридические каноны и финансовые системы – это Ф (Филум абстрактных машин). И для непосредственного (через Т) и опосредованного (через U и Ф) опыта материальности (F).

Так мы получили ёмкий инструмент для *системного описания цивилизации*, в которой ни один из критериев и параметров не замораживает всё многообразие

протекающих в ней процессов, конституирующих её и одновременно конституируемых ей, поскольку карту Гваттари можно читать в любую сторону и начиная с любого функтора.

Схема Гваттари и теория Хайдеггера

Продолжим тему психоанализа цивилизаций, применив карту 4 функторов Ф. Гваттари к другим эпистемологическим системам.

Так, для иллюстрации релевантности модели Гваттари можно привести схему, соотносящую её с базовыми моментами философии Хайдеггера.

Более подробное рассмотрение философии Хайдеггера дано в отдельной работе – «Мартин Хайдеггер. Последний Бог» [16]. Соотнесение идей Хайдеггера с базовой схемой Гваттари не является чем-то искусственным и насильственным. Ведь сам Гваттари эксплицитно и ещё в большей мере имплицитно опирается на Хайдеггера, равно как и все философы постмодерна, заимствуя у него феноменологию и метод построения совершенно имманентных структур.

У Хайдеггера можно выделить также четырёхчастную систему (рис. 2) (правда, не совпадающую с его собственной моделью Четверицы – Geviert), которая соответствовала бы с определённой степенью приближения схеме Гваттари [8].

Здесь Хайдеггер подчёркивает, что сам статус человека на глубинном уровне определяется через соотношение с 3 другими понятиями – прежде всего с богами, т. е. высшими сущностями, в которых все стороны человека достигают вечности, бессмертия, неизменности и совершенства (главная ось), а также с плотностью Земли и разряженностью Неба. Как и Аристотель Хайдеггер ставит знак равенства между миром (*κόσμος*) и небом (*ὁὐρανός*), понимая под этим структурированную иерархическую идеальную модель.

Теперь постараемся наметить соответствия со схемой Гваттари (рис. 3).

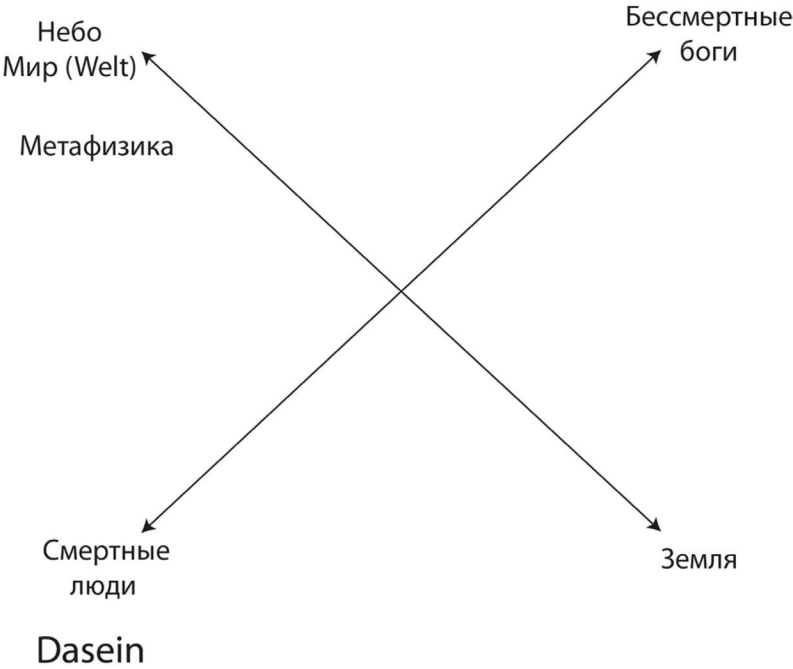

Рис. 2 / Fig. 2. Схема Четверицы Хайдеггера / Chetveritsa Heidegger scheme

Источник: составлено автором

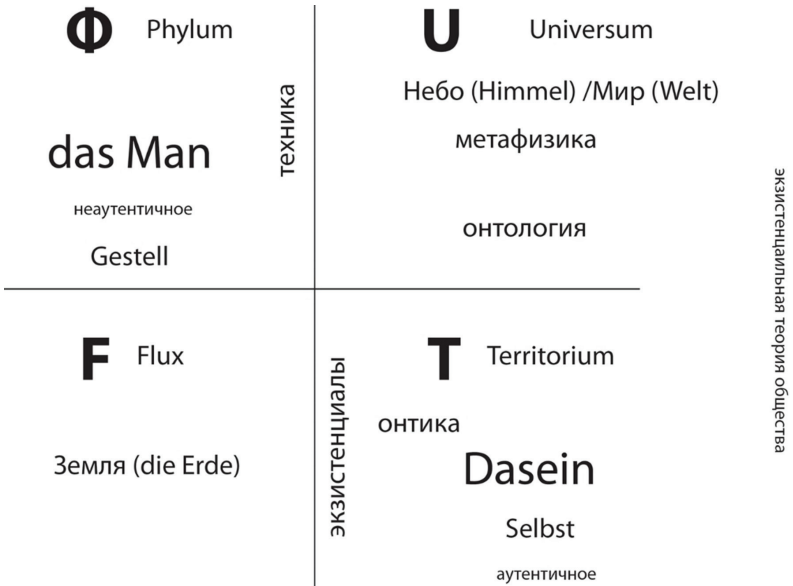

Рис. 3 / Fig. 3. Экзистенциальная теория общества/ Existential theory of Society

Источник: составлено автором

У Хайдеггера главной и отправной точкой отсчёта при построении философии выступает *Dasein*¹. Соотнесение *Dasein*'а Хайдеггера с Территорией (Т) Гваттари вполне оправдано, и косвенно мы коснулись этого, говоря о Территории, соотносимой самим Гваттари с *da* (вот здесь, вот там, вот) *Dasein*'а. Территория как область эмерджентного «я» у самого Гваттари называется «экзистенциальной территорией субъективации», что подтверждает легитимность такого соотношения.

У Хайдеггера *Dasein* и его непосредственные экзистенциалы являются базой для построения как метафизических обобщений (их можно соотнести с Универсумом, U) и вместе с тем для формации внешнего опыта. Зона метафизики в хайдеггеровской схеме Четверицы описывается как Небо или Мир, что вполне соответствует Универсуму.

Что касается Земли, соответствующей Потоку, то Хайдеггер в этом отношении никакой ясности не предлагает. Это начало, упоминаемое в средний и поздний периоды его творчества, и вообще отсутствующее в ранней аналитике *Dasein*'а и феноменологии, так и остаётся чем-то загадочным. Единственный намёк, который Хайдеггер бросает относительно Земли, это указание на её войну с Небом [7]. Также вновь упомянута она в эссе «Исток художественного творения», где речь идёт о толковании образа земли, налипшей на ботинках крестьянина, стоящих на столе, на картине ван Гога [27]. У Хайдеггера нет никакого намёка на транзитивные объекты фрейдизма, более того, он даже не спешит соотносить Землю со стихиями или стихией, с материей, всячески избегая этого понятия. Поэтому здесь адекватность нашего соотнесения Земли Хайдеггера с Потоком (F) Гваттари ни подтвердить, ни опровергнуть нельзя.

А что касается Филума абстрактных машин, то они в полной мере напоминают *das Man* Хайдеггера, к которому мы обращались для пояснения этого функтура у Гваттари. По сути, *das Man* – это рациональность, полностью оторванная от *Dasein*'а, от субъектности, вынесенная в совершенно самостоятельную зону, в которой экзистенциальность сведена к нулю. При этом *das Man* зависит напрямую от метафизики (U), которая и определяет, и структурирует его алгоритмы. Хайдеггер подчас вообще сближает метафизику и технику, связывая их в единый узел *отчуждённого мышления*. Но тут схема Гваттари восстанавливает более здоровые пропорции и соотношения. Всё же Логос (Небо) не ответственно напрямую за Филум, представляющий собой его *механический слепок*, его отчуждённый и получивший относительную автономии симулякр.

В сфере Филума абстрактных машин располагается то, что Хайдеггер понимает под «техникой» и прежде всего его специфический концепт *Gestell* [6].

Как *Dasein* соотносится с чем-то внешним (Потоком?) через экзистенциалы, если говорить о непосредственном контакте, то через Филум умных машин он также воспринимает уже что-то обработанное, рационализированное, пропущенное через строгие рациональные аппараты отчужденной культуры. На это Хайдеггер намекает, когда говорит о том, что простота простого (глупого) человека отнюдь не так проста. Чтобы сформировать картину его глупости задействованы мощнейшие механизмы, многоуровневые машины, о работе которых сам простец не имеет даже самого отдалённого представления. К Филуму Хайдеггер относит и ценности, и идеологии, и любые другие формы рационального форматирования реальности, приходящие к *Dasein*'у через цикл метафизического опосредования.

По сравнению с Четверицей мы утратили полюс богов, столь важный (особенно для позднего Хайдеггера). Но и

¹ См. подробнее в книге: «Мартин Хайдеггер. Философия Второго Начала», вошедшей в том «Мартин Хайдеггер. Последний Бог» [16].

это не случайно, т. к. Гваттари старается исключить любой намёк на трансцендентность и иерархию и крайне усердствует в этом, тогда как Хайдеггер лишь настаивает на том, чтобы это измерение не превращалось в абстракцию, а сохраняло прямой и живой экзистенциальный контакт с *Dasein*'ом. Хайдеггер сетует на то, что грубость людей и их линейная рациональность *отпугивает богов*, заставляет их уклоняться от навязчивого и надоедливое человека. Возможно, в данном случае сама схема Гваттари их и отталкивает.

На соотношении Т и U при наложении понятий Хайдеггера на схему Гваттари строится *экзистенциальная теория общества*, набросок которой мы встречаем в некоторых работах Хайдеггера и, в частности, в посмертно опубликованных «Чёрных тетрадах» [27]. Речь идёт о том, что общество следует мыслить экзистенциально, т. е. как органичное возвышение *Dasein*'а (в нашем случае Территории, Т) на более высокий уровень, т. е. в зону функтора U, а не как жёсткое навязывание Универсума, сформированного в полном отрыве от *Dasein*'а ему самому. Общество (культура, цивилизация, государство, философия, порядок, Логос) никогда не должно терять связи с эмерджентным «я». В противном случае произойдёт отчуждение и глубинный конфликт. Элита поэтому должна быть народной и формироваться в неразрывной связи с народом-*Dasein*'ом, чье возвышение в область идеального она и предназначена воплощать. Здесь осмотическая природа мембраны между функторами у Гваттари оказывается как нельзя кстати и помогает расшифровать и достроить некоторые аспекты «народной монархии» Хайдеггера [26].

Жильбер Дюран: карта воображения

Теперь попробуем наложить на схему функторов Гваттари модель 3 режимов воображения Ж. Дюрана [14]. Кратко напомним основные положения теории Дюрана.

Главным понятием в его теории является *имажинёр* (*l'imaginaire*), корневая инстанция воображения, отвечающая за все формы, с которыми имеет дело человеческое сознание – от концептуальных и опосредованных до непосредственных и чувственных. Определяя *имажинёр*, Дюран избегает отождествлять его с субъектом или «я», предпочитая говорить о *траекте*, т. е. о том, что лежит между субъектом и объектом, определяя одновременно и то, и другое. Эту инстанцию вполне можно отождествить с *Dasein*'ом Хайдеггера и Территорией (Е) Гваттари. По смыслу *имажинёр* соответствует эмерджентному «я».

Дюран разделяет содержание воображения (продукты деятельности *имажинёра*) на 3 большие группы (мифов, архетипов, символов, сюжетов) и на 2 режима:

- два режима – это *diurne*, «дневной режим» и *nocturne*, «ночной режим»;

- три группы (схемы) – это героические сюжеты, драматические сюжеты и мистические сюжеты.

Diurne, «дневной режим», включает в себя только 1 группу – героические сюжеты. *Nocturne*, «ночной режим», состоит из 2 групп – драматических и мистических. И те, и те являются «ночными», т. е. разделяют некие общие характеристики (режима), но различаются по внутренним свойствам.

Для Дюрана принципиально выделение именно 3 групп мифов, т. к. в основе этой дифференциации лежит их структурная несводимость друг к другу.

Дюран соотносит 3 режима *имажинёра* с 3 доминантными рефлексам, присущими (по мнению физиологов) новорожденному существу. Доминанта (по А. А. Ухтомскому) характеризуется полным подчинением всех прочих реакций организма, которые ведут или могут привести к снятию (удовлетворению доминантной потребности) или снижению состояния доминанты.

Ж. Дюран проводит очень остроумную аналогию между этими 3 группами символов, сновидений и архетипов и 3 доминантными рефлексам. К первому году жизни младенца мы имеем законченную структуру имагинэра, которая будет предопределять в значительной степени всё, что с человеком происходит в дальнейшем. Все его будущие сновидения, реакции, семантика жизненных событий закладывается уже в первый год. Это вполне фрейдистская модель, что Дюран охотно признаёт.

Первый рефлекс – *постуральный* (рефлекс вставания и позже прямохождения), означает импульс младенца к вставанию (вначале к принятию сидячего положения). В 6 месяцев ребенок начинает садиться. У него выпрямляется позвоночник, и он становится *лицом к лицу* с миром. И он, по сути дела, вовлекается в режим диурна. Рядом с ним ходят взрослые, он начинает оценивать их рост, боится упасть, потому что тот, кто поднялся, может упасть, в отличие от того, кто ещё лежит. Фигуры взрослых – это картины и символы режима диурна, их созерцание порождает образы гигантов и великанов. Именно сильно развитый диурн заставлял средневековых архитекторов строить готические соборы, а современных американцев – небоскребы.

Диурническое функционирование имагинэра ответственно за конструирование идеалистических систем. По сути, высокая культура, собственно Логос и есть продукт этого режима. В схеме Гваттари, очевидно, это соотносится с Универсумом (U). Если имеет место приоритетное развитие такого диурнического режима, то мы имеем дело с жёстко идеалистическим типом личности, а в крайнем случае – с паранойей. Эмпирический субъект больше не делает различия между собой и сферой идей, смещая центр тяжести в зону Универсума в ущерб остальным функторам.

Другой рефлекс, который связан с режимом мистического ноктюрна, это ну-

тритивный (питательный) или дигестивный (пищеварительный) рефлекс. С этим рефлексом человеческое новорождённое существо знакомится ещё раньше. Как только оно родилось, то начинает есть и потом не прекращает делать это до конца своей жизни. Есть – значит вбирать в себя другое полностью, и тогда то, что ты ешь, становится частью тебя. Процесс еды – это процесс ассимиляционный. Маленький человек пьёт материнское молоко, и таким образом внешний мир входит в него и становится его внутренним миром, им самим. Он видит в этом не разделение, но мистический момент соединения и испытывает от этого колоссальное наслаждение. Момент поедания пищи является специфическим *конститутивным шоком* для человеческого существа. По сути дела, это примирение со временем и со смертью, преодоление их (пусть иллюзорное).

Отношение с едой есть парадигма отношений с материями внешнего мира. Не случайно в системе К. Леви-Строса метафора стадий и способов приготовления пищи берётся как базовый алгоритм культуры [20].

Этот режим имагинэра было бы логично соотнести с функтором Потока (F) Гваттари. Действительно, именно через еду эмерджентное «я» и осуществляет контакт Территории с тем, что лежит на её границе и сразу за ней (под ней). *Еда – это транзитивный объект по преимуществу*. Это уже не части внешнего мира – звери, растения, ягоды и т. д., но ещё не аспекты внутреннего – дигестивного, переваривающего – опыта, овнутренного в «я».

Режим мистического ноктюрна отвечает за формирование имагинэром образов материи. В нём материальность Потока особенно сильно акцентирована, она становится сильным аттрактором имагинэра, порождая серии материальных фантазмов, влечений, пронзительных плотских appetitов.

Этот режим противоположен режиму диурна и постуральному рефлексу. Поэтому во многих культурах, в частности, у греков и римлян, пищу принимали лежа. Также в горизонтальном положении находится до определённого времени младенец на руках матери (кормилицы).

В предельном случае мистический ноктурн приводит к атрофии высших идеалистических этажей сознания. Этот тип патологии соответствует широкому спектру шизофрении. Следует заметить, что сам Гваттари и его соавтор Ж. Делез испытывали большую симпатию именно к такой ориентации, откуда их прескриптивный концепт *шизо-масс*. В политике такое рассеяние имагинэра по Поток и склеивание сознания с аттрактивными материалами соответствует демократии и эгалитарному обществу. В предельном случае сознание вообще перестаёт понимать, что имеет дело с транзитивными объектами, воспринимая именно их как должное и чужаясь любых идеационных вторжений Универсума. Чудовищное становится обыденным.

Третий режим, по Дюрану, – драматический ноктурн. Он связан с копулятивным рефлексом, т.е. с рефлексом совокупления. Считается, что он присутствует и у младенцев (у Фрейда это аксиома) и проявляется у них через постоянно повторяющиеся ритмичные жесты, например, постукивание или потрясывание погремушкой. Любое детское движение, которое ребёнок делает неоднократно, так или иначе относится к копулятивному рефлексу. Повторение одного и того же означает воспроизводство дуального кода – есть-нет, касаюсь-не касаюсь, здесь-там. Это не абсолютное слияние, как в дигестивном монизме, и не одноразовое, уникальное, необратимое действие, как, например, поломка игрушки (это классическая модель поведения мужчины, мужской диурнический архетип, навязчивое желание узнать, «что у машинки внутри»). Мистический ноктурн склеивает все вещи между со-

бой, диурн рассекает, разламывает вещи, стремясь выявить их эйдосы, копулятивный рефлекс вещи раскачивает.

Копуляция осуществляется через повторяющиеся ритмические движения, которые, по Дюрану, первичны. Идея копулятивности как ритмики, танца, повторения лежит в основе копулятивного рефлекса, который полностью проявляется в режиме драматического ноктурна.

В нашей схеме драматический ноктурн попадает в функтор Филума умных машин (Ф). И тут становится понятно, откуда берётся концепт «машины желаний». Машина – это непрерывное повторение, а оно, в свою очередь, и является кодовым алгоритмом копуляции (по Дюрану). Машина и есть желание, как рекурсивное воспроизводство. Следовательно, работа дискурсивного рассудка, построение нарративов и сама цикличность языка (в котором бесконечно повторяются одни и те же звуки, слога, слова, выражения, сочетания), и есть область *машинного эротизма*.

Представим результат проекции идей Дюрана на схеме (рис. 4).

В «Ноомахии» мы соотносим с 3 режимами имагинэра Дюрана 3 Логоса – Аполлона, Диониса и Кибелы, что позволяет и их поместить на карту Гваттари [18]. Дальнейшее размышление над получившимися соответствиями (всегда приблизительно, метафорическими и риторическими) могло бы быть чрезвычайно продуктивно. В частности, можно привести высказывание Прокла: «Ум в нас дионисийский и истинно есть образ Диониса. Поэтому всякий, кто рассекает его и подобно Титанам разлагающей ложью дробит его цельность, тот, очевидно, грешит против самого Диониса» [9].

Титаны здесь соответствуют Поток (F), а сам дионисийский разум расположен между Универсумом (U), где он сходится к аполлоническому единству, и собственно материальностью. Это крайне интересный подход к эротической и даже экстатической природе рассудка, что, как

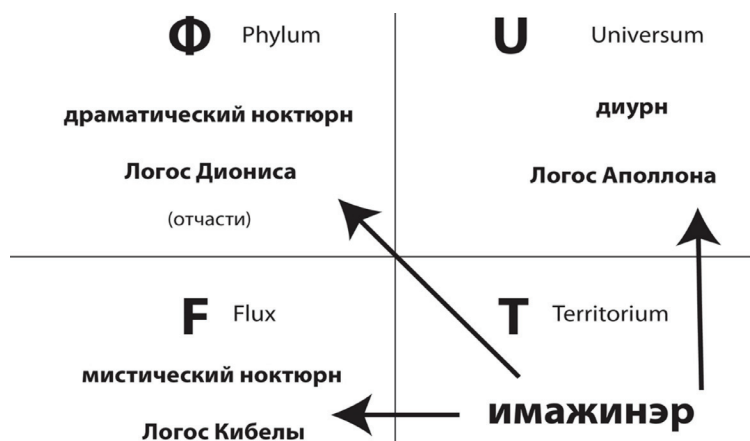

Рис. 4 / Fig. 4. Экзистенциальная теория общества / Existential theory of Society

Источник: составлено автором

правило, упускается из виду. Процесс дискурсивного мышления – это рассказ, нарратив, процессия Диониса. Если следовать от функтора Φ на нашей схеме направо – приходим к объединяющей природе Универсума (анотеза в разделённой линии диалога «Государство» Платона). Если вниз (гипотеза – в разделённой линии диалога «Государство» Платона) – то мы направляемся к зоне Потока, т. е. в Тартар к Титанам. Машина желаний – это сладострастное дробление материй, а значит, психоаналитический мотор научной картины мира Нового времени – с её одержимостью материализмом, атомизацией, поиском мельчайших частиц.

Схемы вестернологии

Теперь попробуем приложить карту Гваттари к вестернологической схеме соотношения западноевропейской и русской цивилизаций (рис. 5).

На схеме показаны те моменты, которые следует соотносить с распределением 4 функторов. Соответственно мы получаем набор из 9 схем, места которых отмечены на графе вестернологии.

Первая схема описывает собственно греческую парадигму (рис. 6).

Здесь всё очевидно и разъяснений не требует.

На второй схеме (рис. 7) в Универсум добавляется христианство и Римская Империя, в зону Территории – латиняне, а Филум абстрактных машин дополняется переводом на латинский язык греческих смыслов.

На схеме 3 (рис. 8) принципиально нет ничего нового за исключением того, что мы Территория эмерджентного «я» сейчас меняет этническое содержание, а в Филуме абстрактных машин доминирует латынь (но смыслы всё ещё остаются греческими).

На четвёртой схеме (рис. 9) эмерджентное «я» уже представлено преимущественно германцами и кельтами, Универсум и Поток остаются прежними, но к латыни добавляется новая позиция в споре об универсалиях, которая привносит совершенно новый вектор рационального дискурса, пока ещё не доминирующий.

А вот на пятой схеме (рис. 10) происходит существенная трансформация всей модели.

Здесь принципиально то, что исчезает целый сектор – Универсум. Идеалистический функтор, по сути, полностью отменяется, поскольку мы переходим к эпохе модерна, где имманентная топика строится на полном отрицании транс-

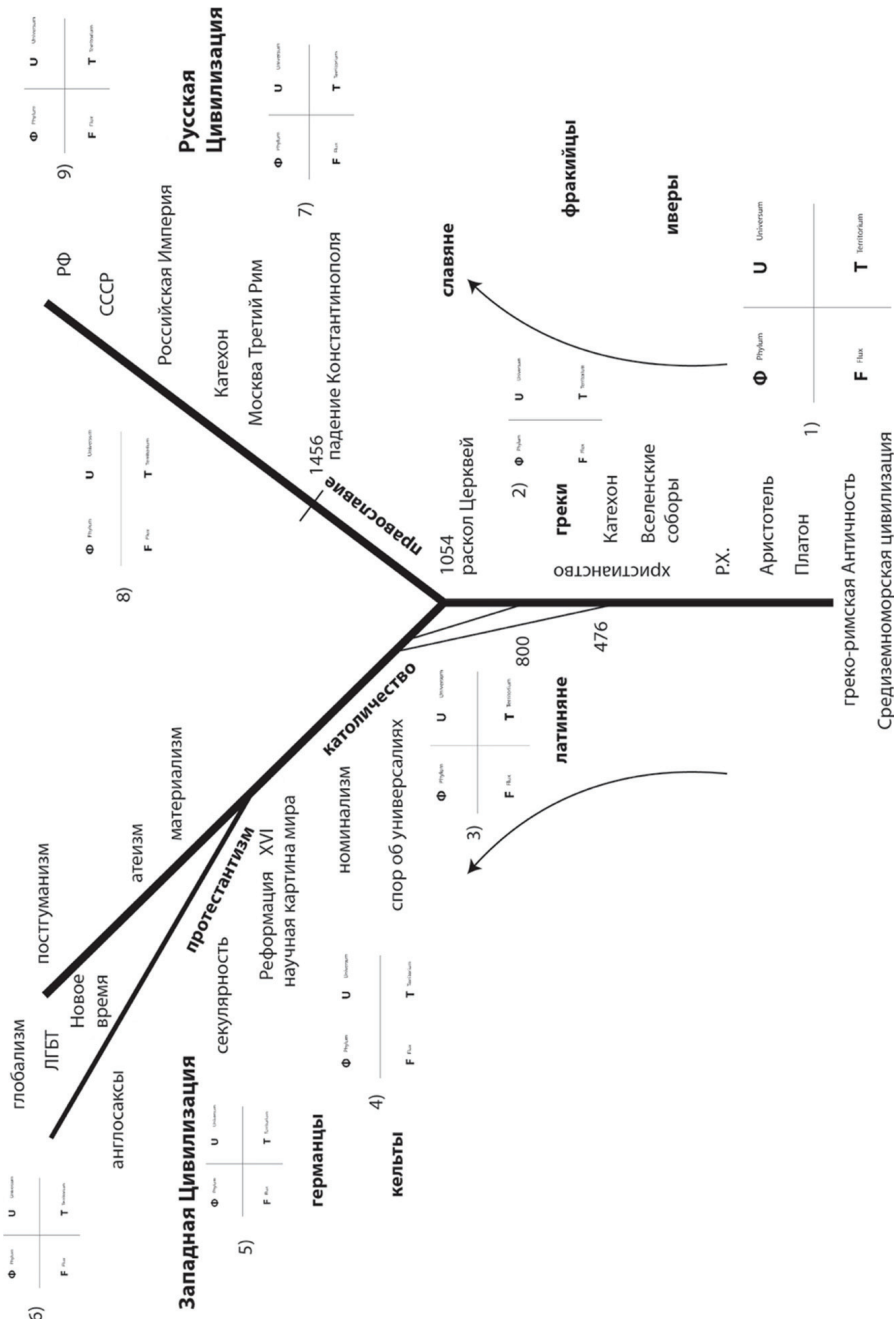

Рис. 5 / Fig. 5. Вестернологическая схема соотношения западноевропейской и русской цивилизаций № 1/ Westernological scheme of the ratio of Western European and Russian civilizations no. 1

Источник: составлено автором

Рис. 6 / Fig. 6. Вестернологическая схема соотношения западноевропейской и русской цивилизаций № 2/ Westernological scheme of the ratio of Western European and Russian civilizations no. 2

Источник: составлено автором

Рис. 7 / Fig. 7. Вестернологическая схема соотношения западноевропейской и русской цивилизаций № 3/ Westernological scheme of the ratio of Western European and Russian civilizations no. 3

Источник: составлено автором

Рис. 8 / Fig. 8. Вестернологическая схема соотношения западноевропейской и русской цивилизаций №4/ Westernological scheme of the ratio of Western European and Russian civilizations no. 4

Источник: составлено автором

Рис. 9 / Fig. 9. Вестернологическая схема соотношения западноевропейской и русской цивилизаций №5/
Westernological scheme of the ratio of Western European and Russian civilizations no. 5

Источник: составлено автором

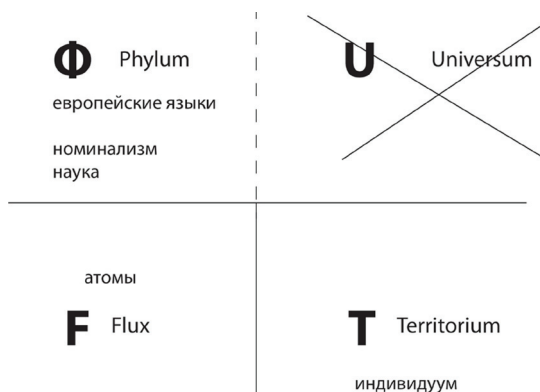

Рис. 10 / Fig. 10 Вестернологическая схема соотношения западноевропейской и русской цивилизаций №6/
Westernological scheme of the ratio of Western European and Russian civilizations no. 6

Источник: составлено автором

цендентного, которому отказано в бытии. Рассудок (т. е. Филум абстрактных машин), который в общей карте не имеет прямого контакта с эмерджентным «я» (с Т), теперь при пропуске Универсума оказывается *осмотически с ним соединённым*, и тем самым стирается грань между рациональностью (*διάνοια*) и миром идей (*νοῦς*). Это наглядно видно у Ф. Бэкона, а ещё прозрачней у Локка: под «идеями» теперь понимается продукт индивидуального человеческого мышления.

Меняется также и содержание Территории, поскольку акцент переносится

с коллективной идентичности народа на отдельного индивидуума. Да и сам Филум абстрактных машин приобретает новую структуру, где номинализм и дигитальность двоичного кода становятся доминантой и нормой. Аффектирует это и структуру Потока, который отныне воспринимается через призму атомизма, т. е. как рациональная абстракция, теснящая Территорию извне. Имманентность Потока становится фундаментально обоснованной, а область контроля прямого эмерджентного сознания резко сокращается, поскольку не имеет более поддержки

в Универсуме. Здесь Филум абстрактных машин впервые становится настоящим *das Man*’ом Хайдеггера, поскольку не разрешается в Универсуме, которому можно было бы анотетически взойти. Пещера Платона плотно герметически закупоривается сверху, и теперь уже никто и ни при каких условиях её покинуть не может. Философия оказывается подвешенной в рассудке, а свидетельство об истинности и реальности переносится в Поток, научно описанный и изученный. Машина дискурсивного мышления смыкается с рационализированным потоком, порождая механику. Эмерджентное «я» индивидуума оказывается сплюснутым с двух сторон абстракцией рассудка и за-

ряженным метафизическим свойством высшей реальности абстрактной, но вездесуще наличествующей материей.

Так выглядит карта функторов западноевропейского модерна.

На следующей схеме (рис. 11) мы имеем финальную стадию трансформации западной цивилизации в эпоху постмодерна.

Здесь фактически упраздняется само эмерджентное «я», будучи заменённым в ходе трансгрессивного опыта ризоматическим гибридом. Зона Потока максимально расширяется, машинность рассудка (мысли, помещённой на носитель) становится, в свою очередь, механической и аппаратной (компьютер). *Техно-*

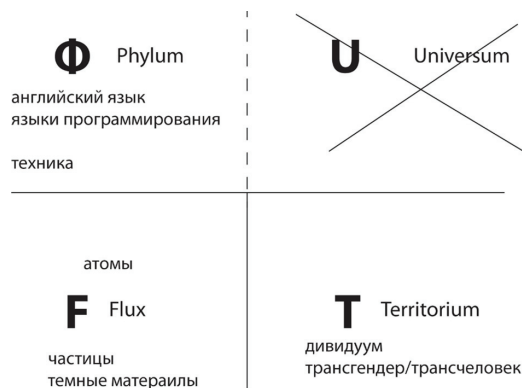

Рис. 11 / Fig. 11. Финальная стадия трансформации западной цивилизации в эпоху Постмодерна / The final stage of the transformation of Western civilization in the Postmodern era

Источник: составлено автором

Рис. 12 / Fig. 12. Вестернологическая схема соотношения западноевропейской и русской цивилизаций № 7/ Westernological scheme of the ratio of Western European and Russian civilizations no. 7

Источник: составлено автором

логии окончательно вытесняют онтологию. Становление западной цивилизации достигает такой фазы, когда с изначальной схемой 1 и последующими схемами 2 и 3 уже нет ничего общего.

Психоаналитический мэппинг русской цивилизации

Теперь проследим филиацию русской цивилизации. Схемы 1 и 2 соответствуют общим с Западом корням. Далее линия Запада переходит к схеме 3, а линия православной цивилизации к схеме 7 (рис. 12)

Здесь меняется эмерджентное «я» на общность русского народа. Универсум остаётся в целом византийским, а Филум абстрактных машин хотя и русифицируется, но, как и латынь, на прежних этапах служит для выражения преимущественно греческих смыслов. Потоки выглядят здесь несколько архаичнее, но в целом соответствуют стихиям. Эта схема является нормативной для описания русского кода, который полностью утверждается в период Московского царства.

В период активной модернизации и вестернизации России эта фундаментальная русская схема 7 несколько меняется (рис. 13).

Территория остаётся той же. Зона Универсума в целом сохраняется (за исключением советского периода, когда на её место была поставлена советская идеология атеистически-материалистического толка, но и тогда сквозь коммунистические догмы пробивался русский идеализм и ценности Империи). А вот функтор Филума абстрактных машин качественно меняется под воздействием западной культуры. Происходит колонизация сферы рассудка, что проявляется прежде всего в науке, образовании, отчасти в культуре и искусстве. Русское стихийно-сказочное восприятие Потока меняется на механические атомистские представления, что теснит русское эмерджентное «я», ставя его в трудное положение. Но в отличие от западной цивилизации сохранение области Универсума даёт выход из растущего давления материалов.

Более того, функтор Потока при более пристальном внимании показывает наложение западноевропейского атомизма (диктуемого Филумом абстрактных машин) на архаическое восприятие материала, где стихии сочетаются со сказочными мотивами, обнажая природу транзитивных объектов. Это может

Рис. 13 / Fig. 13. Вестернологическая схема соотношения западноевропейской и русской цивилизаций № 8 / Westernological scheme of the ratio of Western European and Russian civilizations no. 8

Источник: составлено автором

служить объяснением такого феномена как *русский космизм* (Н. Федоров, К. Циолковский и т. д.), в котором мы сталкиваемся с причудливым наложением западноевропейского механицизма на глубинные психические формы чисто славянского восприятия Потока. Откуда рождаются сюжеты собирания праха предков, рассыпанного по атомам Вселенной, научного воскрешения мертвых во плоти с помощью новых технологий и т. д. Так можно говорить о «магической

материи», которая в функторе Потока переплетена с машинным материализмом европейского Модерна. *Схема 8* в целом описывает модель русского археомодерна и наглядно поясняет характер тех социокультурных патологий, которые составляют его ядро. Последующая *схема 9* – это горизонт излечения России от археомодерна и возврат к своей истинной цивилизационной идентичности, верной всей исторической траектории (рис. 14).

Рис. 14/ Fig. 14. Вестернологическая схема соотношения западноевропейской и русской цивилизаций № 9/ Westernological scheme of the ratio of Western European and Russian civilizations no. 9

Источник: составлено автором

Рис. 15 / Fig. 15. Вестернологическая схема соотношения западноевропейской и русской цивилизаций с учётом этнических полюсов № 1/ Westernological scheme of the relationship between Western European and Russian civilizations, taking into account the ethnic poles no. 1

Источник: составлено автором

Различие между *схемами* 7 и 9 состоит только в их отношении к археомодерну – *схема* 7 предшествует ему, а *схема* 9 следует за ним, т. е. является горизонтом Консервативной Революции.

Функции западноевропейских народов

К этому анализу можно добавить еще 2 схемы, которые учитывают распределение этнических полюсов в западной цивилизации. Для эпохи начала западной цивилизации, когда она ещё недавно отделилась от православного вектора, характерно такое распределение функторов (рис. 15).

Эмерджентным «я» в данном случае является сама западноевропейская идентичность, а вот за остальные функторы отвечают преимущественно различные западноевропейские группы народов. Так, функтор Универсума более всего соответствует *германскому* началу, что выражено в создании немцами грандиозных философских идеалистических систем от Дитриха фон Фрайберга и Рейнских мистиков (М. Экхарта, Г. Сузо, И. Таулера) до Фихте, Шеллинга, Гегеля и Хайдеггера.

Функтор Потока соответствует особой склонности *кельтских* этносов и культур к водным стихиям и потусторонним мирам. Стихия Моря лежит в основе кельтской культуры. Можно допустить, что кельтское воображение повлияло в значительной степени на восприятие материи в общем контексте европейской культуры.

При этом *латынь* как язык, как правовая система, как кодировка древней греко-римской рациональности выполняла до определённого момента функцию Филума абстрактных машин.

Эти гипотезы дистрибуции западноевропейских этнических групп по функторам карты Гваттари позволяют понять постепенный рост значения Англии и ключевой роли англосаксов в модерне и постмодерне (рис. 16).

В Англии воедино сошлись германское и кельтское начал, причём в такой пропорции, что от германцев англичане унаследовали не идеалистический Универсум, а обостренную *волю*. От кельтов, также игравших значительную роль в формировании английской идентичности и населявших Британские остро-

Рис. 16 / Fig. 16. Вестернологическая схема соотношения западноевропейской и русской цивилизаций с учётом этнических полюсов № 2/ Westernological scheme of the relationship between Western European and Russian civilizations, taking into account the ethnic poles no. 2

Источник: составлено автором

ва до прихода туда германских племён, англичане унаследовали *материализм* (лишённый обаяния кельтской магичности) и тягу к стихии Моря. Если на европейском континенте кельты (Франция) и немцы (Германия) существовали отдельно, занимая соответственно Запад и Восток Западной Европы, то в Англии они *смешались*, породив дуальную культуру. При этом Филум абстрактных машин в английском контексте, изначально латинский, как и в остальной Европе, постепенно сменился на особый *позитивистский и утилитаристский* стиль чисто английского мышления. Логическим выражением этого британского Филума стали философия индивидуализма, капитализм, политический либерализм, а также тяга к переносу рациональных систем на технический носитель, что и привело к цифровой цивилизации, дигитализации и искусственному интеллекту. Всемирное распространение английского языка и его преобладание в компьютерной сфере не является только следствием размаха исторической Британской Империи. *Сущностно английской является и современная эмпирическая материалистическая позитивистская наука.* Английской является идеология либерализма, претендующая на универсальность. Подавляющее большинство массовой музыкальной культуры также относится к англофонной сфере.

Английским является западноевропейский модерн и во многом постмодерн.

Заключение

Предложенный подход к изучению цивилизаций через призму бессознательных структур и их исторического развития имеет значительное теоретическое и

практическое значение. Он не только расширяет инструментарий вестернологии, но и предлагает новые интерпретационные модели, которые позволяют глубже понять сложнейшие геополитические процессы.

В данной статье мы рассмотрели ряд схем, которые иллюстрируют взаимосвязи между западноевропейской и русской цивилизациями. Применение карты Гваттари к этим схемам позволяет более глубоко понять культурные и исторические контексты, в которых развивались обе цивилизации. Мы увидели, как различные элементы взаимодействия – от философских идей до социальных практик – формируют глубинные идентичности и способы мышления.

Схема четырёх функторов Гваттари помогла систематизировать целый ряд феноменов, связанных с цивилизациями, что является важным элементом в дальнейшей разработке теории многополярного мира и сопутствующей ей вестернологии. Эти функторы, охватывающие различные аспекты культурных и социальных взаимодействий, служат основой для анализа того, как бессознательные структуры формируют коллективные идентичности и влияют на международные отношения.

Таким образом, данное исследование не только углубляет наше понимание исторических процессов, но и формирует основу для анализа актуальных тенденций в мировой политике и культуре. В условиях глобализации и быстрого изменения международной обстановки важно учитывать, как и какие бессознательные культурные коды влияют на политическую жизнь.

Дата поступления в редакцию 17.01.2025

ЛИТЕРАТУРА

1. Bastian A. Die Völkerkunde und der Völkerverkehr. Berlin: Weidmann, 1900. 171 p.
2. Frobenius L. Paideuma. Umriss einer Kultur Blaga L. Trilogie de la connaissance. P.: Librairie du savoir, 1992. 125 p.
3. Frobenius L. Paideuma. Umriss einer Kultur- und Seelenlehre. München: Beck, 1921. 125 p.
4. Graebner F. Methode der Ethnologie. Heidelberg: Winter, 1911. 204 p.

5. Guattari F. *Chaosmose*. P.: Éditions Lignes, 2022. 192 p.
6. Heidegger M. *Die Frage nach der Technik. Vorträge und Aufsätze*. Frankfurt am Main: Vittorio Klostermann, 2000. 298 p.
7. Heidegger M. *Die Geschichte des Seyns*. Frankfurt am Main: Vittorio Klostermann, 1998. 229 p.
8. Heidegger M. *Vorträge und Aufsätze*. Stuttgart: Neske (Pfullingen), 1954. 283 p.
9. Proclus. *On Plato's "Cratylus"*. §133. Ithaca, NYP: Cornwell University Press, 2007. 192 p.
10. Schmidt W., Koppers W. *Volker and Kulturen*. Regensburg: Habbel, 1924. 178 p.
11. Башляр Г. Психоанализ огня / пер. с фр. Н. В. Кисловой. М.: Прогресс, 1993. 176 с.
12. Гегель Г. В. Ф. Феноменология духа / пер. с нем. Г. Г. Шпета. М.: Наука, 2000. 490 с.
13. Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера земли. М.: АСТ, 2023. 700 с.
14. Дугин А. Г. Воображение. Философия, социология, структуры. М.: Академический проект, 2016. 640 с.
15. Дугин А. Г. Геополитика: учебн. пособие. М.: Академический проект, 2014. 523 с.
16. Дугин А. Г. Мартин Хайдеггер. Последний Бог. М.: Академический проект, 2014. 846 с.
17. Дугин А. Г. Ноомахия. Геософия. Горизонты и цивилизации. М.: Академический проект, 2017. 475 с.
18. Дугин А. Г. Ноомахия. Три Логоса. М.: Академический проект, 2014. 446 с.
19. Леви-Строс К. Мифологии. В 4-х тт. / пер. с фр. З. А. Сокулера, К. З. Акопяна, Н. Б. Маньковской и др. М.; СПб: ЦГНИИ ИНИОН РАН, 1999–2000. 1309 с.
20. Леви-Строс К. Сырое и приготовленное. Мифологии I / пер. с фр. З. А. Сокулера, К. З. Акопяна. М.; СПб: ЦГНИИ ИНИОН РАН, 1999. 398 с.
21. Лефевр А. Производство пространства / пер. с фр. И. Страф. М.: Strelka Press, 2015. 405 с.
22. Платон. Собрание сочинений. Т. 3: Государство / под ред. А. Ф. Лосева, В. Ф. Асмуса. М.: Мысль, 1994. 654 с.
23. Фрейд З. «Я» и «Оно». Избранные работы / пер. Л. Голлербах. М.: Юрайт, 2019. 165 с.
24. Фрейд З. Толкование сновидений. М.: Эксмо-Пресс, 2001. 620 с.
25. Фрейд З. Тотем и табу / пер. с нем. Р. Ф. Додельцев. М.: Азбука, 2021. 320 с.
26. Хайдеггер М. Черные тетради I–IV / пер. А. Б. Григорьева. М.: Издательство Института Гайдара, 2022. 648 с.
27. Хайдеггер М. Исток художественного творения / пер. с нем. А. В. Михайлова. М.: Академический проект, 2005. 527 с.
28. Шмитт К. Левиафан в учении о государстве Томаса Гоббса: смысл и фиаско одного политического символа / пер. с нем. Д. В. Кузницына. СПб.: Наука, 2006. 298 с.
29. Шпенглер О. Закат Западного мира / пер. с нем. И. И. Маханькова. М.: Альфа-книга, 2014. 1085 с.
30. Юнг К. Г. Сознание и бессознательное / пер. с нем. А. А. Алексеева. СПб.: Университетская книга, 1997. 56 с.
31. Юнгер Ф. Г. Греческие мифы / пер. с нем. А. П. Шурбелева. СПб: Владимир Даль, 2006. 396 с.

REFERENCES

1. Bastian, A. (1900). *Die Völkerkunde und der Völkerverkehr*. Berlin: Weidmann.
2. Frobenius, L. (1992). *Paideuma. Umriss einer Kultur Blaga L. Trilogie de la connaissance*. P.: Librairie du savoir.
3. Frobenius, L. (1921). *Paideuma. Umriss einer Kultur- und Seelenlehre*. München: Beck.
4. Graebner, F. (1911). *Methode der Ethnologie*. Heidelberg: Winter.
5. Guattari, F. (2022). *Chaosmose*. P.: Éditions Lignes.
6. Heidegger, M. (2000). *Die Frage nach der Technik. Vorträge und Aufsätze*. Frankfurt am Main: Vittorio Klostermann.
7. Heidegger, M. (1998). *Die Geschichte des Seyns*. Frankfurt am Main: Vittorio Klostermann.
8. Heidegger, M. (1954). *Vorträge und Aufsätze*. Stuttgart: Neske (Pfullingen).
9. Proclus (2007). *On Plato's "Cratylus"*. §133. Ithaca: NYP, Cornwell University Press.
10. Schmidt, W. & Koppers, W. (1924). *Volker and Kulturen*. Regensburg: Habbel.
11. Bachelard, G. (1993). *Psikhoanaliz du feu*. Moscow: Progress Publ. (in Russ.).
12. Hegel, G. V. F. (2000). *Phänomenologie des Geistes*. Moscow: Nauka Publ. (in Russ.).
13. Gumilev, L. N. (2023). *Ethnogenesis and the Biosphere of the Earth*. Moscow: AST Publ. (in Russ.).

14. Dugin, A. G. (2016). *Imagination. Philosophy, Sociology, Structures*. Moscow: Academic Project Publ. (in Russ.).
15. Dugin, A. G. (2014). *Geopolitics*. Moscow: Academic Project Publ. (in Russ.).
16. Dugin, A. G. (2014). *Martin Heidegger. The Last God*. Moscow: Academic Project Publ. (in Russ.).
17. Dugin, A. G. (2017). *Noomakhia. Geosophy. Horizons and civilizations*. Moscow: Academic Project Publ. (in Russ.).
18. Dugin, A. G. (2014). *Noomakhia. Three Logos*. Moscow: Academic Project Publ. (in Russ.).
19. Lévi-Strauss, C. (1999–2000). *Mythologies I–IV*. Moscow, St. Petersburg: TSGNII INION RAN Publ. (in Russ.).
20. Lévi-Strauss, C. (1999). *Cru et cuit. Mythologies I*. Moscow; St. Petersburg: TSGNII INION RAN Publ. (in Russ.).
21. Lefebvre, A. (2015). *Production de l'espace*. Moscow: Strelka Press (in Russ.).
22. Plato. (1994). *Collected Works. Vol. 3: Republic*. Moscow: Mysl Publ. (in Russ.).
23. Freud, Z. (2019). *"Ich" und "Es". Ausgewählte Werke*. Moscow: Yurayt Publ. (in Russ.).
24. Freud, Z. (2001). *Traumdeutung*. Moscow: Eksmo-Press Publ. (in Russ.).
25. Freud, Z. (2021). *Totem und Tabu*. Moscow: Azbuka Publ. (in Russ.).
26. Heidegger, M. (2022). *Schwarze Hefte I–IV*. Moscow: Gaidar Institute Publishing House Publ. (in Russ.).
27. Heidegger, M. (2005). *Die Quelle des künstlerischen Schaffens*. Moscow: Academic project Publ. (in Russ.).
28. Schmitt, K. (2006). *Leviathan in der Staatstheorie von Thomas Hobbes: Bedeutung und Fasco eines politischen Symbols*. St. Petersburg: Nauka Publ. (in Russ.).
29. Spengler, O. (2014). *Der Untergang der westlichen Welt*. M: Alfa-book (in Russ.).
30. Junger, F. G. (1997). *Bewusstsein und Unbewusstes*. St. Petersburg: University Book Publ. (in Russ.).
31. Junger, F. G. (2006). *Griechische Mythen*. St. Petersburg: Vladimir Dal Publ. (in Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Дугин Александр Гельевич – кандидат философских наук, доктор социологических наук, доктор политических наук, директор Учебно-научного центра «Высшая политическая школа имени Ивана Ильина» Российского государственного гуманитарного университета;
e-mail: vpsh@rggu.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Alexandr G. Dugin – Cand. Sci. (Philosophy), Dr. Sci. (Sociology), Dr. Sci. (Politology), Director of the Educational and Research Center "Ivan Ilyin Higher Political School", Russian State University for the Humanities;
e-mail: vpsh@rggu.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Дугин А. Г. Психоанализ цивилизаций. Карта Феликса Гваттари // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: История и политические науки. 2025. № 2. С. 26–51.
DOI: 10.18384/2949-5164-2025-2-26-51

FOR CITATION

Dugin A. G. Psychoanalysis of civilizations: a Guattarian map. In: *Bulletin of Federal State University of Education. Series: History and Political Sciences*, 2025, no. 2, pp. 26–51.
DOI: 10.18384/2949-5164-2025-2-26-51

УДК 93/94

DOI: 10.18384/2949-5164-2025-2-52-60

ИДЕОЛОГИЯ И ПРОПАГАНДА: СМЫСЛОВЫЕ И СОДЕРЖАТЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ПОНЯТИЙ

Куранов Г. В.¹, Шаповалов В. Л.², Рудаков А. Б.³

¹ Московский государственный институт международных отношений (университет)
МИД России, Одинцовский филиал
143007, Московская обл., г. Одинцово, ул. Ново-Спортивная, д. 3, Российская Федерация

² Московский государственный институт международных отношений (университет)
МИД России
119454, г. Москва, пр. Вернадского, д. 76, Российская Федерация

³ Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия
имени Д. С. Лихачёва
129301, г. Москва, ул. Космонавтов, д. 2, Российская Федерация

Аннотация

Цель. Исследование смыслового содержания понятий «идеология» и «пропаганда», вопросов их развития и эволюции в различных исторических эпохах.

Процедура и методы. Рассмотрено соотношение понятий «идеология» и «ценности», «пропаганда» и «просвещение», изучены особенности использования этих терминов в современном российском политическом языке. Были применены принципы объективности, научности и историзма.

Результаты. В статье подробно анализируется юридический и политический смысл содержания ст. 13 Конституции Российской Федерации. Сделан вывод о присутствии в российском обществе идеологической доминанты, опирающейся на общенациональный мировоззренческий консенсус по наиболее важным и значимым вопросам развития страны. Согласно выводам, термины «идеология» и «ценности», «пропаганда» и «просвещение» отражают различные аспекты близких по своей сути социально-политических явлений и не являются антагонистическими. При этом, с точки зрения эффективности передачи социальных практик, использование понятий «идеология» и «пропаганда» имеет преимущества перед иными терминологическими вариантами.

Теоретическая и/или практическая значимость. Полученные результаты применимы при осуществлении деятельности в сфере патриотического воспитания граждан Российской Федерации.

Ключевые слова: идеология, мировоззрение, ценности, пропаганда, политический язык, патриотизм, социальные практики

IDEOLOGY AND PROPAGANDA: SEMANTIC AND CONTENT ASPECTS OF CONCEPTS

G. Kuranov¹, V. Shapovalov², A. Rudakov³

¹ MGIMO University, Odintsovo branch

ul. Novo-Sportivnaya 3, Odintsovo 143007, Moscow region, Russian Federation

² MGIMO University

Prosp. Vernadskogo 76, Moscow 119454, Russian Federation

³ Likhatchev Russian Research Institute for Cultural and Natural Heritage

ul. Kosmonavtov 2, Moscow 129301, Russian Federation

Abstract

Aim. To study the semantic content of the concepts of "ideology" and "propaganda", the issues of their development and evolution in various historical eras.

Methodology. The authors examined the relationship between the concepts of "ideology" and "values", "propaganda" and "education", studied the features of the use of these terms in the modern Russian political language. The principles of objectivity, scholarship and historicism were applied.

Results. The article analyzes in detail the legal and political meaning of the content of Art. 13 of the Constitution of the Russian Federation. It was concluded that there is an ideological dominant in Russian society, based on a nationwide worldview consensus on the most important and significant issues of the country's development. According to the authors, the terms "ideology" and "values", "propaganda" and "enlightenment" reflect various aspects of inherently close social-political phenomena and are not antagonistic. At the same time, in terms of the effectiveness of the transfer of social practices, the use of the concepts of "ideology" and "propaganda" has advantages over other terminological options.

Research implications. The results obtained are applicable to the implementation of activities in the field of patriotic education of citizens of the Russian Federation.

Keywords: ideology, worldview, values, propaganda, political language, patriotism, social practices

Введение

Обращение к вопросу о смысловых и содержательных аспектах понятий «идеология» и «пропаганда» продиктовано объективной необходимостью суверенизации современного российского политического языка и языка социогуманитарных наук. Трудно спорить с тем, что именно эти термины играют важнейшую роль при анализе общественно-политических процессов.

В первые постсоветские годы их употребление в позитивном или даже нейтральном ключе было фактически табуировано, а затем инерция этого процесса давала о себе знать на протяжении последующих десятилетий.

При этом необходимо отметить, что термины «идеология» и «пропаганда»,

интерпретируемые в однозначно негативном контексте, долгое время использовались и продолжают использоваться сегодня в информационно-психологическом противостоянии с Россией.

В частности, для западного политического дискурса характерно утверждение о том, что в России якобы происходит «идеологизация» всех сторон общественной жизни, в то время как в «открытых» обществах любые идеологические построения являются уделом маргиналов, а мировоззренческим мейнстримом являются политкорректные дискуссии об интерпретации ценностей. То же самое касается и «пропаганды», под которой понимается навязывание ложных мировоззренческих стереотипов, в то время как распространение позитивных цен-

ностей и смыслов описывается принципиально иными терминами (например, термином «просвещение»).

Содержание понятий «идеология» и «пропаганда»

Вопрос о содержательной интерпретации понятий «идеология» и «пропаганда» возникает не впервые, однако сегодня он несёт не только научно-философский, но и политический смысл. Принятие или отторжение этих терминов является важным смысловым маркером, отражающим отношение к цивилизационным особенностям политического языка, который зачастую сам по себе способен оказывать мощное воздействие на общественное сознание, определять одобряемые и неодобряемые смысловые модели, очерчивать границы допустимого в рамках политического дискурса.

Начнём с того, что определение термина «пропаганда» в исторической ретроспективе неоднократно менялось. Вплоть до XVI в. термин «пропаганда» использовался только в естественных науках в связи с размножением животных и растений. Папа Григорий XIII (1572–1585) уполномочил трёх кардиналов *congregatio de propaganda fide* распространять католическую веру в нехристианских землях. В 1622 г. Урбан VIII учредил *collegium de propaganda* с целью обучения миссионерской деятельности.

Лишь в начале XIX в. термин стали использовать в чисто светском контексте. При этом считается, что само использование термина «пропаганда» в негативном ключе началось на фоне конфликтно окрашенных дискуссий между католиками и протестантами в США и Северной Европе. На юге Европы, где реформация проявляла себя в минимальной степени, равно как и в Латинской Америке, использование термина «пропаганда» осуществлялось сугубо в положительном ключе [7, p. 88; 12, p. 8].

Ситуация изменилась во время Первой Мировой войны. Исследователь

У. Ирвин отмечал, что «до 1914 г. слово «пропаганда» входило только в словари по литературе и обладало достойным, возвышенным значением», однако затем «этим словом стали прикрывать откровенную ложь» [9, p. 3]. Считается также, что психоэмоциональные фобии, связанные с восприятием термина «пропаганда», являются результатом психологической неуверенности и морального смятения в обществе во время социальных конфликтов [10; 11].

Американский исследователь вопроса Э. У. Феллоуз в статье «“Propaganda”: History of a Word» (1959 г.) [8] отмечает эволюцию значения слова «пропаганда» в статьях энциклопедии, посвящённых данному вопросу. В девятом издании энциклопедии «Британника» (1875–1889) статья «Пропаганда» посвящена всецело пропаганде католической веры, о которой говорилось ранее. В четырнадцатом издании (1929) статья, написанная редактором, который по профессии являлся историком, почти полностью посвящена военной пропаганде. В последнем на момент выхода статьи издании, где соответствующий раздел был написан учёным-политологом и экспертом в области связей с общественностью Г. Д. Лассвеллом, делается акцент на политической пропаганде.

В том же исследовании Феллоуз отмечает как снижение негативной оценки слова «пропаганда» после окончания Второй Мировой войны, по сравнению с той, которая преобладала ранее, так и размывание границ между понятиями «пропаганда» и «реклама». Таким образом, понятие «пропаганда» не содержит изначально негативных коннотаций, приобретая таковые лишь в отдельные исторические периоды.

В российской истории один из таких моментов пришёлся на период распада СССР и становления новых постсоветских государств, когда в российской общественной мысли вновь получили широкое распространение стереотипы о

«порочности» пропаганды. Определение такого рода содержится, в частности, в «Новой философской энциклопедии», где пропаганда интерпретируется как «... распространение и внушение взглядов, идей, мнений с целью позитивно или негативно настроить аудиторию (любого состава – от нескольких человек до масс и даже общества в целом) и стимулировать её реакции в желательном направлении»¹.

Однако в последнее время оценки смещаются в сторону акцента на том, что научная дефиниция «пропаганда» имеет различные толкования, но в общем – это информационная составляющая, которая призвана формировать нужное общественное мнение [2].

Если рассматривать вопрос в общественно-политическом контексте, то под «пропагандой» можно понимать *распространение убеждений, идей, информирование об их содержании и сути в упрощённой, доходчивой, общедоступной форме* («информирование об идеологии»).

Становится бесспорным значение пропаганды как важного инструмента гражданского и исторического просвещения, позволяющего сохранить гуманитарный суверенитет и одержать победу в смысловом, когнитивном, психологическом противостоянии. В этом контексте понятия «пропаганда» и «просвещение» не являются антагонистичными, но лишь отражают различные аспекты близких по своей сути явлений.

Менялось на протяжении веков и восприятие термина «идеология». Считается, что термин «идеология» был введён в широкий научный оборот в конце XVIII в. французским философом Д. де Траси. Автор работы «Основы идеологии» считал, что идеология представлялась как «анализ ощущений, идей и знаков» [1].

Негативно окрашенная трактовка термина «идеология» получила широкое распространение на Западе после окончания Второй Мировой войны. Широ-

ко известна, к примеру, интерпретация термина, которую дал немецкий философ К. Ясперс. По его мнению, идеология представляет собой систему идей и представлений, которая служит мыслящему субъекту в качестве абсолютной истины, на основе которой он строит свою концепцию мира и своего положения в нём, причем таким образом, что этим он осуществляет самообман, необходимый для своего оправдания, для маскировки собственных интересов». Наименование какого-либо мышления идеологией – это обвинение в том, что сказанное не соответствует истине» [6]. В данном случае можно увидеть восприятие идеологии как явления сугубо негативного, причём связанного с пропагандой, «инструментом уничтожения противника», в первую очередь, политического.

В современной западной мысли широко распространён стереотипный подход, согласно которому «идеология» – это однозначно негативное явление, которое связывается с манипуляциями сознанием, с подавлением свободы мысли.

При этом само современное западное общество презентуется как максимально свободное от пут «идеологии» и вдохновляемое принципиально отличным от любой идеологии «набором ценностей». Парадоксальным образом различия между «идеологией» и «ценностями» лежат при этом не в формальной, а в содержательной плоскости – под «ценностями» понимается всё, что является социально одобряемым, под «идеологией» – всё то, что должно подлежать осуждению.

При этом на протяжении длительного времени именно идеология, если называть вещи своими именами, оставалась в западном обществе концептуальной основой принимаемых политических решений [3], как это было, к примеру, с повесткой DEI (англ. *diversity, equity, inclusion* – разнообразие, равенство, инклюзивность), которая агрессивно продвигалась в государственных структурах, образовательных учреждениях, внедря-

¹ Новая философская энциклопедия: в 4 т. / под ред. В. С. Степина. М.: Мысль, 2010. 692 с.

лась в корпоративную культуру крупнейших банков, корпораций, торговых сетей.

В социогуманитарных науках современного Китая слово «идеология», напротив, трактуется однозначно позитивно и связано с концепцией строительства «социализма с китайской спецификой», сформулированной правящей Коммунистической партией Китая (КПК). Китайский политолог Юй Лань отмечает, что в основе идеологического курса Китая лежит выработка самостоятельного и независимого концепта, предусматривающего симбиоз социалистических принципов с традициями китайского общества. По мнению китайских исследователей, за минувшие десятилетия «интересы Коммунистической партии Китая были скорректированы таким образом, что позволили консолидировать китайское общество, т. е. они были преобразованы в национальную идеологию, а опора на потребности, желания и традиционное мышление рядовых граждан позволили сделать её близкой для всех членов общества и добиться народной поддержки правительственной программы, чем ознаменовать начало нового цикла развития общества» [4].

В советский период слова «идеология» и «пропаганда» использовались с очень высокой частотностью, и, очевидно, речь идёт не только о риторике. Продвижение официальной идеологии и пропаганда успехов и достижений СССР, здорового образа жизни, восстановления исторических памятников и защиты культурного наследия были важнейшим элементом политического менеджмента в советский период. С другой стороны, сакрализация идей Маркса, Энгельса и Ленина, принудительное изучение их статей и книг, обязательное для всех государственных служащих, фактический запрет изучения «конкурирующих» идеологических доктрин не служили укреплению доверия к официальной идеологии, создавали предпосылки для её скептического восприятия.

После распада СССР, в начале 1990-х гг., слова «идеология» и «пропаганда» стали зачастую трактоваться в негативном контексте как элементы политического языка эпохи неудачного социально-политического эксперимента. Употребление данных понятий в позитивном ключе было фактически табуировано. В научном сообществе доминирующим стал западный подход, построенный на противопоставлении «идеологии» и «ценностей».

Лишь в последние годы получает распространение иное видение проблемы, согласно которому вопрос о соотношении идеологии и ценностей должен решаться не путём их искусственного противопоставления, но, скорее, через их сопряжение, через понимание их тесной взаимосвязи.

В этом контексте заслуживает внимания позиция авторов, предлагающих рассматривать понятие идеологии в двух значениях – узком и широком [5].

В узком значении идеология – это политическая доктрина, в т. ч. взятая на вооружение той или иной политической партии, либо преследующей политические цели общественной организацией, которая, так или иначе, является политическим субъектом.

В своём широком значении идеология выступает как набор базовых ценностей и принципов, изложенных популярным, доступным для восприятия гражданами языком, иными словами – языком информирующей о сути идеологии пропаганды. При этом принципы и ценности, о которых идёт речь, не обязательно должны носить политический характер, их значение универсально. Речь может идти, к примеру, о семейных или корпоративных ценностях, которые могут рассматриваться в качестве фундамента «семейной идеологии» или «корпоративной идеологии».

Если рассматривать соотношение содержания понятий под подобным углом зрения, то нельзя не прийти к выводу,

что идеология и ценности – это понятия одного порядка, выполняющие сходные семантические функции.

Понятие «идеология» и Конституция Российской Федерации

В этом контексте важно проанализировать широко распространённое суждение о том, что в российской Конституции содержится «запрет на идеологию» или «запрет на государственную идеологию».

Для адекватного понимания смысла положений ст. 13 Конституции Российской Федерации необходимо сделать акцент на том, что гарантии идеологического многообразия в Российской Федерации тесно связаны с гарантиями многопартийности, что, очевидно, логично, поскольку именно политические партии являются носителями идеологии в узком смысле слова (как политической доктрины). Здесь придётся констатировать, что термин «государственная идеология» в тексте Основного закона сформулирован, вероятно, не вполне удачно, с т. зр. передачи того, что хотел закрепить и вербально выразить законодатель. Однако в рамках общего контекста положений ст. 13, по крайней мере, становится понятно, что «государственная идеология» понимается в данном случае как «обязательная», т. е. указывается на недопустимость идеологического диктата, принуждения со стороны государства, что исключает полноценную многопартийность и политическую конкуренцию.

«Обязательность» идеологии предполагает нормативное закрепление её императивного характера, примером чего была, в частности, широко известная ст. 6 Конституции СССР от 12 декабря 1977 г. При этом исторический опыт, накопленный российским обществом, со всей очевидностью показывает, что наличие моноидеологии, развивающейся вне рамок идеологической конкуренции, является не столько преимуществом, сколько проблемой для общества, стремящегося к политической устойчивости и стабильности.

Сакрализация идеологии вместо осознания её инструментального характера, происходящее в условиях отсутствия идеологической конкуренции, закономерно приводит к кризису смыслов и идей, подобному тому, что наблюдалось в последние годы существования СССР. Этот процесс, который имел как политические, так и социально-психологические аспекты, резко ослабил социальный иммунитет, защищавший общество от проникновения в массовое сознание деструктивных, разрушительных представлений и идей.

Рациональное отношение к историческому опыту побуждает обращать внимание как на положительные, так и на отрицательные аспекты использования идеологии и пропаганды в советский период. В этом смысле позитивного осмысления заслуживает опыт советской пропагандистской модели, опыт создания и развития эффективных пропагандистских инструментов. С другой стороны, догматизацию и слабую адаптивность советской идеологии следует причислить к её очевидным слабостям, повторение которых в современном мире несёт риски мировоззренческого банкротства для любой идеологической модели, претендующей на общенациональное значение.

В этом контексте важно констатировать, что современное российское общество идёт в этом отношении принципиально иным путём, а именно не путём юридического закрепления привилегированного статуса «моноидеологии», но путём создания условий для органичного развития «метаидеологии», обладающей всеми признаками структурированной системы политических идей, но при этом выходящей за рамки любой политической или социальной обособленности.

В качестве подобной «метаидеологии» можно рассматривать систему идей, изложенную в самом тексте Основного Закона России, в особенности после конституционной реформы 2020 г. и принятия конституционных поправок на

общенародном голосовании¹, а также в документах стратегического планирования Российской Федерации. Подобную «метаидеологию» можно также с полным правом называть «русской идеологией», «идеологией современной России», «идеологией русского государства», «общенациональной идеологией», констатировать наличие в русском обществе идеологической доминанты, опирающейся на общенациональный мировоззренческий консенсус по наиболее важным и значимым вопросам развития страны.

Очевидно, однако, что подобная идеологическая модель не имеет ничего общего с идеологической монополией, запретами и преследованием инакомыслия, идеологическим диктатом.

Её суть в том, чтобы убеждать, а не принуждать. Развитие такой идеологической модели предполагает необходимость постоянной адаптации к быстро меняющимся геополитическим, экономическим и технологическим реалиям современного мира, к драматическим вызовам современности. В этом контексте важным условием подобного развития является доказательная, аргументированная и эмоционально убедительная полемика с идеологическими оппонентами, развитие общенациональной русской идеологии в режиме «вызов – ответ».

Подобный подход исключает идеологическую стагнацию, превращение наиболее важных составляющих русского мировоззрения в бессодержательные симулякры, позволяет непрерывно совершенствовать содержательные аспекты русской идеологии, выводить её на максимально возможный уровень убедительности.

Заключение

Таким образом, идеология русской государственности может успешно развиваться в существующих конституционных рамках. В контексте же решения стоящих перед обществом задач укрепления патриотического самосознания, сохранения и укрепления традиционных русских духовно-нравственных ценностей вполне допустимо говорить и о «пропаганде русской идеологии, идеологии русского государства, патриотической идеологии».

Продолжение практики самоцензуры в отношении терминов «идеология» и «пропаганда» неизбежно лишает нас необходимого инструментария для недвусмысленной и чёткой оценки широкого спектра явлений и процессов, чревато потерей и распылением смыслов в потоке витиеватых и порой малосодержательных формулировок. С другой стороны, возвращение понятий «идеология» и «пропаганда» в русский политический лексикон даст, наконец, возможность называть своими именами многое из того, что происходит в нашей общественно-политической жизни, описывать реальность не эзоповым языком, а общепонятными выражениями.

При этом в контексте масштабирования социальных практик, особенно в сфере патриотического воспитания, исторического и гражданского просвещения, использование подобной терминологии по изложенным выше причинам может иметь преимущество перед иными терминологическими вариантами, поскольку звучит более доходчиво, лучше понимается и воспринимается сотрудниками государственных учреждений и общественных объединений на местах (в школах, детских садах, спортивных секциях, секциях ДОСААФ, на производстве), что, в конечном счёте, делает процесс передачи социальных практик более технологичным и эффективным. На фоне угроз и вызовов, стоящих сегодня перед

¹ Наличие и признание подобной системы идей ни в коей мере не посягает на принцип «идеологического многообразия», наличия в русском обществе множественности идеологий в узком смысле слова (политических доктрин), носителями которой являются политические партии Российской Федерации.

Россией, это является однозначным преимуществом, которое полезно использовать для укрепления единства, сплочённости и стабильности российского общества.

Дата поступления в редакцию 02.02.2025

ЛИТЕРАТУРА

1. Дайнеко И. В., Мухин М. А. Термин «идеология» и его употребление: история и современность // Вестник науки и творчества. 2020. № 9. С. 5–11.
2. Карелова С. Г., Некрасов С. В., Пинчук А. Н. Пропаганда как метод воздействия на общественное сознание: общий теоретический аспект // Вестник НГУЭУ. 2020. № 4. С. 212–229.
3. Кузина С. И. Практическая идеология в процессах государственного строительства современной России // Государственная идеология и современная Россия: мат-лы конф. М.: Наука и политика, 2014. С. 664–671.
4. Лань Юй. Идеологический подход к политическому развитию КНР в новой эпохе // Общество: политика, экономика, право. 2022. № 2. С. 41–45.
5. Малиева Т. И., Бекоева Д. И., Джанаева З. К. К вопросу о соотношении понятий: идеология и ценность // Международный научно-исследовательский журнал. 2020. № 6. С. 6–8.
6. Ясперс К. Смысл и назначение истории / пер. с нем. М. И. Левиной. М., 1994. 527 с.
7. Fletcher E. W. The Background of the Meaning of Propaganda. Los Angeles, 1939. 202 p.
8. Fellows E. W. 'Propaganda': History of a Word // American Speech. 1959. Vol. 34. № 3. P. 182–189.
9. Irwin W. Propaganda and the news. New York and London, 1936. 325 p.
10. Kris E. Some Problems of War Propaganda // Psychoanalytic Quarterly. 1943. Vol. 12. № 3. P. 381–399.
11. Kris E. The "Danger" of Propaganda // American Imago. 1941. Vol. 2. № 1. P. 3–42.
12. Lambert R. S. Propaganda. London, 1938. 165 p.

REFERENCES

1. Daineko, I. V. & Mukhin, M. A. (2020). The term "ideology" and its use: history and modernity. In: *Bulletin of science and creativity*, 9, 5–11 (in Russ.).
2. Karelova, S. G., Nekrasov, S. V. & Pinchuk, A. N. (2020). Propaganda as a method of influencing public consciousness: general theoretical aspect. In: *Bulletin of NSUEM*, 4, 212–229 (in Russ.).
3. Kuzina, S. I. (2014). Practical ideology in the processes of state-building in modern Russia. In: *State ideology and modern Russia*. Moscow: Science and Politics Publ., pp. 664–671 (in Russ.).
4. Lan, Yu. (2022). Ideological approach to the political development of the PRC in the new era. In: *Society: politics, economics, law*, 2, 41–45 (in Russ.).
5. Malieva, T. I., Bekoeva, D. I. & Dzhanayeva, Z. K. (2020). On the Relationship of Concepts: Ideology and Value. In: *International Research Journal*, 6, 6–8 (in Russ.).
6. Jaspers, K. (1994). *The Meaning and Purpose of History*. Moscow (in Russ.).
7. Fletcher, E. W. (1939). *The Background of the Meaning of Propaganda*. Los Angeles.
8. Fellows, E. W. (1959). 'Propaganda': History of a Word. In: *American Speech*, 34, 3, 182–189.
9. Irwin, W. (1936). *Propaganda and the news*. New York and London.
10. Kris, E. (1943). Some Problems of War Propaganda. In: *Psychoanalytic Quarterly*, 12, 3, 381–399.
11. Kris, E. (1941). The "Danger" of Propaganda. In: *American Imago*, 2, 1, 3–42.
12. Lambert, R. S. (1938). *Propaganda*. London.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Куранов Григорий Владимирович – кандидат медицинских наук, заместитель Полномочного представителя президента Российской Федерации в Дальневосточном федеральном округе, старший преподаватель кафедры регионального управления и национальной политики Московского государственного института международных отношений (университета) МИД России, Одинцовского филиала;
e-mail: shishkina@fipdv.ru

Шаповалов Владимир Леонидович – кандидат исторических наук, руководитель проектов Департамента по взаимодействию с экспертным сообществом АНО «Экспертный институт социальных

исследований», доцент кафедры сравнительной политологии Московского государственного института международных отношений (университета) МИД России;
e-mail: vladshapovalov@mail.ru

Рудаков Александр Борисович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва;

e-mail: rudakow@bk.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Grigory V. Kuranov – Cand. Sci. (Medicine), Deputy Plenipotentiary Representative of the President of the Russian Federation, Far Eastern Federal District, Senior Lecturer, Department of Regional Management and National Policy, MGIMO University, Odintsovo Branch;

e-mail: shishkina@fipdv.ru

Vladimir L. Shapovalov – Cand. Sci. (History), Project Manager, Department for Interaction with the Expert Community of the ANO "Expert Institute for Social Research", Assoc. Prof., Department of Comparative Political Science, MGIMO University;

e-mail: vladshapovalov@mail.ru

Alexander B. Rudakov – Cand. Sci. (History), Senior Researcher, Likhatchev Russian Research Institute for Cultural and Natural Heritage;

e-mail: rudakow@bk.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Куранов Г. В., Шаповалов В. Л., Рудаков А. Б. Идеология и пропаганда: смысловые и содержательные аспекты понятий // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: История и политические науки. 2025. № 2. С. 52–60.

DOI: 10.18384/2949-5164-2025-2-52-60

FOR CITATION

Kuranov G. V., Shapovalov V. L., Rudakov A. B. Ideology and propaganda: semantic and content aspects of concepts. In: *Bulletin of Federal State University of Education. Series: History and Political Sciences*, 2025, no. 2, pp. 52–60.

DOI: 10.18384/2949-5164-2025-2-52-60

УДК 930

DOI: 10.18384/2949-5164-2025-2-61-66

СТАНОВЛЕНИЕ КОНЦЕПЦИИ «РОССИЯ – ГОСУДАРСТВО-ЦИВИЛИЗАЦИЯ» В ШКОЛЬНЫХ УЧЕБНИКАХ ИСТОРИИ

Фукс А. Н., Ковригин В. В.

Государственный университет просвещения

105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А, Российская Федерация

Аннотация

Цель. Изучить особенности отражения концепции «Россия – государство-цивилизация» в школьных учебниках истории, её трансформации в разные исторические периоды и идеологические установки, определившие становление концепции.

Процедура и методы. В основе исследования – материалы сравнительно-историографического анализа школьных учебников истории Отечества с середины XIX в. по настоящее время.

Результаты. Выявлены особенности становления концепции «Россия – государство-цивилизация» и её трансформации в школьных учебниках за последние полвека. Анализируемая концепция на страницах научной литературы появилась совсем недавно, однако она имеет длительную историю становления.

Теоретическая и/или практическая значимость. Материалы исследования могут быть использованы специалистами в области отечественной историографии, школьными учителями при подготовке к урокам, а также авторами учебников по истории Отечества.

Ключевые слова: государство-цивилизация, историография, школьный учебник, цивилизационный подход, воспитательный процесс

FORMATION OF THE CONCEPT "RUSSIA – STATE-CIVILIZATION" IN SCHOOL HISTORY TEXTBOOKS

A. Fuks, V. Kovrigin

Federal State University of Education

ul. Radio 10A, Moscow 105005, Russian Federation

Abstract

Aim. To study the features of the reflection of the concept of "Russia – a state-civilization" in school history textbooks, its transformation in different historical periods and the ideological attitudes that determined the formation of the concept.

Methodology. The research is based on materials from a comparative historiographical analysis of school textbooks on the history of the Fatherland from the mid-19th century to the present.

Results. The features of the formation of the concept of "Russia – a state-civilization" and its transformation in school textbooks over the past half century are revealed. The analyzed concept has appeared on the pages of scientific literature quite recently, however, it has a long history of formation which is shown in this research.

Research implications. The research materials can be used by specialists in the field of Russian historiography, school teachers in preparing for lessons, as well as authors of textbooks on the history of the Fatherland.

Keywords: state-civilization, historiography, school textbook, civilization approach, educational process

Введение

Концепция «Россия – государство-цивилизация» занимает ведущее место в современной российской историографии и образовательной политике. Она представляет Россию как уникальное цивилизационное пространство, сочетающее в себе элементы византийского наследия, православия, евразийства, традиций периодов императорской и советской России, многовекового взаимодействия с разнообразными культурами. В статье предпринята попытка анализа отражения данной концепции в школьных учебниках истории, её трансформации в разные исторические периоды и идеологические установки, определившие становление концепции.

Идея России как самобытной цивилизации берёт начало в трудах славянофилов XIX в. (А. С. Хомякова, Н. Я. Данилевского [5] и др.) и получает развитие в 1920-х гг. в работах евразийцев (Н. С. Трубецкого, П. Н. Савицкого и др.). Как цельный и завершённый концепт «Россия – государство-цивилизация» появляется только в 2010-х гг. и закрепляется в выступлении президента РФ В. В. Путина на форуме «Валдай» в 2023 г.

В настоящее время концепт «Россия – государство-цивилизация» активно разрабатывают современные авторы: В. Э. Багдасарян, Ю. Н. Аверьевнов [1], А. И. Алексеев [2] и др. Именно профессору В. Э. Багдасаряну принадлежит авторство самого понятия «Россия – государство-цивилизация» [3; 4].

Сегодня концепция стала популярной и в образовательном пространстве России: единый школьный учебник акцентирует внимание на уникальности цивилизационной основы России, презентует историю как последовательную смену эпох [6; 7; 8; 9].

Предпосылки формирования и методологические основания концепции «Россия – государство-цивилизация» в школьных учебниках второй половины XIX – XX вв.

В XIX – в начале XX в. в образовательном пространстве России стержнем построения школьного курса отечественной истории являлся государственный подход, независимо от того, были ли историки – авторы учебников представителями дворянско-монархического, либо либерально-буржуазного направления науки. Большая часть школьных учебников той эпохи в основном базировались на идее особенного исторического пути России. Их сущностной основой стала теория Министра народного просвещения С. С. Уварова о единстве православия, самодержавия и народности.

Школьные учебники императорской России XIX столетия имели 2 ключевые особенности:

1) *акцент на самобытности России*: подчёркивалось отличие русской цивилизации от западной, выделялась её духовность, коллективизм и роль православия. Например, в работах историков дворянско-монархического направления Н. Г. Устрялова, Д. И. Иловайского, М. П. Погодина Россия изображалась, по сути, как «третий Рим» – наследница Византии и хранительница истинного христианства. В большинстве учебников, имевших гриф Министерства народного просвещения «одобрено» / «допущено», центральной идеей был тезис о незыблемости самодержавной власти. Ключевая мысль Н. М. Карамзина о том, что сильный правитель – счастье, а слабый – трагедия для народа, находила своё подтверждение в учебниках;

2) *апологетика самодержавия* в трудах историков – представителей официально-охранительного направления: история трактовалась как череда «великих реформ» великих монархов (Петра I, Екатерины II), а крепостничество и угнетение тягловых сословий замалчивались.

К началу XX в. в русской историографии окончательно оформляются несколько направлений, подчас с противоположных позиций трактующих ключевые события истории России (официально-охранительное или дворянско-монархическое, либерально-буржуазное, революционно-демократическое). На рубеже XX столетия содержание учебной литературы стало центром научных дискуссий вокруг построения школьного курса отечественной истории. К примеру, в повестку почти каждого заседания Исторического общества при Санкт-Петербургском университете, долгое время председателем которого был академик Н. И. Кареев, ставился вопрос о содержании школьной истории, принципах отбора материала для учебников. Содержание школьного курса отечественной истории стало предметом идеологической борьбы за умы подрастающего поколения. Однако стержневую роль государства никто из авторов учебников под сомнение не ставил.

Советская власть на официальном уровне провозгласила формирование новой концепции истории страны на методологических принципах марксистско-ленинской теории. К концу 1930-х гг. этот процесс в основном был завершён изданием школьных учебников под редакцией А. В. Шестакова и А. М. Панкратовой. Формирование советской моноконцепции отечественной истории в 30-е гг. XX в. происходило через создание этих учебников. С их выходом определились ключевые подходы к решению центральных проблем отечественной истории, таких как: периодизация истории СССР, происхождение Древнерусского государства, «Иван Грозный – опричнина», классовая борьба и её роль в истории и др. Начиная с этого времени и вплоть до начала 1990-х гг., основой методологии в школьных учебниках выступали принципы исторического материализма. Главным фактором прогресса являлось развитие производительных сил обще-

ства; идейной основой – теория общественно-экономических формаций и классовой борьбы. Используя данные теоретико-методологические принципы, авторы всегда подчёркивали стержневую роль государства на разных этапах истории. Мысль Н. М. Карамзина о сильном и слабом правителе находила своё непосредственное подтверждение и в советской моноконцепции истории СССР.

Разные аспекты зарождения и развития российской цивилизации не исчезали со страниц советских учебных книг. Примером может служить учебник Б. Д. Грекова и А. Ю. Юшкова «История средних веков» (1952), где Киевская Русь изображалась как колыбель славянской государственности. Начиная с середины 50-х гг. «Киевская Русь – Древнерусское государство» определялось как государство раннефеодального типа. Это положение находит своё подтверждение и в современном историографическом дискурсе.

Своего рода ренессансом отдельных элементов цивилизационного подхода в рамках строгой марксистской методологической основы школьных учебников является попытка ярко показать историческую миссию Советского государства. В учебниках эпохи СССР подчёркивалось, что Советское государство создало альтернативную капитализму цивилизацию, основанную на принципах социальной справедливости, коллективизма и научно-технического прогресса. Достижения СССР (индустриализация, освоение космоса, развитие образования и здравоохранения) преподносились как вклад в мировую цивилизацию. Капиталистические страны изображались как тормозящие цивилизационное развитие из-за эксплуатации, колониализма и социального неравенства.

В 1990-е гг. с либерализацией издания учебных книг их авторы стали демонстрировать разные подходы к пониманию исторического процесса. Однако в представлениях большинства авторов

учебников СССР Россия утратила собственную цивилизационную идентичность, чаще появляясь на периферии западнцентричного мирового исторического процесса. Развитие нашей страны многие авторы учебников того времени стали представлять как «догоняющую модернизацию» государства с развивающейся экономикой по западным лекалам. По сути, государственная политика в области содержания исторического образования отсутствовала. В основе учебных книг того времени была методологическая эклектика. Принципы историзма и научной объективности не соблюдались. Аморфность идеологических ориентиров в построении содержания школьных учебников родной истории приводила к нарушению принципа культурно-исторической преемственности поколений. Воспитательная функция истории сошла на нет.

Формирование концепции «Россия – государство-цивилизация» на страницах школьных учебников в первые десятилетия XXI в.

С начала 2000-х гг. на страницах школьных учебников начинает проявляться постепенное обретение нашей страной собственной цивилизационной идентичности. Концепция «Россия – государство-цивилизация» в российских школьных учебниках истории 2000–2010 гг. отражала стремление интегрировать национальную историю в глобальный контекст, подчёркивая уникальность российского пути развития. Учебники (например, под ред. А. В. Торкунова¹) опирались на идеи Н. Я. Данилевского, рассматривая Россию как самостоятельную цивилизацию с особым историческим предназначением. Акцент делался на роли государства в консолидации многоэтничной и многоконфессиональ-

ной империи, сохранении культурного единства.

В 2000-е гг. авторы всё чаще стали заявлять о непрерывности исторического процесса. Если в 1990-е гг. в учебниках прямо противопоставлялась царская Россия, СССР и зарождающаяся российская демократия, то в первое десятилетие нового столетия в учебных книгах всё чаще подчёркивается преемственность. Такая трансформация стала ключевой для современной концепции «Россия – государство-цивилизация» в едином для всех школ России учебнике под редакцией В. Р. Мединского².

Ключевые особенности представления концепта «государство-цивилизация» в современных учебниках под редакцией В. Р. Мединского:

– *непрерывность государственности*: выстроен нарратив, где Московское государство, Российская империя, СССР и современная РФ представлены как этапы единого эволюционного процесса. Например, в описании периода Московского государства подчёркивается преемственность государственной власти после «собираания» земли русской;

– *роль государства в цивилизационном развитии*: сделан акцент, что сильная власть (от князей-собирателей до современных лидеров) выступала гарантом стабильности и защитником традиционных ценностей. В учебниках критикуется западная модель либерализма как чуждая российской «духовной общности»;

– *синтез культуры и власти*: история России предстаёт как совместное подвигничество государства и народа. Например, в разделах о православии подчёркивается его роль в консолидации общества и легитимизации власти. Все религии рассматриваются так же как оплот государства и полиэтнической общности российской цивилизации.

¹ История России. 9 класс: учеб. Ч. 1 / Н. М. Арсентьев, А. А. Данилов, А. А. Левандовский, А. Я. Токарева. М.: Просвещение, 2016. 160 с.

² Мединский В. Р. История России. 1914–1945 годы. 10 класс: учебник. М.: Просвещение, 2023. 496 с.

Заключение

Концепция «Россия – государство-цивилизация» представляет собой основанный на принципах научной объективности подход к пониманию уникальности российской государственности, её исторического пути и культурного наследия. Включение этой концепции в школьные учебники позволяет учащимся осмыслить многовековую традицию сосуществования различных этносов, религий и культур на территории России, а также роль государства как гармонизирующего начала в этом многообразии.

Понимание уникальности России как государства-цивилизации позволяет не только глубже осмыслить её исторический путь, но и предложить новые подходы к решению современных проблем, с которыми сталкивается страна и мир в целом.

Истоки концепции «Россия – государство-цивилизация» можно проследить в работах русских философов XIX–XX вв. (Н. А. Бердяев, В. С. Соловьёв), которые подчёркивали исключительность российской цивилизации. Однако в современной интерпретации она приобретает новые грани и актуальность, предлагая

ответы на вызовы XXI в.: от поиска национальной идентичности до определения места России в многополярном мире.

Безусловно, велик воспитательный потенциал этой концепции для подрастающего поколения. Она позволяет лучше осмыслить уникальный синтез традиций, многоконфессиональной культуры, истории в российской цивилизации. Уникальность России как цивилизации – один из лучших инструментов воспитания учащихся школ в духе любви и преданности Отечеству. Концепция «Россия – государство-цивилизация» должна стать не только инструментом патриотического воспитания, но и основой для развития критического мышления, понимания сложности исторических процессов и диалога культур.

В целях полного методологического обеспечения концептом «Россия – государство-цивилизация» необходимо дальнейшее совершенствование содержания единого школьного учебника истории. Подчеркнём, что вузовские учебные пособия по Отечественной истории нуждаются в коренной переработке для достижения данной цели.

Дата поступления в редакцию 26.02.2025

ЛИТЕРАТУРА

1. Аверьянов Ю. Н. Россия как цивилизация: историко-философский анализ. М.: Наука, 2010. 342 с.
2. Алексеев А. И. Россия: история, культура, цивилизация. М.: Наука, 2018. 345 с.
3. Багдасарян В. Э. Концепция государства-цивилизации: проблемы методологии и политической реализации // Среднерусский вестник общественных наук. 2022. Т. 17. № 6. С. 15–29.
4. Багдасарян В. Э., Иерусалимский Ю. Ю., Арх. Сильвестр. Традиционные ценности как основа нового мировоззренческого строительства России. Ярославль: Шукаева и семья, 2024. 296 с.
5. Данилевский Н. Я. Россия и Европа: взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германо-романскому. СПб.: Евразия, 2019. 512 с.
6. Зенькович В. А. Особенности российской цивилизации. М.: Логос, 2016. 288 с.
7. Иванов С. В. Россия как уникальная цивилизация: историко-культурный анализ // Вестник Московского университета. Серия 8: История. 2021. № 3. С. 12–25.
8. Петров А. Н. Концепция государства-цивилизации в современной историографии // Исторические, философские, политические и юридические науки. 2020. № 2. С. 45–52.
9. Фурсов А. И. Цивилизационные альтернативы и будущее России. М.: Институт русской цивилизации, 2020. 352 с.

REFERENCES

1. Averyanov, Yu. (2010). *Russia as a civilization: historical and philosophical analysis*. Moscow: Nauka Publ. (in Russ.).
2. Alekseev, A. I. (2018). *Russia: history, culture, civilization*. Moscow: Nauka Publ. (in Russ.).

3. Baghdasaryan, V. E. (2022). The concept of state-civilization: problems of methodology and political implementation. In: *Central Russian Journal of Social Sciences*, 17, 6, 15–29 (in Russ.).
4. Baghdasaryan, V. E., Ierusalimsky, Yu. Yu. & Arch. Silvester (2024). *Traditional values as the basis for the new ideological construction of Russia*. Yaroslavl: Shukaeva i semya Publ. (in Russ.).
5. Danilevsky, N. Ya. (2009). *Russia and Europe: A Look at the Cultural and Political Relations of the Slavic World to the Germanic-Roman World*. St. Petersburg: Eurasia Publ. (in Russ.).
6. Zenkovich, V. A. (2016). *Features of Russian Civilization*. Moscow: Logos Publ. (in Russ.).
7. Ivanov, S. V. (2021). Russia as a Unique Civilization: Historical and Cultural Analysis. In: *Bulletin of Moscow University. Series 8: History*, 3, 12–25 (in Russ.).
8. Petrov, A. N. (2020). The Concept of a State-Civilization in Modern Historiography. In: *Historical, Philosophical, Political, and Legal Sciences*, 2, 45–52 (in Russ.).
9. Fursov, A. I. (2020). *Civilization Alternatives and the Future of Russia*. Moscow: Institute of Russian Civilization Publ. (in Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Фукус Александр Николаевич – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой по развитию просветительской деятельности Российского общества «Знание» Государственного университета просвещения;

e-mail: anfyks20@yandex.ru

Ковригин Вадим Валерьевич – кандидат педагогических наук, доцент кафедры методики преподавания истории и обществознания Государственного университета просвещения;

e-mail: letter@vkovrigin.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Alexander N. Fuks – Dr. Sci. (History), Prof., Department Head, Department for the Development of Educational Activities, Federal State University of Education;

e-mail: anfyks20@yandex.ru

Vadim V. Kovrigin – Cand. Sci. (Education), Assoc. Prof., Department of Methods of Teaching History and Political Science, Federal State University of Education;

e-mail: letter@vkovrigin.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Фукус А. Н., Ковригин В. В. Становление концепции «Россия – государство-цивилизация» в школьных учебниках истории // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: История и политические науки. 2025. № 2. С. 61–66.

DOI: 10.18384/2949-5164-2025-2-61-66

FOR CITATION

Fuks A. N., Kovrigin, V. V. Formation of the concept “Russia – state-civilization” in school history textbooks. In: *Bulletin of Federal State University of Education. Series: History and Political Sciences*, 2025, no. 2, pp. 61–66.

DOI: 10.18384/2949-5164-2025-2-61-66

УДК 316.34:008:32

DOI: 10.18384/2949-5164-2025-2-67-76

НЕМАТЕРИАЛЬНОЕ ЭТНОКУЛЬТУРНОЕ ДОСТОЯНИЕ РОССИИ КАК ОСНОВА ЦИВИЛИЗАЦИОННОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ: ВЫЗОВЫ КОНСТРУКТИВИЗМА И ИНСТРУМЕНТАЛИЗМА

Резвушкина С. А.

Российский государственный гуманитарный университет
125047, г. Москва, Миусская пл., д. 6, Российская Федерация

Аннотация

Цель. Обосновать значимость этнокультурного достояния для формирования российской цивилизационной идентичности, а также выявить угрозы, связанные с искусственным конструированием идентичности в условиях глобализации и политизации этничности.

Процедура и методы. В исследовании были проанализированы нормативные акты (Федеральный закон № 402-ФЗ, Указы президента РФ №№ 809, 314, 702) с целью выявления представленного в них подхода к этнической идентичности. На основе анализа этих документов был определён доминирующий эссенциалистский подход, подчёркивающий устойчивость и преемственность культурных форм. Посредством использования сопоставительного исследования теоретических подходов (эссенциализм, конструктивизм, инструментализм) и сравнительного анализа работ, посвящённых проблематике идентичности, была выявлена и эксплицирована связь между этнической и российской цивилизационной идентичностью.

Результаты. Установлено, что российское правовое поле базируется на эссенциалистском понимании этничности, подчёркивающим устойчивость культурных форм. Выявлены риски конструктивизма и инструментализма, ведущие к размыванию традиционных ценностей. Обоснована роль этнокультурного наследия как инструмента сохранения цивилизационной идентичности.

Теоретическая и/или практическая значимость. Систематизированы подходы к изучению идентичности. Предложены меры по интеграции традиционных ценностей в образовательные программы и поддержку локальных культурных инициатив для укрепления межэтнического согласия.

Ключевые слова: эссенциализм, конструктивизм, инструментализм, этнокультурное наследие, цивилизационная идентичность, Российская Федерация, глобализация, традиционные ценности, государственная политика, нематериальное этнокультурное достояние

Благодарности и источники финансирования. Статья подготовлена в рамках реализации государственного задания (научный проект «Идентичность России как государства-цивилизации: политический, духовный, социальный аспекты», номер темы: FSZG-2025-0004).

INTANGIBLE ETHNOCULTURAL HERITAGE OF RUSSIA AS A BASIS FOR NATIONAL IDENTITY: CHALLENGES OF CONSTRUCTIVISM AND INSTRUMENTALISM

S. Rezvushkina

Russian State University for the Humanities
Miusskaya pl. 6, Moscow 125047, Russian Federation

Abstract

Aim. To substantiate the importance of ethnocultural heritage for the formation of Russian civilisational identity and to identify the threats associated with the artificial construction of identity in the context of globalization and politicization of ethnicity.

Methodology. The present study analysed normative acts (Federal Law no. 402-FZ, Presidential Decrees no. 809, 314, 702) with a view to identifying the approach to ethnic identity presented in them. The analysis of the documents revealed a preponderant essentialist approach, emphasising the stability and continuity of cultural forms. Furthermore, a comparative study of theoretical approaches (essentialism, constructivism, and instrumentalism) and comparative analysis of works devoted to the problem of identity was conducted, resulting in the identification and elucidation of the connection between ethnic and Russian civilisational identity.

Results. The findings of the study suggest that the Russian legal framework is predicated on an essentialist understanding of ethnicity, emphasising the stability of cultural forms. The study identifies the risks of constructivism and instrumentalism, which can lead to the erosion of traditional values. The study substantiates the role of ethnocultural heritage in serving as a tool for the preservation of civilizational identity.

Research implications. The theoretical significance lies in systematizing approaches to studying identity. The practical significance involves proposing measures to integrate traditional values into educational programs and support local cultural initiatives to strengthen interethnic harmony.

Keywords: essentialism, constructivism, instrumentalism, ethnocultural heritage, civilisational identity, Russian Federation, globalisation, traditional values, public policy, intangible ethnocultural heritage

Acknowledgments. The article was prepared as part of the implementation of a state assignment (scientific project "Identity of Russia as a state-civilization: political, spiritual, social aspects", topic number: FSZG-2025-0004).

Введение

В условиях глобальных вызовов, связанных с культурной унификацией и утратой традиционных ценностей проблема сохранения цивилизационной идентичности приобретает особую актуальность. Для России, обладающей уникальным многообразием этнокультурного наследия, этот вопрос становится ключевым элементом стратегии цивилизационного выживания. В современной России этническая и цивилизационная идентичность тесно переплетены, формируя уникальный культурно-исторический контекст, который требует глубокого изучения. Этническая идентичность, понимаемая как принадлежность к конкретной этнической группе, и цивилизационная идентичность, связанная с более широкими культурными, историческими и ценностными рамками, взаимодействуют в рамках российской государственно-

сти. В этом контексте изучение этнокультурного наследия становится ключевым для понимания Российской цивилизационной идентичности.

Ведущий современный исследователь феномена идентичности Т. Х. Эриксен отмечает, что «во многих частях мира национальное строительство – создание и укрепление политической сплочённости и национальной идентичности в бывших колониях или имперских провинциях – занимает важное место в политической повестке дня» [3, р. 3]. Этот процесс активно происходит и на территории нашей цивилизации: в последние годы в России активизировались процессы по оформлению и введению в правовое поле собственной идентичности. Это нашло отражение в ряде ключевых документов, таких, как Федеральный закон № 402-ФЗ «О нематериальном этнокультурном до-

стоянии Российской Федерации»¹, который закрепляет правовые механизмы защиты культурного наследия. Указ № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей»² подчёркивает роль традиционных ценностей в формировании национального самосознания. Значимым является и Указ № 314 «Об утверждении Основ государственной политики Российской Федерации в области исторического просвещения»³ поскольку он регламентирует нарративы, демонстрирующие специфику этнокультурного взаимодействия на территории РФ в её исторической ретроспективе. Также следует упомянуть в этой связи и Указ № 702 «Об оказании гуманитарной поддержки лицам, разделяющим традиционные российские духовно-нравственные ценности»⁴, в котором транслируется понимание значения духовной общности для цивилизационной консолидации. Эти документы свидетельствуют о стремлении государства не только сохранить, но и укрепить идентичность, основанную на исторической памяти и культурных традициях.

Однако в современном мире идентичность всё чаще становится объектом манипуляций. Инструментализация идентичности особенно опасна для многоэтнических и многоконфессиональных государств, которым является Россия. Таким образом, актуальность темы заключается в необходимости защиты нематериального этнокультурного достояния как основы цивилизационной идентичности и противодействия конструктивистским и инструменталистским подходам, которые угрожают культурной целостности страны. Цель данной статьи – обосновать значимость этнокультурного достояния для российской идентичности и показать опасность искусственного конструирования идентичности в условиях современных вызовов.

В рамках исследования использованы как нормативно-правовые акты Российской Федерации, так и теоретические работы ведущих зарубежных и отечественных авторов. Источниками данных стали Указы президента РФ № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей», № 314 «Об утверждении Основ государственной политики Российской Федерации в области исторического просвещения», № 702 «Об оказании гуманитарной поддержки лицам, разделяющим традиционные российские духовно-нравственные ценности», а также Федеральный закон № 402-ФЗ «О нематериальном этнокультурном достоянии Российской Федерации»⁵. Эти документы отражают современные подходы государства к сохранению и укреплению собственной идентичности, что делает их ключевыми для анализа.

Методы исследования включают сопоставительное исследование подходов

¹ Федеральный закон от 20.10.2022 № 402-ФЗ «О нематериальном этнокультурном достоянии Российской Федерации» // СПС Консультант Плюс: [сайт]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_429409/ (дата обращения: 02.10.2024).

² Указ Президента РФ от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // Президент России: [сайт]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502> (дата обращения: 02.10.2024).

³ Указ Президента РФ от 08.05.2024 № 314 «Об утверждении Основ государственной политики Российской Федерации в области исторического просвещения» // Президент России: [сайт]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/50534> (дата обращения: 02.10.2024).

⁴ Указ Президента РФ от 19.08.2024 № 702 «Об оказании гуманитарной поддержки лицам, разделяющим традиционные российские духовно-нравственные ценности» // Президент России: [сайт]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/51035> (дата обращения: 02.10.2024).

⁵ Федеральный закон от 20.10.2022 № 402-ФЗ «О нематериальном этнокультурном достоянии Российской Федерации» // СПС Консультант Плюс: [сайт]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_429409/ (дата обращения: 02.10.2024).

к идентичности и теоретических текстов, посвящённых этой проблематике, а также сравнительный анализ нормативно-правовой базы РФ. Сравнительный анализ позволяет сопоставить конструктивистские и инструменталистские подходы с традиционными взглядами на идентичность, что особенно важно для понимания их влияния на российский контекст. Таким образом, методология исследования строится на сочетании анализа нормативно-правовых актов и современных методов анализа, что позволяет комплексно подойти к изучению роли нематериального этнокультурного достояния в формировании Российской цивилизационной идентичности. Также для анализа будет использован ряд теоретических работ, о которых речь пойдёт ниже.

Также произведён анализ роли нематериального этнокультурного достояния как основы этнической идентичности в условиях современных вызовов глобализации и политизации идентичности. Нематериальное этнокультурное достояние представляет собой совокупность культурных явлений, передаваемых из поколения в поколение и формирующих основу этнической идентичности. Согласно Федеральному закону № 402-ФЗ к нематериальному культурному наследию относятся: фольклор, традиции, языки, обряды и ритуалы, которые играют ключевую роль в сохранении уникальности народов России. Например, русские народные сказки, татарские национальные праздники, якутские обряды и языки малых народов Севера являются неотъемлемой частью культурного наследия страны. Эти элементы, сохраняя историческую память, играют ключевую роль в формировании и поддержании этнической идентичности, что особенно важно в эпоху глобализации, стирающей культурные границы.

Однако для анализа того, как именно традиции влияют на самоидентификацию групп, необходимо обратиться к те-

оретическим подходам. На сегодняшний день выделяют 3 основные концепции понимания этничности: эссенциализм, конструктивизм и инструментализм. Их краткое рассмотрение позволит определить, какой подход наиболее точно раскрывает специфику современной российской этничности, где многовековые традиции сосуществуют с вызовами современности.

Конструктивизм предполагает рассмотрение этнических общностей как социальных конструктов, созданных в процессе исторического и культурного взаимодействия. Такая оптика позволяет заключить, что формирующаяся в процессе социального взаимодействия этническая идентичность не имеет фиксированных корней и представляет собой «воображаемые сообщества», формирующие партиципацию на основе общности символических ресурсов [4, с. 47].

Конструктивистский подход рассматривает идентичность как нечто изменчивое, и, комментируя её лабильность, Х. Баба подчёркивал, что идентичность – это «не фиксированная сущность, а процесс постоянного переопределения» [1, р. 46]. Тем самым конструктивистское прочтение феномена идентичности предполагает её постоянное переозначение и пересборку при малейшем изменении символических ресурсов. Это позволяет идентичности гибко реагировать на изменение этнокультурной ситуации, однако делает её уязвимой перед политическими манипуляциями за счёт деонтологизации этого феномена.

Конструктивизм стал идеологической основой для нациестроительства и этнической идентичности в США и Европе, где он является доминирующим подходом. Говоря о конструктивизме, важно отметить, что он основан на феномене нации и предполагает консолидацию вокруг государства-нации, определяющей этнокультурную идентичность. Это создаёт определённые сложности для использования этого подхода при изучении

этнической картины России как государства-цивилизации.

Инструментализм, в свою очередь, прямо рассматривает этническую идентичность как инструмент политической манипуляции и политической борьбы. Этот подход акцентирует внимание на ситуативности этнической идентичности, которая может изменяться в зависимости от контекста и интересов групп, стремящихся к доминированию. Это позволяет элите использовать культурные и этнические различия для легитимации власти и контроля. Инструментализация этничности и использование её во властных практиках является этически проблематичной и в большинстве случаев ведёт к межэтнической розни (такой как, например, геноцид сербов хорватскими уставами в 1941–1945 гг., геноцид тутси хуту в 1994 г. и недавние массовые убийства христиан и алавитов в Сирии). Комментируя это, идеолог инструменталистского подхода Ф. Фукуяма мягко отмечает, что «идентичность, превращённая в инструмент политической борьбы, становится источником конфликтов» [9, с. 112]. Однако, несмотря на то, что этническая идентичность формируется в рамках определённой культуры в процессе межгруппового взаимодействия, она является относительно самостоятельной от обоих этих факторов [8, с. 9]. Игнорирование этого, на наш взгляд, маркирует политическую ангажированность данных подходов и намеренное сужение исследовательской оптики. Помимо этого, конструктивизм и инструментализм представляют собой 2 подхода, которые подвергаются критике за их угрозу для сохранения устойчивой этнической идентичности, т. к. они либо отрицают её глубинные корни, либо превращают её в инструмент политической борьбы. Такой подход может привести к размыванию традиционных ценностей и утрате культурной преемственности.

Третий теоретический подход – эссенциализм – утверждает, что этническая

идентичность имеет глубокие, неизменные корни, связанные с биологическими, культурными и историческими факторами. Этот подход активно развивался в работах таких авторов, как С. М. Широкогоров и Л. Н. Гумилев, которые подчёркивали роль этнической преемственности и устойчивости культурных форм в формировании этносов. Современные исследователи (например, А. Г. Дугин) также поддерживают эссенциалистский взгляд, рассматривая этничность как социальную категорию, сформированную в ходе исторического развития и обладающую устойчивыми характеристиками¹. Устойчивость культурных форм даёт этносу дифференцирующий его «ряд преимуществ в сравнении со многими другими группами. Это межпоколенная группа, она устойчива во времени, для неё характерна стабильность состава, как правило, человек обладает устойчивым этническим статусом, его невозможно «исключить» из этноса» [8, с. 4].

Анализ ключевых нормативно-правовых актов Российской Федерации позволяет утверждать, что в российском правовом поле доминирует эссенциалистское понимание феномена этничности и этнической идентичности. В первую очередь, необходимо обратиться к Федеральному закону № 402-ФЗ «О нематериальном этнокультурном достоянии Российской Федерации», поскольку он закрепляет понятие «нематериального культурного наследия» как совокупности традиций, обрядов, языков, фольклора и других форм культурного выражения, передаваемых из поколения в поколение. Этот закон подчёркивает, что этнокультурное достояние является основой идентичности народов России, что соответствует эссенциалистскому подходу, утверждающему, что этническая идентичность имеет глубокие, неизменные корни, связанные с историческими и культурными факторами. Закон акцентирует внима-

¹ Дугин А. Г. Этносоциология: учеб. пос. М.: Академический проект, 2024. 847 с.

ние на необходимости сохранения и защиты этих элементов как важной части духовного наследия, что свидетельствует о признании их устойчивости и преемственности.

Эссенциалистским по своему духу является и Указ президента РФ № 314 «Об утверждении Основ государственной политики Российской Федерации в области исторического просвещения», который подчёркивает важность сохранения исторической памяти и культурного наследия. В документе отмечается, что историческое просвещение должно способствовать формированию у граждан понимания общности исторической судьбы народов России, что соответствует пониманию общероссийской идентичности как устойчивой социальной категории, сформированной в ходе исторического развития, что находит отражение в акценте на исторической преемственности и культурной устойчивости. Указ президента РФ № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» также опирается на эссенциалистский подход. В документе подчёркивается, что традиционные ценности – семья, патриотизм, уважение к культурному наследию – являются основой единства и стабильности российского общества. Эти ценности рассматриваются как неизменные и глубоко укоренённые в истории и культуре народов России, что соответствует эссенциалистскому пониманию этничности. Показательно, что Указ президента РФ № 702 «Об оказании гуманитарной поддержки лицам, разделяющим традиционные российские духовно-нравственные ценности» также отражает эссенциалистский подход, т. к. он подчёркивает важность сохранения культурной и языковой идентичности как устойчивых элементов, передаваемых из поколения в поколение. Государственная политика, направленная на поддержку этнокультурного наследия, свиде-

тельствует о признании его глубинных корней и значимости для национальной идентичности.

Таким образом, анализ ключевых нормативно-правовых актов Российской Федерации позволяет сделать вывод, что этническая идентичность в России рассматривается через призму эссенциализма, который подчёркивает устойчивость и преемственность культурных форм. Государственная политика, направленная на сохранение традиционных ценностей, исторической памяти и культурного наследия находит отражение в ключевых нормативно-правовых актах (Федеральный закон № 402-ФЗ¹, Указы президента РФ № 809, № 314 и № 702), которые закрепляют правовые механизмы защиты культурного наследия и укрепления национальной идентичности. Эти документы свидетельствуют о стремлении государства не только сохранить, но и укрепить идентичность, основанную на исторической памяти и культурных традициях.

Этническая и цивилизационная идентичности в России тесно взаимодействуют, формируя уникальный культурно-исторический контекст, который требует глубокого изучения. Это связано с тем, что цивилизационная идентичность представляет собой более широкий феномен, охватывающий общие культурные, исторические и ценностные рамки, которые объединяют различные этнические группы. В работах классиков цивилизационного подхода (Н. Я. Данилевский, Ф. Бродель) подчёркивается, что цивилизации формируются на основе общих культурных и исторических традиций, которые передаются из поколения в поколение [5, с. 59; 6, с. 122–124]. В российском контексте цивилизационная идентичность часто связывается с понятием «государство-цивилизация», которое подчёркивает уникальность России

¹ Федеральный закон от 20.10.2022 № 402-ФЗ «О нематериальном этнокультурном достоянии Российской Федерации» // СПС Консультант Плюс.

как культурно-исторического образования, объединяющего множество этнических групп в едином политическом пространстве.

Российская цивилизационная идентичность формируется на основе глубоких исторических и культурных традиций, которые включают в себя как общие для всех народов России ценности, так и уникальные элементы этнических культур. Как отмечает Вэйвэй Чжан, цивилизационное государство, к которому можно отнести Россию, характеризуется исключительной временной продолжительностью традиции и культурным богатством [10, с. 13]. Эти особенности делают Россию уникальным образованием, где этническая и цивилизационная идентичности дополняют друг друга. Этнокультурное наследие играет ключевую роль в формировании и сохранении российской цивилизационной идентичности. Оно включает в себя традиции, обряды, языки, фольклор и другие формы культурного выражения, которые передаются из поколения в поколение. В российском контексте этнокультурное наследие служит важным инструментом для укрепления национальной идентичности и сохранения уникальности народов России. Во-первых, оно позволяет сохранить уникальные культурные традиции, которые формируют основу идентичности народов России. Во-вторых, изучение этнокультурного наследия способствует укреплению межэтнического согласия и единства, что особенно важно для многонационального государства, такого как Россия. В-третьих, оно помогает осмыслить роль России как цивилизационного государства, которое объединяет множество этнических групп, говорящих на разных языках, исповедующих разные религии, имеющих разные традиции, но осознающих себя частью единого духовно-нравственного пространства.

Цивилизационная идентичность России

Исследование российской идентичности в контексте её этнической и цивилизационной составляющих сталкивается с рядом вызовов и проблем, которые требуют глубокого осмысления и поиска решений. Российская цивилизационная идентичность, формирующаяся на основе глубоких исторических и культурных традиций, объединяет общие для всех народов России ценности и уникальные элементы этнических культур. Однако в условиях глобализации сохранение этой уникальности становится всё более сложной задачей. Одним из ключевых вызовов для российской идентичности является глобализация, которая несёт с собой угрозу культурной унификации. В условиях глобальных вызовов сохранение уникальности российской идентичности становится важной задачей. Этнокультурное достояние, включающее традиции, обряды, языки и фольклор, выступает как антитеза глобализации, позволяя сохранить культурное разнообразие и уникальность народов России.

К. Кокер отмечает, что культура является основой разнообразия обществ и источником их развития [2]. В этом контексте традиционные ценности играют важную роль в противодействии культурной унификации, способствуя сохранению уникальной российской идентичности. Именно поэтому эссенциалистское понимание этничности, подчёркивающее устойчивость и преемственность культурных форм, нашло отражение в российском правовом поле. Закрепление этнокультурного достояния на законодательном уровне (например, в Федеральном законе № 402-ФЗ и Указе № 809) позволяет не только сохранить единство многонационального народа России, но и создать политико-правовые инструменты для противодействия деструктивным проявлениям конструктивизма и инструментализма. При этом

важно отметить, что мы не отрицаем эти подходы в целом: они продемонстрировали свою научную значимость и крайне полезны для анализа определённых социальных процессов. Однако специфика российского историко-культурного пути, где этническая идентичность формировалась в рамках единого государства-цивилизации, показала их малую релевантность для использования в российском контексте. Эссенциализм, напротив, показывает глубинные корни этничности, что делает его особенно важным для понимания России как государства-цивилизации, объединяющего множество этнических групп в единое духовно-нравственное пространство.

Однако именно конструктивистский и инструменталистский подходы вызывают у нас определённые опасения, поскольку они могут быть задействованы для манипуляции этнокультурной идентичностью. Например, на постсоветском пространстве этноконструктивизм нередко используется как инструмент гибридных войн для создания конфликтных нарративов. Так, на Украине после 2014 г. активно продвигалась идея «исторической инаковости» русского и украинского народов, что стало основой для политики декоммунизации и разрыва культурных связей [7]. Подобные манипуляции, основанные на переписывании истории, угрожают стабильности межэтнических отношений в поликультурных обществах. Другим примером деонтологизации этничности и злонамеренным использованием этой категории в политических целях служит ситуация в Нагорном Карабахе, где внешние акторы актуализировали этнические противоречия для дестабилизации региона, поддерживая сепаратистские движения. В российском контексте подобные практики могут эксплуатироваться для разрушения внутрироссийского межэтнического согласия, что противоречит принципам государственной политики, закреплённым в нормативно-правовой базе.

Для решения этих проблем необходимо разработать стратегии, направленные на сохранение и развитие этнокультурного достояния. Одной из таких стратегий является интеграция традиционных ценностей в образовательные программы. Это позволит не только сохранить культурное наследие, но и передать его следующим поколениям. Кроме того, важной задачей является поддержка локальных культурных инициатив, которые способствуют сохранению уникальности этнических культур и укреплению межэтнического согласия.

Заключение

Исследование российской идентичности в контексте её этнической и цивилизационной составляющих позволяет сделать вывод о том, что сохранение и укрепление этнокультурного достояния играет ключевую роль в формировании и защите уникальной российской цивилизационной идентичности. В условиях глобализации, угрожающей культурной унификацией, и на фоне рисков, связанных с конструктивистским и инструменталистскими подходами, эссенциалистское понимание этничности и цивилизационной идентичности становится основой для сохранения культурного разнообразия и исторической преемственности.

Изучение этнокультурного наследия становится важным инструментом для укрепления российской цивилизационной идентичности и защиты её уникальности в условиях глобализации. Этнокультурное достояние, включающее традиции, обряды, языки и фольклор, не только сохраняет историческую память, но и способствует укреплению межэтнического согласия и единства, что особенно важно для многонационального государства, такого как Россия. Таким образом, изучение этнокультурного наследия и его интеграция в образовательные программы, а также поддержка локальных культурных инициатив являются важными шагами на пути сохранения уникальной

российской идентичности. Как отмечает Чжан Вэйвэй, цивилизационное государство предполагает активную защиту своей культурной идентичности [10, с. 14], что делает изучение этнокультурного

наследия ключевым для понимания и сохранения российской идентичности в условиях современных вызовов.

Дата поступления в редакцию 28.12.2024

ЛИТЕРАТУРА

1. Bhabha H. *The Location of Culture*. London: Routledge, 1994. 285 p.
2. Coker Ch. *The Rise of the Civilizational State*. Cambridge: Polity Press, 2019. 224 p.
3. Eriksen T. H. *Ethnicity and Nationalism: Anthropological Perspectives*. London: Pluto Press, 2010. 260 p.
4. Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма / пер. с англ. В. Г. Николаева. М.: Кучково поле, 2016. 286 с.
5. Бродель Ф. Грамматика цивилизаций / пер. с фр.: Б. А. Ситников. М.: Весь мир, 2008. 551 с.
6. Данилевский Н. Я. *Россия и Европа*. М.: Книга, 1991. 576 с.
7. Кочетков А. В. *Черное солнце Украины*. М.: Горячая линия – Телеком, 2022. 456 с.
8. Стефаненко Т. Г. Этническая идентичность: от этнологии к социальной психологии // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 2009. № 2. С. 3–17.
9. Фукуяма Ф. Идентичность: Стремление к признанию и политика неприятия. М.: Альпина Паблишер, 2019. 256 с.
10. Чжан Вэйвэй. Китай, нарратив цивилизационного государства и его значение // Российское китаеведение. 2023. № 2. С. 7–15. DOI: 10.48647/ICCA.2022.24.35.001

REFERENCES

1. Bhabha, H. (1994). *The Location of Culture*. London: Routledge.
2. Coker, Ch. (2019). *The Rise of the Civilizational State*. Cambridge: Polity Press.
3. Eriksen, T. H. (2010). *Ethnicity and Nationalism: Anthropological Perspectives*. London: Pluto Press.
4. Anderson, B. (2016). *Imagined Communities: Reflections on the Origins and Spread of Nationalism*. Moscow: Kuchkovo Pole Publ. (in Russ.).
5. Brodel, F. (2008). *Grammaire des civilisations*. Moscow: Ves mir Publ. (in Russ.).
6. Danilevsky, N. Ya. (1991). *Russia and Europe*. Moscow: Kniga Publ. (in Russ.).
7. Kochetkov, A. V. (2022). *Black Sun of Ukraine*. Moscow: Goryachaya Liniya – Telecom Publ. (in Russ.).
8. Stefanenko, T. G. (2009). Ethnic Identity: From Ethnology to Social Psychology. In: *Bulletin of Moscow University. Series 14. Psychology*, 2, 3–17 (in Russ.).
9. Fukuyama, F. (2019). *Identity: The Demand for Dignity and the Politics of Resentment*. Moscow: Alpina Publisher Publ. (in Russ.).
10. Zhang, Weiwei (2023). China, the Civilizational State Narrative and its Implications. In: *Russian Sinology*, 2, 7–15. DOI: 10.48647/ICCA.2022.24.35.001 (in Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Резвушкина Софья Александровна – аналитик учебно-научного центра «Высшая политическая школа им. И. Ильина» Российского государственного гуманитарного университета;
e-mail: finntundra@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Sofia A. Rezvushkina – Analyst, High Political School named after I. Ilyin, Russian State University for the Humanities;
e-mail: finntundra@gmail.com

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Резвушкина С. А. Нематериальное этнокультурное достояние России как основа цивилизационной идентичности: вызовы конструктивизма и инструментализма // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: История и политические науки. 2025. № 2. С. 67–76.

DOI: 10.18384/2949-5164-2025-2-67-76

FOR CITATION

Rezvushkina S. A. Intangible ethno-cultural heritage of Russia as a basis for national identity: challenges of constructivism and instrumentalism. In: *Bulletin of Federal State University of Education. Series: History and Political Sciences*, 2025, no. 2, pp. 67–76.

DOI: 10.18384/2949-5164-2025-2-67-76

УДК 321.01

DOI: 10.18384/2949-5164-2025-2-77-90

ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЙ ПОДХОД В ФИЛОСОФСКО-ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ КНР

Бонч-Осмоловская О. А.^{1,2}, Тугаринов П. А.¹

¹ *Российский государственный гуманитарный университет
125047, г. Москва, Миусская пл., д. 6, Российская Федерация*

² *Институт восточных рукописей Российской академии наук
191181, г. Санкт-Петербург, Дворцовая наб., д. 18, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Выявить особенности цивилизационного подхода в философско-политическом дискурсе КНР в контексте формирования многополярного мироустройства. В работе ставится задача проанализировать генеалогию данного подхода, акцентирующего уникальность культурных моделей и альтернативность универсалистским концепциям западного образца, а также выявить специфику его китайской интерпретации. Особое внимание уделяется анализу традиционных философских оснований концептуализации культуры в Китае и их современным политико-теоретическим проекциям. Исследование призвано продемонстрировать, как китайская версия цивилизационного подхода формирует теоретическую основу для альтернативных моделей глобального миропорядка в условиях кризиса западной гегемонии.

Процедура и методы. Исследование базируется на системно-историческом подходе для анализа цивилизационного подхода в китайском философско-политическом дискурсе. Историко-генетический метод был использован исследователями для выявления истоков и эволюции данного подхода. В рамках дискурс-анализа раскрыты смысловые структуры современных концепций «геоцивилизации» и «цивилизационного государства». Благодаря историко-теоретическому анализу китайских классических философских текстов показана их преемственность в современном политическом дискурсе.

Результаты. Выявлено, что современная многополярность формируется как ответ на кризис западной модели глобализации, при этом китайский цивилизационный подход предлагает альтернативную парадигму мироустройства. Цивилизационный подход в китайской интерпретации сочетает традиционные философские концепции с современными политическими теориями, образуя оригинальные формы. Показано, что концепции «геоцивилизации» и «цивилизационного государства» в КНР служат теоретическим обоснованием многополярного мирового порядка, подчёркивая культурную специфику как основу политического суверенитета. Доказано, что китайская версия цивилизационного подхода предлагает принципиально иную, незападную модель глобального управления, основанную на признании культурного многообразия и отказе от универсальных стандартов развития.

Теоретическая и/или практическая значимость. Исследование расширяет понимание процессов формирования многополярного мира, предлагая теоретический аппарат для изучения феномена «цивилизационного государства» на стыке традиционной китайской философии и современных политических доктрин. Практическая ценность исследования состоит в предоставлении аналитического инструментария для осмысления внешнеполитических стратегий КНР и других незападных центров силы, что особенно актуально в условиях трансформации международного порядка. Полученные выводы могут быть использованы при разработке альтернативных моделей глобального управления, основанных на признании культурного многообразия и цивилизационной специфики различных регионов мира.

Ключевые слова: китайская философия, цивилизационный подход, новое конфуцианство, геочивилизация, государство-цивилизация, цивилизационное государство

Благодарности и источники финансирования. Статья подготовлена в рамках реализации государственного задания (научный проект «Идентичность России как государства-цивилизации: политический, духовный, социальный аспекты», номер темы: FSZG-2025-0004).

THE CIVILIZATION APPROACH IN THE PHILOSOPHICAL-POLITICAL DISCOURSE OF THE PRC

O. Bonch-Osmolovskaya^{1,2}, P. Tugarinov¹

¹ Russian State University for the Humanities

Miuskaya pl. 6, Moscow 125047, Russian Federation

² Institute of Oriental Manuscripts of the Russian Academy of Sciences

Dvortsovaya nab. 18, St. Petersburg 191181, Russian Federation

Abstract

Aim. To examine the features of the civilizational approach in the philosophical-political discourse of the PRC within the context of forming a multipolar world order. The paper aims to analyze the genealogy of this approach, which emphasizes the uniqueness of cultural models and offers an alternative to Western-style universalist concepts, as well as to identify the specifics of its Chinese interpretation. Special attention is given to the analysis of traditional philosophical foundations of cultural conceptualization in China and their contemporary political-theoretical projections. The study seeks to demonstrate how the Chinese version of the civilizational approach forms a theoretical basis for alternative models of global order amid the crisis of Western hegemony.

Methodology. The study is based on a systemic-historical approach to analyzing the civilizational approach in Chinese philosophical and political discourse. The historical-genetic method was employed by researchers to identify the origins and evolution of this approach. Through discourse analysis, the semantic structures of modern concepts such as "geocivilization" and the "civilizational state" have been revealed. Historical-theoretical analysis of classical Chinese philosophical texts demonstrates their continuity in contemporary political discourse.

Results. The study reveals that contemporary multipolarity emerges as a response to the crisis of the Western model of globalization, with the Chinese civilizational approach offering an alternative paradigm for the world order. It is established that the civilizational approach in its Chinese interpretation combines traditional philosophical concepts with modern political theories, forming a unique model of a "civilization-state". The research demonstrates that the concepts of "geocivilization" and "civilization-state" in the PRC serve as a theoretical justification for a multipolar world order, emphasizing cultural specificity as the foundation of political sovereignty. It is proven that the Chinese version of the civilizational approach proposes a fundamentally different, non-Western model of global governance based on the recognition of cultural diversity and the rejection of universal development standards.

Research implication. The study expands the understanding of multipolar world formation by providing a theoretical framework for examining the phenomenon of the "civilization-state" at the intersection of traditional Chinese philosophy and modern political doctrines. The practical value of the research lies in offering analytical tools for interpreting the foreign policy strategies of the PRC and other non-Western centers of power, which is particularly relevant amid the transformation of the international order. The findings can be applied in developing alternative models of global governance based on the recognition of cultural diversity and civilizational specificity across different world regions.

Keywords: Chinese philosophy, civilizational approach, New Confucianism, geocivilization, civilization-state, civilizational state

Acknowledgments. The article was prepared as part of the implementation of a state assignment (scientific project "Identity of Russia as a state-civilization: political, spiritual, social aspects", topic number: FSZG-2025-0004).

Введение

Современная историческая фаза характеризуется масштабной трансформацией геополитической архитектуры, знаменующей завершение эпохи однополярности («Однополярный момент» Ч. Краутхаммер) и зарождением многополярной системы международных отношений. Данный процесс сопряжён с кризисом легитимности и фундаментальной реконфигурацией глобальных институтов. В условиях перманентной турбулентности актуализируется задача концептуализации системных сдвигов, определяющих траекторию развития человеческой цивилизации.

Кризис униполярной модели, сформировавшейся в постбиполярный период, стал следствием стратегической несостоятельности коллективного Запада. Обладая беспрецедентной монополией на глобальное лидерство после распада СССР, западные акторы продемонстрировали неспособность реализовать принципы «инклюзивного мультилатерализма»¹. Вместо построения справедливого полицентричного миропорядка был реализован неоимперский проект, базирующийся на геоэкономической гегемонии, неоколониальных практиках и селективном применении норм международного права. Деградация западного лидерства коррелирует с антропологическим кризисом внутри самого евроатлантического сообщества, обострившегося вследствие радикального индивидуализма, релятивизации и деконструкции социально-этических норм, базировавшихся на традиционных ценностях (семейных, ре-

лигиозных, моральных). Данные процессы вступили в противоречие с цивилизационными кодами незападных обществ, что спровоцировало утрату Западом статуса нормативного эталона в глобальном масштабе. Таким образом, формирующаяся многополярная система представляет собой реакцию суверенных государств и цивилизационных ареалов (евразийского [российского], китайского, индийского, исламского, африканского) на экспансию глобалистского проекта. Методологической базой теории многополярного мира, прежде всего, является цивилизационный подход, задающий ей культурно-ценностное измерение [1].

Под цивилизационным подходом обычно понимают «метод в гуманитарной науке, рассматривающий различные аспекты жизни, ментальности и социального функционирования тех или иных общностей через призму их включённости в единый взаимосвязанный процесс развития, характеризующий деятельность больших социальных целостностей, пребывающих в истории в отдельности друг от друга»². Цивилизационный подход рассматривает культурные явления как отражение уникальных черт различных цивилизаций. Он противопоставляется экономико-центричным моделям (формационному и модернизационному подходам), которые предполагают единую линию развития для всех обществ. В рамках цивилизационного подхода отрицается идея слияния человечества в единую мировую цивилизацию: каждая цивилизация, развиваясь по собственным законам, обладает уникальной

¹ Гутерриш А. Доклад генерального секретаря ООН «Наша общая повестка дня» // Официальный сайт ООН: [сайт]. URL: <https://clck.ru/3MRmmj> (дата обращения: 23.03.2025).

² Цивилизационный подход // Большая российская энциклопедия: [сайт]. URL: <https://bigenc.ru/c/tcivilizatsionnyi-podkhod-0d3333/?v=10051296> (дата обращения: 25.03.2024).

духовной сущностью и не сводима к другим. Цивилизационный подход широко используется в различных социогуманитарных исследованиях, являясь итогом многовекового развития мысли, при этом его сущность невозможно определить без обращения к его генеалогии.

Цель исследования заключается в комплексном анализе особенностей цивилизационного подхода в философско-политическом дискурсе КНР в контексте формирования многополярного мироустройства. Для достижения данной цели поставлены задачи: исследовать генеалогию цивилизационного подхода в западной и китайской интеллектуальной традиции; выявить взаимосвязь между традиционными культурными парадигмами и современными политическими теориями; рассмотреть концепции «геоцивилизации» и «цивилизационного государства» как идейный базис альтернативных моделей миропорядка.

Анализ научной литературы демонстрирует возрастающий интерес к цивилизационному подходу в КНР в условиях кризиса западной гегемонии [3; 6], при этом комплексный анализ китайской модели в контексте современных международных отношений остаётся на данный момент незавершённым и требует дальнейшей проработки темы.

В рамках подготовки статьи был проведён анализ англо- и китайязычных периодических изданий, новостных сайтов по тематике исследования. Методологическая основа исследования включает генеалогический метод, дискурс-анализ политических текстов, текстологический анализ классических трактатов, что позволяет выявить преемственность традиционных парадигм и их трансформацию в современных условиях.

Генезис и эволюция цивилизационного подхода в историко-философской мысли

Ранние формы сравнительного анализа культурных систем прослеживаются

уже в античной историографии. Геродот (ок. 484–425 до н. э.) в своей «Истории» осуществлял систематическое сопоставление культурных паттернов различных этносов (египтян, скифов, персов), фиксируя их уникальные социокультурные характеристики. Однако как методологически оформленная исследовательская парадигма цивилизационный подход выкристаллизовался лишь в XIX–XX вв.

Дж. Б. Вико (1668–1744) и И. Г. Гердер (1744–1803) заложили основы цивилизационного подхода, акцентируя циклический характер цивилизационной темпоральности, наблюдаемый в исторической динамике (*corsi e ricorsi*), уникальность культур (*Volksgeist*) и органическое понимание истории. Их концепции стали альтернативой линейному универсалистскому прогрессизму эпохи Просвещения. Значительный вклад в развитие цивилизационной парадигмы внёс Н. Я. Данилевский (1822–1885). В труде «Россия и Европа» (1869) он сформулировал теорию «культурно-исторических типов», утверждая, что цивилизации (египетская, китайская, славянская и др.) развиваются изолированно и не наследуют достижения друг друга. Каждая культура проходит цикл: зарождение → расцвет → упадок, при этом не существует единого пути прогресса, а Запад – вовсе не образец для подражания. О. Шпенглер (1880–1936) в фундаментальной работе «Закат Европы» (1918) развил органицистскую модель, интерпретируя цивилизации как биологические организмы с предопределённым жизненным циклом.

Для XX в. характерно развитие и систематизация цивилизационного подхода. Британский историк и философ А. Тойнби (1889–1975) в своём 12-томном *magnum opus* «Постижение истории» предложил теорию «вызова и ответа», согласно которой цивилизации возникают и развиваются благодаря преодолению вызовов (природных, социальных, духовных). Он выделил более 20 цивилизаций, каждая из которых имеет свою уни-

кальную судьбу. П. Сорокин (1889–1968) выделил 3 типа культурных суперсистем, которые сменяют друг друга в истории и основаны на системе ценностей и особом восприятии мира: чувственный, идеациональный и идеалистический тип культуры. С. Хантингтон (1927–2008) в своей знаменитой статье (1993) и книге «Столкновение цивилизаций» (1996) утверждал, что после холодной войны основным источником конфликтов станут не идеологии, а культурные и цивилизационные различия. Он выделил 8 основных цивилизаций: западную, латиноамериканскую, японскую, синскую (китайскую), индуистскую, исламскую, африканскую и православную. Каждая цивилизация развивается по собственным законам, а не по универсальному «шаблону». Например, конфуцианская этика в Китае и протестантская трудовая этика на Западе породили разные модели общества.

Специфика концептуализации культуры в китайской философской традиции

В китайской интеллектуальной традиции сформировалась оригинальная парадигма осмысления феномена культуры, центрированная вокруг фундаментальной категории «вэнь» (文) [9]. Данное понятие, обладающее многомерной семантической структурой, занимает ключевое положение в философском дискурсе и традиционной картине мира. «Вэнь» дословно переводится как «письменность/литература», «узор/орнамент», «культура/цивилизация», «этикет», но в более широком смысле она отражает гармоничное сочетание духовных, нравственных и эстетических достижений, отличающих цивилизованное общество от «варварства». Метафизический аспект концепции «вэнь» раскрывается через её корреляцию с категорией Неба (тянь 天) – безличным космическим абсолютом. Их взаимосвязь концептуализирована в принципе (тянь жэнь хэ и 天人合一). Согласно этому принципу, человек – это

микрокосм, изоморфный макрокосму универсума и воспроизводящий космический план бытия. Культура же представляет собой эманацию Неба на земле – проявление небесной воли, превращающей абстрактный космический порядок в конкретные этические нормы, объединяющие индивидуальную добродетель и социальную гармонию с закономерностью космического закона [2].

Первичная семантика иероглифа «вэнь» восходит к архаической практике ритуального татуирования, о чём свидетельствует его пиктографическое изображение, представляющее стилизованную фигуру человека с нанесёнными на тело узорами. Как отмечает И. С. Лисевич, в шан-иньский период (XVI–XI вв. до н. э.) практики татуирования обладали сакральным значением, выполняя функцию медиативного звена между человеческим и божественным мирами. Иероглиф «вэнь», являясь одним из древнейших, встречается на гадательных костях животных и панцирях черепах (цзягувэнь 甲骨文) уже в эпоху Шан-Инь (XVI–XI вв. до н. э.) – с их помощью правители обращались к первопредку Шан-ди 上帝 [4]. Если в иньский период «вэнь» означал сакральные узоры и гадательные письмена, то ко времени жизни Конфуция категория «вэнь», прежде всего, стала обозначать культуру, зафиксированную в слове – текстуализированное воплощение конфуцианских этических и религиозных максим. Конфуций превратил «вэнь» в стержень воспитания антропологического идеала «благородного мужа» (цзюнь-цзы 君子). Учитель Кун рассматривал себя в качестве носителя «вэнь», продолжателя традиций совершенномудрых императоров древности и Вэнь-вана, основателя Чжоу (1045–221 вв. до н. э.). Так, в «Беседах и суждениях» (Лунь юй) указано:

«Когда Учителю угрожали в Куане, он сказал:

— После смерти [чжоуского] Вэнь-вана я – тот, в ком вэнь-культура. Если бы Небо поистине хотело уничтожить

вэнь-культуру, то оно не наделило бы ею меня. А коль само Небо не уничтожило её, стоит ли бояться каких-то куанцев?» (Лунь юй, IX,5) [4].

Значительное число высказываний Конфуция и его учеников посвящены обоснованию основополагающей роли культуры-вэнь в деле воспитания благородного мужа. К некоторым из них можно отнести следующие:

Цзи Цзычэнь сказал:

— Для благородного мужа важна его сущность, зачем ему вэнь-культура?

Цзы-гун ответил:

— К сожалению, Вы ошиблись в оценке благородного мужа, а слетевшее с языка слово не догонит и четвёрка коней. Сущность и вэнь-культура одинаково важны [для благородного мужа]. Сняв шерсть, шкуру барса или тигра не отличишь от голой шкуры собаки или овцы. («Лунь-юй», XII,8)

Учитель сказал:

— Благородный муж, обладая обширными познаниями в вэнь-культуре и постоянно сдерживая себя Правилами, не в состоянии нарушить их. (Лунь юй, XII,15) [7].

Трансформация концепции «вэнь» в философской системе Дун Чжуншу и её развитие в неоконфуцианской традиции

Дун Чжуншу (董仲舒, 179–104 до н. э.) осуществил фундаментальную реконцептуализацию категории «вэнь», трансформировав её из этико-культурного идеала в комплексную метафизико-политическую систему. В его философской парадигме произошло органичное соединение конфуцианской традиции с космологическими представлениями, что позволило переосмыслить «вэнь» как универсальный принцип, обеспечивающий гармоничное взаимодействие между антропной, социальной и космической сферами бытия.

Данная концептуальная трансформация создала теоретические предпосылки для последующего развития неоконфуцианской мысли в сунский период (X–XIII вв.), где ключевые представители – Чжу Си (朱熹, 1130–1200), Чэн И (程颐, 1033–1107) и Чэн Хао (程颢, 1032–1085) – разработали систематическую метафизическую доктрину. Центральным элементом их философской системы стало понятие «ли» (理) – универсального принципа, организующего миропорядок.

В рамках неоконфуцианской парадигмы категория «вэнь» приобрела онтологический статус, будучи концептуализирована как конкретное проявление универсального принципа «ли» в культурной сфере. Следует особо отметить, что в данной системе интерпретации:

– культурные феномены (литературные тексты, музыкальные произведения, художественные практики) рассматривались не просто как продукты творческой деятельности, но как репрезентации трансцендентного морально-космического порядка;

– Чжу Си в своих работах подчёркивал, что классические тексты и ритуальные практики выполняют двойственную функцию: они являются как носителями культурной традиции, так и средством постижения универсальных принципов мироздания;

– художественное творчество и культурные практики приобретали значение инструмента гармонизации отношений между индивидуальным, социальным и космическим уровнями бытия.

Также важно отметить, что неоконфуцианская интерпретация «вэнь» возникла в результате синкретического объединения классического конфуцианского наследия с элементами даосской и буддийской философии, что позволило создать целостную метафизическую систему, сохранившую свою актуальность в китайской интеллектуальной традиции на протяжении последующих столетий.

Трансформация конфуцианской традиции в XX–XXI вв.: цивилизационный подход в рамках «Нового конфуцианства»

В современный период конфуцианство подвергается существенной реинтерпретации в условиях процессов модернизации, глобализации и трансформации ценностных систем. Интеллектуальное течение, обозначаемое как «Новое конфуцианство» (*синь жуцзя* 新儒家), представляет собой попытку актуализации классического конфуцианского наследия в качестве основы цивилизационной идентичности китайского общества. Данное направление может рассматриваться не только как философская школа, но и как масштабный цивилизационный проект, предлагающий альтернативную парадигму западного модерна.

Основополагающий вклад в развитие данного направления внесли 3 ключевых мыслителя: Лян Шумин (1893–1988), Моу Цзунсань (1909–1995) и Ду Вэймин (род. 1940). Несмотря на различия в методологических подходах, их объединяет применение цивилизационного подхода в осмыслении конфуцианской традиции и её места в глобальном контексте. Характерно, что все 3 автора занимали критическую позицию по отношению к нерелевантной вестернизации, одновременно сохраняя открытость к диалогу с западной философской традицией.

Теоретические построения указанных мыслителей заложили концептуальные основания для современной идеологии «культурной уверенности» (*вэньхуа цзысинь* 文化自信), которая утверждает принципиальную уникальность и автономность китайской цивилизационной модели. Особо отметим, что данная концепция подчёркивает невозможность редукции китайской цивилизационной парадигмы к иным культурно-историческим моделям.

В современной китайской политической теории наблюдается формирование концепции государства-цивилизации /

цивилизационного государства (*вэньминсин гоцзя* 文明型国家), представляющей собой прикладное развитие цивилизационного подхода в сфере реальной политики.

Цивилизационный дискурс в современном Китае

6 августа 2020 г. британский журналист и писатель А. Руссинос написал, подражая началу «Манифеста Коммунистической партии»: «Призрак бродит по либеральному Западу – призрак подъёма “государств-цивилизаций”»¹. В мае 2022 г. американский журнал *National Interest* опубликовал статью под названием «Очарование государства-цивилизации», в которой основное внимание уделялось семинару, состоявшемуся в Нью-Йорке в апреле того же года на тему «Государства-цивилизации и либеральная империя – обязаны ли они столкнуться?» (*Civilizational States and Liberal Empire – Bound to Collide?*)². В статье утверждалось, что дискурс «государства-цивилизации», который постепенно сформировался в России и Китае, начал представлять угрозу либеральному мировому порядку, в котором доминирует Запад, а также, что дискурс «государства-цивилизации» открыто презирует современную западную «либеральную парадигму, распространённую во всем мире» и оказывает значительное влияние как на незападный мир, так и на левые и правые крылья в западном мире.

Обращение китайских мыслителей к цивилизационной теории и процесс «конфуцианского возрождения» произошли на фоне необходимости масштабных преобразований (т. н. «четыре модернизации», курс реформ и открытости) при сохранении традиционных основ

¹ Aris Roussinos, The irresistible rise of the civilisation-state // UnHerd: [сайт]. URL: <https://unherd.com/2020/08/the-irresistible-rise-of-the-civilisation-state/> (дата обращения: 23.03.2025).

² Hu, A. The Allure of the Civilizational State // The National Interest: [сайт]. URL: <https://nationalinterest.org/feature/allure-civilizational-state-202230> (дата обращения: 23.03.2025).

общества как исторически сложившейся целостности. Концепция цивилизации (точнее, «государства-цивилизации» или «цивилизационного государства») идеально соответствовала этой задаче.

Китайские учёные полагают, что понятие «цивилизации» в концепции китайского «цивилизованного государства» сильно отличается от цивилизации, на которую претендует Запад. Так, доктор политологии и права, вице-президент и научный сотрудник Китайского института Фань Юнпэн 范勇鹏 считает, что «"цивилизация" в концепции "цивилизационного государства" существенно отличается от западного понимания цивилизации. Западная цивилизация долгое время выдавала частную цивилизацию за универсальную, однако истинный смысл цивилизации заключается в универсальности, проистекающей из особенностей. Кроме того, западная цивилизация в методологическом плане основана на дуалистическом мышлении. Такие характерные для Запада противопоставления, как "цивилизация и варварство", "демократия и диктатура", являются продуктом особых историко-географических условий Средиземноморья. Они ведут человечество к расколу, а не к единству. Поэтому нельзя, ориентируясь лишь на внешние формы, упускать суть цивилизации. Суть цивилизации заключается в том, что группа людей выбирает определённый образ жизни, и единственным критерием её оценки являются качество порядка, уровень благосостояния и устремления народа – то есть структура управления, о которой говорится в книге «Цивилизационное-государство» (Чжан Вэйвэя), а не какие-либо априорные формальные стандарты»¹.

Что же тогда отличает китайское государство-цивилизацию от национального государства в общем смысле? Научный сотрудник Института китайских исследований университета Фудань, Хань Чжу 寒竹 отмечает: «С точки зрения исторического развития, признаком перехода человечества от первобытного общества к цивилизации стало использование орудий труда, затем возникновение письменности и появление городов-государств. Однако государство является необходимым условием и предпосылкой формирования цивилизации – без государства не может быть цивилизации. Понятие государства включено в понятие цивилизации. Часто одна цивилизация охватывает множество стран, как, например, арабская или германская цивилизации. Но только Китай, начиная с эпох Цинь и Хань, представляет собой единство цивилизации и государства: Китай и есть китайская (хуася) цивилизация. Китай – единственное в своём роде государство-цивилизация, уникальная особенность, сохранившаяся на протяжении тысячелетий. Именно в этом заключается теоретический прорыв концепции "Цивилизационного-государства"»².

Остановимся на этой особенности китайского цивилизационного дискурса подробнее.

Согласно традиционному китайскому мировоззрению, отражённому и в языке, существует лишь одна истинная цивилизация в мире – Поднебесная (天下 Тянься). Эта концепция сочетает в себе парадоксальное единство локальности и универсальности: с одной стороны, она уникальна и принадлежит именно Китаю, с другой – претендует на вселенскую значимость. Так, иероглифический термин «Тянься», формально переводимый

¹ Сюй Минхуэй 徐明徽, Ли Цзяо 李娇. 张维为《文明型国家》: 构建话语体系诠释中国之崛起 («Цивилизованное государство» Чжан Вэйвэя: построение системы дискурса для объяснения подъёма Китая) // 澎湃新闻 (The Paper): [сайт]. URL: https://www.thepaper.cn/newsDetail_forward_1761377 (дата обращения: 23.03.2025).

² Zhang Weiwei 张维为. “文明型国家”话语的形成及其对全球政治叙事的影响 (The Formation of the "Civilization-State" Discourse and Its Impact on Global Political Narratives) // 澎湃新闻 (The Paper): [сайт]. URL: https://www.guancha.cn/ZhangWeiWei/2022_11_16_666936_2.shtml (дата обращения: 23.03.2025).

как «Поднебесная», исторически подразумевает именно Китай как цивилизационный центр мира.

Обращаясь к проблеме цивилизационной идентификации Китая, китайские философы неизбежно оказываются перед выбором: либо Китай принимает западную модель (и по её лекалам выстраивает свою цивилизационную стратегию), либо находит подтверждения (исторического, метафизического, этического, экономического и даже телеологического свойства) в пользу своей цивилизационной исключительности.

И именно на этом перекрёстке обнаруживается важнейшая особенность китайской цивилизационной идентичности – связь китайской цивилизации с идеей государственности. На исключительное значение, которое в китайской традиции отводилось цивилизованности, культуре, письменности в их отношении к идее государственности, в своё время обратил внимание ещё классик французской синологии М. Гране. Центральный тезис его понимания всей истории Китая от древности до наших дней состоял в том, что идея цивилизационного начала в ней всегда ценностно доминировала над любыми другими структурными принципами, в т. ч. и над началом государственным: «Больше, чем история государства и даже народа, история Китая есть история цивилизации, или, скорее, культурной традиции. Если бы эту историю можно было бы написать с какой-либо точностью, то прежде всего она была бы... интересна демонстрацией того, как идея цивилизации на протяжении столь длительной истории и почти постоянно могла торжествовать над государственной идеей».

Единство цивилизации и государства вновь подчёркивается современными представителями нового конфуцианства через обращение к древней концепции *нэйшэнь вайван* (内聖外王) – «внутренняя совершенная мудрость и внешнее правление/царственность». Этот принцип

отражает неразделимую связь между моралью и властью, культурным развитием и государственным строительством [5]. Таким образом, цивилизация и государство – это две стороны одной сущности, что соответствует традиционной китайской формуле *ли и фэнь шу* (理一分殊) – «принцип един, [а формы] проявления множественны» [8]. Для китайского мировоззрения ключевое значение имеет организующая функция государства как носителя цивилизационного порядка, противостоящего «хаосу» и «варварству». Как отмечал М. Гране: «Варвары по самой природе виновны в единственном преступлении, которое является действительно преступлением. Они живут вне цивилизационного порядка, распространяемого добродетелью государства».

Таким образом, роль государства подчиняется задаче воспитания и преобразования, т. е. общей цивилизаторской задаче. Государство не ограничивается исключительно «государственной» природой и рамками, оно бессмысленно, если не исполняет «волю неба», и не способствует культурному преобразению, совершенствованию и цивилизованному возвращению «полноты» живого».

Жуань Вэй и концепт гецивилизации

В современной китайской науке о международных отношениях и цивилизационных процессах особое место занимает теория «геоцивилизации» (*дили вэньмин* 地理文明), разработанная китайским исследователем Жуань Вэем. Эта концепция предлагает альтернативный взгляд на взаимодействие культур, государств и географической среды, выходя за рамки традиционных представлений о цивилизациях. Жуань Вэй, опираясь на идеи Ф. Броделя, С. Хантингтона и китайских философов, переосмысливает роль пространства в формировании цивилизационных ареалов. Его теория особенно актуальна в контексте роста влияния Китая и пересмотра глобальных исторических нарративов.

Следует сразу отметить, что «гео» в понимании китайцев – не только география как соположенность ландшафтов. Это комплексное понятие включает в себя и климат, и сезонные циклы, и сопутствующие им ритуальные практики. То есть «гео» это не только пространство, но и время – пространственно-временной континуум, который есть хронотоп, место-развитие. Причём и в естественно-астрономическом, и в метафизическом смысле. Здесь мы опять наблюдаем действие всеобъемлющего принципа триединства Земли, Неба и Человека. Это триединство – основа и древнекитайской геомантии, и современного геоцивилизационного понимания мироустройства [5, с. 136].

«Геоцивилизация» Жуань Вэй означает макрогеоконтинуум, макрокультурный ареал, в котором две или более цивилизаций разделяют общее географическое пространство, схожие природные условия, длительное историческое взаимодействие. В отличие от классического понимания цивилизации (как единой культурно-религиозной общности, например, «западной» или «исламской»), геоцивилизация включает несколько государств и этносов, допускает внутреннее разнообразие, акцентирует роль географических факторов (климат, речные системы, торговые пути). В рамках геоцивилизации каждая из традиционных политических единиц взаимосвязана с другими не только в геоисторическом, но и в культурном, экономическом и политическом аспектах.

География как цивилизационный каркас. Жуань Вэй вслед за Броделем подчёркивает, что долговременные географические структуры (горы, реки, климат) определяют: формы хозяйства, пути миграций, устойчивые культурные границы. Например, Великая Китайская равнина и бассейн р. Хуанхэ создали условия для ранней централизации, тогда как европейский ландшафт способствовал регионализму. В рамках геоцивилизаций народы веками сосуществуют, выраба-

тывая механизмы взаимодействия, даже если принадлежат к разным «цивилизациям» по Хантингтону.

Геоисторическая память. Народы в рамках геоцивилизации не просто соседи, а участники многовекового обмена: войны (например, конфликты Китая и кочевых народов), торговля (Шёлковый путь), культурная диффузия (распространение буддизма из Индии в Китай). Это создаёт общую историческую матрицу, даже если политически регион разделён.

Политико-экономическая интеграция. Геоцивилизации обладают высокой степенью взаимозависимости. Например, в Восточной Азии китайская модель государственности (имперская бюрократия) повлияла на Корею и Вьетнам, в Европе римское право и городская культура стали общим наследием.

По мнению Жуань Вэй, идея соседства подчёркивает, что геоцивилизация представляет собой систему плотных взаимодействий и связей между культурами, близкими по духу и расположенными в территориальной близости как объективной реальности. Фактически, концепция геоцивилизации акцентирует, что совместное существование различных человеческих сообществ реализуется через культурно-исторические формы соседства, выражающиеся в многообразии контактов, обусловленных географической и пространственной близостью.

Чжан Вэйвэй и концепт китайского «цивилизационного государства»

Теория «цивилизационного государства» (*вэньминсин гоцзя* 文明型国家), разрабатываемая китайским политологом и философом Чжан Вэйвэем [10; 11], предлагает альтернативный взгляд на природу китайского государства, противопоставляя его западным моделям нации-государства. По мнению Чжан Вэйвэя, Китай – это не просто страна в привычном понимании, а уникальная цивилизация, воплотившаяся в политической форме.

Чжан Вэйвэй отмечает, что «быстрый рост Китая давно вышел за рамки того, что может объяснить западный дискурс. То есть западный дискурс не способен интерпретировать рост Китая, поэтому нам нужно иметь свой собственный дискурс. Я сам занимаюсь политологическими исследованиями и ясно вижу, что почти всегда неправильно интерпретировать китайскую политику с помощью западного политического дискурса. Это происходит потому, что, с одной стороны, существует идеологическая предвзятость – с реалистичной точки зрения, в последние годы в областях политологии, экономики, журналистики, права и т. д. западная система дискурса глубоко проникла в Китай, и она всегда требует трансформации в западную модель, думая, что это правильно. Другими словами, нет системы дискурса, которая могла бы хорошо рассказать китайскую историю»¹.

С точки зрения этой теории, подъём Китая – это не подъём какой-либо обычной страны, а подъём единственного в мире «цивилизационного государства». Китай не только обладает характеристиками современного государства, такими как правительство, экономика, образование и т. д., но и обладает всеми характеристиками своей собственной уникальной традиционной цивилизации. Одной из ключевых характеристик китайского «цивилизационного государства» является то, что у Китая есть своя независимая идеологическая система и культурная самобытность. В основных областях человеческих знаний Китай имеет свои собственные системы: политика, философия, религия, язык, архитектура, искусство, музыка, литература, армия, образование, спорт, медицина и т. д. Чжан Вэйвэй также полагает, что «с

подъёмом Китая и подъёмом китайской модели произойдёт подъём китайского дискурса, и за этим дискурсом стоит наследие и сила 5000-летней цивилизации, которая потрясёт и даже изменит мир в XXI веке»².

Китайское «цивилизационное государство» обладает 8 характеристиками: большой численностью населения, чрезвычайно обширной территорией, долгой исторической традицией, глубоким культурным наследием, а также уникальным языком, политикой, обществом и экономикой. Эти характеристики, по сути, отражают модель «суммы 100 стран», а также регулируют уникальность пути развития Китая и основные характеристики китайской государственной модели.

Подчеркнём, что Чжан Вэйвэй использует именно авторский термин «цивилизационное государство» (*civilizational state*), потому что автор не согласен с концепцией «государство-цивилизация», предлагаемой ведущими западными синологами, такими как Л. Пай, и считает, что для её точного выражения необходима новая английская концепция. Концепт «цивилизационное государство» представляет собой сочетание древнего и современного населения, территории, традиций, культуры и т. д., которые трудно вместить в «национальное государство». Западная модель нации-государства предполагает чёткие границы и суверенитет, доминирование одной этнической группы, а также формальное равенство граждан перед законом. Однако Китай, по мнению Чжан Вэйвэй, не вписывается в эту схему, ведь его границы исторически менялись, но цивилизационное ядро оставалось. Ханьцы составляют большинство, но китайская идентичность включает десятки этносов (тибетцы, уйгуры, чжуань и др.). Вместо абстрактного «гражданства» ключевую роль играет культурная лояльность.

¹ Zhang Weiwei 张维为. “文明型国家”话语的形成及其对全球政治叙事的影响 (The Formation of the "Civilization-State" Discourse and Its Impact on Global Political Narratives) // 澎湃新闻 (The Paper): [сайт]. URL: https://www.guancha.cn/ZhangWeiWei/2022_11_16_666936_2.shtml (дата обращения: 23.03.2025).

² Там же.

Теория «цивилизационного государства» Чжан Вэйвэй – это попытка дать Китаю собственный философско-политический язык, отличный от западных концепций. Данная теория фактически стала частью официального дискурса КПК, поскольку обосновывает особый путь Китая, легитимируя отказ от западных политических моделей, подчёркивает историческую миссию КПК как хранителя китайской цивилизации, а также легко используется для мягкой силы – продвижения китайской модели в мире как альтернативы либеральной глобализации.

Заключение

Проведённое исследование цивилизационного подхода в философско-политическом дискурсе КНР позволило раскрыть его ключевые особенности в контексте формирования многополярной системы международных отношений. Анализ показал, что современный кризис униполярной модели, сложившейся после распада биполярной системы, обусловлен не только геополитическими, но и цивилизационными факторами. В современных условиях цивилизационный подход приобретает особую методологическую ценность, позволяя концептуализировать формирующуюся многополярность как взаимодействие суверенных цивилизационных ареалов.

Особое значение приобретает китайская интерпретация цивилизационного подхода, основанная на древнейших культурных пластах китайской цивилизации. Трансформация этой концепции

на протяжении более чем 2500-летней истории китайской мысли демонстрирует удивительную преемственность традиции, способной адаптироваться к новым вызовам. Концепции «цивилизационного государства» (Чжан Вэйвэй) и «геоцивилизации» (Жуань Вэй) предлагают принципиально иную, незападную модель мироустройства, основанную на признании культурного многообразия и цивилизационной специфики.

Теоретическая значимость исследования заключается в систематизации цивилизационного подхода в китайской философско-политической мысли и выявлении его ключевых концептуальных особенностей. Практическая ценность работы состоит в разработке аналитического инструментария для понимания внешнеполитических стратегий КНР и других незападных центров силы в условиях трансформации международного порядка. Полученные результаты могут быть использованы как для дальнейших академических исследований в области философии, политологии и международных отношений, так и для практического применения в сфере межцивилизационного диалога. Исследование подтверждает, что китайская версия цивилизационного подхода не только объясняет устойчивость и динамику развития КНР, но и предлагает принципиально новую парадигму международных отношений, основанную на взаимном уважении цивилизационных различий и отказе от универсалистских претензий какой-либо одной модели развития.

Дата поступления в редакцию 19.11.2024

ЛИТЕРАТУРА

1. Дугин А. Г. Вестернология: в направлении суверенной русской науки // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: История и политические науки. 2024. № 3. С. 7–21.
2. Завадская Е. В. Миссия слова в «Лунь юе» // Конфуцианство в Китае: проблемы теории и практики / под ред. Л. П. Делюсина. М.: Наука, 1982. С. 36–45.
3. Качкин И. В. «Государство – цивилизация» в оценках зарубежных исследователей: спор между Востоком и Западом // Вестник Воронежского государственного университета. 2024. № 2. С. 47–50.
4. Лисевич И. С. Литературная мысль Китая на рубеже древности и средних веков. М.: Наука, 1979. 266 с.

5. Мигунова О. В. Проблема духовно-цивилизационных трансформаций в современной китайской социальной философии: дис. ... канд. филос.наук. СПб., 2023. 199 с.
6. Мигунов Н. И., Мигунова О. В. О теоретических основаниях китайской концепции «Геоцивилизационного континуума» // Век глобализации. 2017. № 2. С. 20–36.
7. Переломов Л. С. Конфуций «Лунь Юй». М.: Восточная литература, 1998. 588 с..
8. Торчинов Е. А. Культура как сакральное (категория вэнь в китайской традиции) // Сакральное в культуре: мат-лы конф. / сост. А. В. Коновалов., А. И. Тафинцев. СПб, 1995. С. 92–94.
9. Философия. Т. 1 // Духовная культура Китая: энциклопедия / под ред. М. Л. Титаренко. М.: Восточная литература, 2006. С. 192–194.
10. Чжан Вэйвэй. Китай, нарратив цивилизационного государства и его значение // Российское китаеведение. 2023. № 2. С. 7–15.
11. Zhang Weiwei. Xin bainian xin Zhongguo. Beijing: Dongfang chubanshe, 2021. 220 p.

REFERENCES

1. Dugin, A. G. (2024). Westernology: Towards a Sovereign Russian Science. In: *Bulletin of the State University of Education. Series: History and Political Sciences*, 3, 7–21 (in Russ.).
2. Zavadskaya, E. V. (1982). The Mission of the Word in the “Lun Yu”. In: *Confucianism in China: Problems of Theory and Practice*. Moscow: Nauka Publ., pp. 36–45 (in Russ.).
3. Kachkin, I. V. (2024). "State – Civilization" in the Assessments of Foreign Researchers: The Debate between East and West. In: *Bulletin of the Voronezh State University*, 2, 47–50 (in Russ.).
4. Lisevich, I. S. (1979). *Literary Thought of China at the Turn of Antiquity and the Middle Ages*. Moscow: Nauka Publ. (in Russ.).
5. Migunova, O. V. (2023). *The Problem of Spiritual and Civilizational Transformations in Modern Chinese Social Philosophy* [dissertation]. SPb.(in Russ.).
6. Migunov, N. I. & Migunova, O. V. (2017). On the Theoretical Foundations of the Chinese Concept of "Geo-Civilizational Continuum". In: *The Age of Globalization*, 2, 20–36 (in Russ.).
7. Perelomov, L. S. (1998). *Confucius "Lun Yu"*. Moscow: Vostochnaya literature Publ. (in Russ.).
8. Torchinov, E. A. (1995). Culture as the Sacred (the category of wen in the Chinese tradition). In: *The Sacred in Culture*. St. Petersburg, pp. 92–94 (in Russ.).
9. [Philosophy. Vol. 1]. In: Titarenko M. L. (2006), ed. *Spiritual Culture of China: Encyclopedia*. Moscow: Vostochnaya literature Publ. pp. 192–194 (in Russ.).
10. Zhang, Weiwei (2023). China, the Civilizational State Narrative and its Implications. In: *Russian Sinology*, 2, 7–15 (in Russ.).
11. Zhang, Weiwei (2021). *Xin bainian xin Zhongguo*. Beijing: Dongfang chubanshe.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Бонч-Осмоловская Ольга Андреевна – кандидат исторических наук, научный сотрудник Института восточных рукописей РАН, эксперт учебно-научного центра «Высшая политическая школа имени Ивана Ильина» Российского государственного гуманитарного университета;
e-mail: olga.bonch.osmolovskaya@gmail.com

Тугаринов Павел Александрович – старший научный сотрудник Государственного музея истории религии, аналитик учебно-научного центра «Высшая политическая школа имени Ивана Ильина» Российского государственного гуманитарного университета;
e-mail: tugarinov_pavel@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Olga A. Bonch-Osmolovskaya – Cand. Sci. (History), Research Fellow, Institute of Oriental Manuscripts of the Russian Academy of Sciences, Expert, Ivan Ilyin Higher Political School Educational and Scientific Center, Russian State University for the Humanities;

Pavel A. Tugarinov – Senior Researcher, the State Museum of the History of Religion, Analyst, Ivan Ilyin Higher Political School Educational and Scientific Center, Russian State University for the Humanities;
e-mail: tugarinov_pavel@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Бонч-Осмоловская О. А., Тугаринов П. А. Цивилизационный подход в философско-политическом дискурсе КНР // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: История и политические науки. 2025. № 2. С. 77–90.

DOI: 10.18384/2949-5164-2025-2-77-90

FOR CITATION

Bonch-Osmolovskaya O. A., Tugarinov P. A. The civilization approach in the philosophical-political discourse of the PRC. In: *Bulletin of Federal State University of Education. Series: History and Political Sciences*, 2025, no. 2, pp. 77–90.

DOI: 10.18384/2949-5164-2025-2-77-90

УДК 93/94

DOI: 10.18384/2949-5164-2025-2-91-98

О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ АРХИПЕЛАГСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ РУССКОГО ФЛОТА ВО ВРЕМЯ РУССКО-ТУРЕЦКОЙ ВОЙНЫ 1768–1774 ГГ.

Миловский Н. М.

Государственный университет просвещения

105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10а, Российская Федерация

Аннотация

Цель. Проанализировать слабоизученные или до сих пор не рассмотренные важнейшие аспекты так называемой Архипелагской экспедиции русского военно-морского флота во время русско-турецкой войны 1768–1774 гг., её роль и значение в решении проблемы укрепления России на северном побережье Чёрного моря во второй половине XVIII в.

Процедура и методы. В работе использован системный подход, который дал возможность провести всесторонний и объективный анализ поставленной проблемы.

Результаты. Рассмотрены и проанализированы основные дискуссионные вопросы, связанные с организацией, ходом и последствиями Архипелагской экспедиции во время русско-турецкой войны 1768–1774 гг. Доказано, что при всех «минусах» Архипелагская экспедиция русского военно-морского флота сыграла одну из важнейших ролей в русско-турецкой войне, ускорив её окончание и во многом обеспечив победу русского оружия.

Теоретическая и/или практическая значимость. Результаты исследования, представленные в данной статье могут быть привлечены для подготовки курса лекций по политической, военной истории и истории внешней политики России XVIII в.

Ключевые слова: русско-турецкая война 1768–1774 гг., военно-морской флот Российской империи, Архипелагская экспедиция, Османская империя, греческое восстание 1770–1774 гг.

SOME ASPECTS OF THE ARCHIPELAGO EXPEDITION OF THE RUSSIAN NAVY DURING THE RUSSIAN-TURKISH WAR OF 1768–1774

N. Milovsky

Federal State University of Education

ul. Radio 10a, Moscow 105005, Russian Federation

Abstract

Aim. To analyze the Russian Navy's poorly studied or still unexplored important aspects of the so-called Archipelago expedition during the Russo-Turkish War of 1768–1774, its role and significance in solving the problem of strengthening Russia on the northern coast of the Black Sea in the second half of the XVIII century.

Methodology. To study the problem and achieve the scientific goal, a systematic approach was used, which made it possible to conduct a comprehensive and objective analysis of the problem posed by the author of the article.

Results. The main controversial issues related to the organization, course and consequences of the Archipelago Expedition during the Russian-Turkish War of 1768–1774 are considered and analyzed. Russian Navy's Archipelago Expedition has proved to have played one of the most important roles in the Russo-Turkish war, hastening its end and largely ensuring the victory of Russian weapons.

Research implications. The research results presented in this article can be used to prepare a course of lectures on political, military and foreign policy history of Russia in the XVIII century.

Keywords. The Russo-Turkish War of 1768–1774, the Navy of the Russian Empire, the Archipelago Expedition, the Ottoman Empire, the Greek Uprising of 1770–1774

Введение

Русско-турецкая война 1768–1774 гг. в последнее пятилетие неоднократно становилась объектом исследования (работы А. Х. Курмансеитовой [13], Б. В. Виноградова [5], Е. В. Пищугиной [15], С. В. Корягина [12], Г. А. Гребенщиковой [6], Д. В. Гусева [7], М. М. Якушева [27], Л. В. Кудзеевича [14], В. Б. Каширина [11]), однако ряд аспектов оставался вне поля зрения историков или их анализ был недостаточно глубоким и ограничивался 1-2 работами, как, например, «Архипелагская экспедиция».

Одно из событий русско-турецкой войны 1768–1774 гг. – «Архипелагская экспедиция» – до сих пор выступает предметом дискуссий в исследовательской среде, и сегодня многие её аспекты остаются «белыми пятнами» истории. В частности, это вопросы, связанные с организацией экспедиции, состоянием военно-морского флота Российской империи во второй половине 1860-х гг., с финансированием военной операции, участием России в антитурецкой борьбе славянских народов во время войны 1768–1774 гг., важности и необходимости подобной экспедиции.

«Архипелагская экспедиция»

Ещё в самом начале войны, в конце ноября 1768 г., на Совете, созданном для обсуждения и согласования всех вопросов, связанных с ведением войны, был оглашён план Г. Г. Орлова по переброске из

Балтийского в Средиземное море части военно-морского флота России. Цель – нарушение морских коммуникаций Османской империи [25, с. 120–122]. Совет принял решение не выносить вердикт, пока предварительно не будут обсуждены и рассмотрены все пункты плана экспедиции в Средиземное море.

Г. Г. Орлову всё же удалось убедить членов Совета в необходимости подобной военной операции, и на следующем заседании проект Средиземноморской (Архипелагской) экспедиции был поддержан единогласно [8, с. 7]. Сыграла настойчивость Орлова и поддержка со стороны Екатерины II, противоречить которой никто не решился.

Но существовали и иные, объективные факторы. Предложенная Орловым Архипелагская экспедиция могла превратиться в один из фронтов русско-турецкой войны, фронтов, поддержанных проживающими в восточных районах Средиземноморья православными славянами – греками, болгарами, черногорцами и христианами вообще. Архипелагская экспедиция могла оттянуть на себя определённое количество турецкий войск и флота, а также поставить под угрозу пути снабжения противника в Крыму и в Северном Причерноморье, и, наконец, заставить турецкий флот покинуть Чёрное море.

Однако всё это было возможным только при чёткой координации всех российских вооружённых сил и, прежде всего, российского флота.

Русские эскадры

В рескрипте от 29 января 1769 г. императрица Екатерина II ставила перед А. Г. Орловым (братом Г. Г. Орлова), которому поручалось общее командное руководство русским военно-морским флотом, задачу – нанесение решительного удара по морским коммуникациям противника, объединение, координация, а в случае необходимости и руководство всеми антитурецкими силами в районах действия Архипелагской экспедиции [8, с. 10].

Таким образом, принимая решение о переброске русского флота с Балтики в Средиземноморье, Екатерина II ставила двоякую цель. Во-первых, в военном плане [2, с. 24], т. к. скоординированный удар по туркам сухопутных и военно-морских сил России и её союзников в лице славян с двух сторон (с фронта и с тыла) мог привести к серьёзным изменениям в ходе войны [2; 6; 27]. Во-вторых, Екатериной II преследовалась более глобальная цель – объединение под началом России православных христиан в борьбе с мусульманской Османской империей [17, с. 123].

В совокупности достижение этих двух целей обеспечивали не только нанесение турецкой армии и турецкому флоту поражения, ведущего, несомненно, к капитуляции, но и изменения коренным образом всей геополитической ситуации на Средиземном и Чёрном морях – Россия стала бы главной политической фигурой в Юго-восточной Европе [16, с. 160].

Но готов ли был российский флот к перебазированию за несколько тысяч миль от своих основных баз?

Ещё в 1765 г. Екатерина II, побывав на учениях кораблей Балтийского флота, заметила, что последние напоминают собой скорее рыболовную флотилию, чем боевое соединение, поскольку ни один из русских кораблей не был готов к выполнению ни одной поставленной задачи.

Об этом Екатерина II писала Н. И. Панину, возглавлявшему внешнеполитическое ведомство Российской империи. Императрица потребовала в кратчайшие сроки привести Балтийский флот в порядок, сделав всё, чтобы обеспечить его переход в Средиземное море [1, с. 189; 22, с. 235].

В боевых действиях первой половины 1769 г. русский флот участие не принимал – готовили корабли и часть из них перебазировали из Архангельска в Петербург. Подготовка была закончена в начале июля 1769 г., когда 1-я русская эскадра в составе 15 кораблей под командованием адмирала Г. А. Спиридова вышла из Кронштадта. Спустя 3 месяца Балтику покинула 2-я эскадра из 7 кораблей под командованием контр-адмирала Дж. Эльфинстона. В 1770, 1772 и 1773 г. с Балтики вышли ещё 3 эскадры русского военно-морского флота (под командованием соответственно М. Т. Коняева, А. С. Грейга и И. Н. Арфа) [3, с. 471; 6].

Ещё до выхода в море 1-й эскадры в Италию выехал сам А. Г. Орлов, который должен был «проинспектировать» антитурецкие силы из числа православных христиан, действующие на территориях, находящихся под турецкой оккупацией. Общее командование всеми силами Орлов принял только тогда, когда 1-я эскадра оказалась в Средиземном море [23; 24, с. 52–57].

Эскадра под командованием адмирала Г. А. Спиридова достигла восточного Средиземноморья только в феврале 1770 г., но из 15 вышедших из Кронштадта кораблей дошло только 5, остальные либо встали на ремонт в том или ином порту, либо потерпели крушение из-за непогоды; сократился, почти вдвое, личный состав, что вызвало недовольство Екатерины II [22, с. 246], которая была готова отказаться от идеи Архипелагской экспедиции, считая, что с этими силами невозможно противостоять туркам в Средиземном море.

«Орловщина»

Тогда же, в конце зимы 1770 г., в Греции вспыхнуло восстание, которое в греческой историографии характеризуют, как «орловщину» [2, с. 28], поскольку именно А. Г. Орлов координировал действия восставших и пока малочисленного русского флота. О такой координации, как впрочем, и о необходимости поддержке греческих повстанцев и «работе с греками» вообще, настаивали греческие эмиссары братьев Орловых¹.

Несмотря на объединение греческих и русских сил, «орловщина» была подавлена, причём исключительно добровольческими формированиями мусульман-албанцев, а не частями регулярной турецкой армии [18, с. 19], которые избегали встреч с регулярными русскими армейскими подразделениями.

Вину за поражение восстания Орлов перекладывал исключительно на греков [2, с. 30], т. к. их действия носили сугубо оборонительный характер, наступательных действий они избегали, поскольку не обладали соответствующим опытом [22, с. 361]. Однако после войны Орлов был удостоен самых высоких российских наград, в т. ч. и за руководство и координацию действий греческих повстанцев².

Греческие исследователи винили Орлова, указывая на то, что он совершенно не был знаком с греческой ментальностью, традициями, особенностями поведения и повседневности греческой жизни, а также с постановкой и особенностями военного дела на Балканах. В то же время далеко не все греки приветствовали приход русской эскадры, и не все греки поддерживали восстание, не разделяя веру в возможность победы над турками и опасаясь репрессий со стороны Османской империи и её союзников [4, с. 96; 10; 23].

Бесспорно, греки в ходе боевых действий не проявили себя как сплочённые

и подготовленные в военном деле формирования, но стоит учитывать и боевой опыт, и лучшее вооружение противника греков – мусульман-албанцев, чьими инструкторами долгое время были офицеры турецкой армии [18; 26, с. 294].

Важен ещё один момент. Екатерину II в своём желании развернуть боевые действия против турок на Балканах поддерживали не только беднейшие слои греческого населения, но и представители предпринимательских кругов и землевладельцев (правда, далеко не все), которые обладали весомыми материальными возможностями и которые были увлечены идеями независимости Греции и идеями Просвещения, столь популярными в то время в Европе. Но они представляли незначительный процент от всего греческого населения, и их действия сводились в основном к актам гражданского неповиновения, в отказе от сотрудничества с турецкой администрацией на оккупированных землях [20, с. 40–50].

Таким образом, время для общенационального движения за независимость Греции ещё не пришло, греческое общество не было единым в этом вопросе.

И всё же греческое восстание в соединении с небольшим количеством кораблей 1-й эскадры не допустило возможности переброски на сухопутный театр русско-турецких военных действий пехотные формирования мусульман-албанцев, в которых турецкая армия очень нуждалась [9; 13].

Екатерина II была разочарована не только большими потерями 1-й эскадры в ходе перехода из Балтики в Средиземное море, но и действиями греков. Именно поэтому, скорее всего, изменился и тон, и содержание манифестов российской императрицы. Если в 1768 г. она обещала поддерживать антитурецкие выступления славян, то 5 лет спустя в манифестах этот сюжет исчез [9].

Быть может, осуждение сепаратизма в 1772–1773 гг. – это был очередной тактический ход, благодаря которому офи-

¹ РГАДА. Ф. 15. Оп. 1. Д. 146, Л. 10–11, 14.

² РГАДА. Ф. 10. Оп. 2. Д. 68. Л. 1.

циальный Петербург пытался продемонстрировать своё полное неприятие любой формы проявления данного явления как такового и со стороны кого бы то ни было.

Финансовый вопрос

На снаряжение и обеспечение русских эскадр для Архипелагской экспедиции (49 кораблей) было потрачено более 5 млн руб. [21, с. 400–401]. Гигантская по тем временам сумма, но свидетельствующая о том, какое значение придавала Екатерина II Архипелагской экспедиции, несмотря на все промахи и неудачи последней.

Деньги для финансирования экспедиции поступали непосредственно из Государственного казначейства, налогов, собираемых на Балканах, и от венецианского купца, грека по происхождению, Пано Маруцци в обмен на предоставление русского подданства. Ряд отечественных исследователей считают, что основной объём финансов шёл именно от этого предпринимателя [26, с. 292], хотя переписка Екатерины II это и не подтверждает¹.

Боевые действия «Архипелагской экспедиции» в Средиземном море – тема для отдельного исследования. Стоит только подчеркнуть, что вклад военно-морского флота России, переброшенного с Балтики, обеспечил поддержку сухопутных войск в решающих сражениях русско-турецкой войны 1768–1774 гг. Без участия военно-морского флота России в боевых действиях война затянулась бы ещё на несколько лет, что было чревато новыми жертвами, страданиями и материальными расходами.

Важно и другое. Несмотря на то, что Россия так и не достроила военно-морскую базу на о. Парос, отказалась от поддержки повстанцев в Греции и Палестине [19, с. 139, 146], война показала, что российский флот представляет собой

весомый аргумент внешнеполитического курса [17, с. 133].

Заключение

Архипелагская экспедиция продемонстрировала и подтвердила не только важность применения военно-морского флота в военном противостоянии, но и вынудила реконструировать военно-морские силы России в соответствии с требованиями выдвигаемыми стратегией и тактикой военного дела.

Архипелагская экспедиция доказала, что офицеры и матросы военно-морского флота России способны вести боевые действия вдалеке от своих основных баз и малыми силами, делая ставку не на количество, а на военные знания.

Архипелагская экспедиция подтвердила, что в противостоянии с геополитическими противниками Россия может опираться только на собственные силы, что даже единовольцы порой не в состоянии оказать российской стороне помощь в отстаивании национальных интересов.

И, наконец, благодаря во многом и Архипелагской экспедиции в результате русско-турецкой войны удалось вывести из-под турецкого влияния Крым (в последующем вернув его в состав Российской империи), создать на территории Крымского полуострова и Северного Причерноморья военно-морские базы, обеспечить и защиту южных границ страны, и беспрепятственное движение русского торгового флота в Чёрном и Средиземном морях.

В последующих войнах с Турцией, Россия ещё несколько раз прибегала к подобным переброскам частей военно-морского флота, получившим наименование 2-й и 3-й Архипелагских экспедиций, что свидетельствовало о важности данного рода военно-морских передвижений для победы над противником.

Дата поступления в редакцию 12.01.2025

¹ См.: Политическая переписка императрицы Екатерины II. СПб., 1893. Т. 87. С. 1768–1769.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аренс Е. История русского флота. Екатерининский период. СПб.: Типография морского министерства, 1897. 460 с.
2. Арш Г. Л. Россия и борьба Греции за освобождение: от Екатерины II до Николая I: очерки. М.: Индрик, 2013. 279 с.
3. Бескровный Л. Г. Русская армия и флот в XVIII веке. М.: Издательство Академии наук СССР, 1958. 645 с.
4. Веселаго Ф. Ф. Краткая история Русского Флота. М-Л.: Военно-морское издательство Народного комиссариата Военно-морского флота СССР, 1939. 304 с.
5. Виноградов Б. В., Пищугина Е. В. «Моздокский вопрос» в период османо-российской войны 1768–1774 гг. // Вестник Северо-Осетинского государственного университета имени К. Л. Хетагурова. 2020. № 2. С. 10–16.
6. Гребенщикова Г. А. Российский флот и дипломатия Екатерины II. Т. 2. СПб.: ИЦ «Остров», 2020. 768 с.
7. Гусев Д. В. Три просьбы греческих церковных иерархов к адмиралу Г. А. Спиридову во время Первой Архипелагской экспедиции (1769–1774) из фондов Российского государственного архива Военно-Морского Флота // Христианское чтение. 2024. № 1. С. 281–287.
8. Дмитриев С. С. Чесменская победа. М.: ОГИЗ, 1945. 45 с.
9. Зеленина Л. В., Шерemet В. И. Черное море: «русские берега у турецкого озера?» // XVIII век: славянские и балканские народы и Россия. М.: Институт славяноведения и балканистики РАН, 2000. С. 99–108.
10. Каллистов Н. Д. Архипелагская экспедиция // История русской армии и флота. Т. 8. М.: Книгоиздательское товарищество «Образование», 1912. С. 54–83.
11. Каширин В. Б. Днестровская кампания генерала князя А. М. Голицина 1769 г. и стратегия России в отношении княжества Молдавия в начальный период русско-турецкой войны 1768–1774 годов // Славяноведение. 2024. № 1. С. 5–30.
12. Корягин С. В. Русско-турецкая война 1768–1774 гг. М.: Древнехранилище, 2023. 256 с.
13. Курмансеитова А. Х. Ногайцы Северного Кавказа в Русско-турецкой войне 1768–1774 гг. // Народы Кавказа в XVIII–XXI вв.: история, политика, культура: мат-лы форума. Ростов н/Дону: Издательство Южного научного центра РАН, 2024. 559 с.
14. Кудзеевич Л. В. Отчет об имуществе военной ложи Марс: к истории офицерского досуга периода Русско-турецкой войны 1768–1774 гг. // Война и оружие. Новые исследования и материалы: труды конф. Ч. 2. СПб.: Издательство ВИМАИВиВС, 2023. С. 256–273.
15. Пищугина Е. В. Политика Российского правительства в Кабарде в ходе османо-российской войны 1768–1774 гг. // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. 2021. № 1. С. 80–89.
16. Родзинская И. Ю. Англия и русско-турецкая война 1768–1774 гг. // Труды Московского государственного историко-архивного института. Т. 23: Статьи аспирантов по вопросам истории СССР, источниковедения, архивоведения и документоведения / под ред. Т. П. Коржихиной, Ю. Ф. Кононова. М., 1967. С. 159–160.
17. Рукавишников Е. Н. Внешняя политика и пребывание российского военного флота в Средиземном море. 1770–1774 гг. // Вопросы истории. 2008. № 9. С. 122–134.
18. Сеница В. И. Балканский вопрос в политике России (1768–1774 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Минск, 1974. 28 с.
19. Смилянская Е. Б. Освоение Средиземноморья во время русско-турецкой войны 1768–1774 гг.: реалии и символы // Историческая география: пространство человека vs человек в пространстве: мат-лы конф. М.: Издательство РГГУ, 2011. С. 136–146.
20. Смилянская И. М. «Приготовления» к русско-турецкой войне 1768–1774 гг.: российские эмиссары в Греции и на Балканах // Восточный архив. 2009. № 2. С. 40–50.
21. Соколов А. П. Архипелагские кампании 1769–1774 гг. // Записки Гидрографического департамента Морского министерства. Ч. 7. СПб.: Типография Грачева и Ко, 1849. С. 230–401.
22. Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Кн. XIV. Т. 28: 1766–1772. М.: Мысль, 1965. 370 с.
23. Тарле Е. В. Чесменский бой и первая русская экспедиция в Архипелаг. 1769–1774. М.: Издательство Академии наук СССР, 1945. 110 с.

24. Федюнина Т. Н. Дипломатическая и военная деятельность А. Г. Орлова в 1768–1774 гг. // Научные труды преподавателей и студентов исторического факультета Воронежского государственного педагогического университета. Вып. 5 / отв. ред. В. В. Килейников. Воронеж: Издательство ВГПУ, 2010. С. 52–58.
25. Федюнина Т. Н. Письма Екатерины II графу А. Г. Орлову как источник для изучения событий русско-турецкой войны 1768–1774 гг. // Известия Воронежского государственного педагогического университета. Серии: Педагогические науки, Гуманитарные науки. 2018. № 4. С. 120–122.
26. Шеремет В. И. Русское присутствие в Средиземном море. Геополитические маневры и военные действия периода Русско-турецкой войны 1768–1774 гг. // Геомилитаризм. Геополитика. Безопасность. 2003. № 8. С. 289–298.
27. Якушев М. М. «Разгромленная Турция лежала у ног русской монархии...»: Кючук-Кайнарджийский договор 1774 года // Военно-исторический журнал. 2021. № 8. С. 42–49.

REFERENCES

1. Ahrens, E. (1897). *The history of the Russian Fleet. The Catherine period*. St. Petersburg: Tipografiya morskogo ministerstva Publ. (in Russ.).
2. Arsh, G. L. (2013). *Russia and Greece's struggle for liberation: from Catherine II to Nicholas I*. Moscow: Indrik Publ., 2013. 279 p (in Russ.).
3. Beskrovny, L. G. (1958). *The Russian army and navy in the 18th century*. Moscow: Izd-vo AN SSSR Publ. (in Russ.).
4. Veselago, F. F. (1939). *A brief history of the Russian Fleet*. Moscow: Voenno-morskoye izdatel'stvo Narkomata VMF SSSR Publ. (in Russ.).
5. Vinogradov, B. V. & Pishchugina, E. V. (2020). "The Mozdok issue" during the Ottoman-Russian War of 1768–1774. In: *Bulletin of the K. L. Khetagurov North Ossetian State University*, 2, 10–16 (in Russ.).
6. Grebenshchikova, G. A. (2020). *The Russian Fleet and the diplomacy of Catherine II. Vol. 2*. St. Petersburg: ITS "Ostrov" (in Russ.).
7. Gusev, D. V. (2024). Three requests of the Greek Church hierarchs to Admiral G. A. Spiridov during the First Archipelago Expedition (1769–1774) from the funds of the Russian State Naval Archives. In: *Khristianskoye chteniye*, 1, 281–287 (in Russ.).
8. Dmitriev, S. S. (1945). *Chesmenskaya victory*. Moscow: OGIZ Publ. (in Russ.).
9. Zelenina, L. V. & Sheremet, V. I. (2000). The Black Sea: "Russian shores at the Turkish lake?". In: *XVIII century: Slavic and Balkan peoples and Russia*. Moscow: Institut slavyanovedeniya i balkanistiki RAN Publ., pp. 99–108 (in Russ.).
10. Kallistov, N. D. (1912). Archipelago expedition. In: *The History of the Russian Army and Navy. Vol. 8*. Moscow: Knizhno-izdatelskoye tovarishchestvo «Obrazovaniye» Publ., pp. 54–83 (in Russ.).
11. Kashirin, V. B. (2024). The Dniester campaign of General Prince A. M. Golitsyn in 1769 and Russia's strategy towards the Principality of Moldavia in the initial period of the Russian-Turkish War of 1768–1774. In: *Slavic studies*, 1, 5–30 (in Russ.).
12. Koryagin, S. V. (2023). *The Russian-Turkish war of 1768–1774*. Moscow: Drevneyekhranilishche Publ. (in Russ.).
13. Kurmanseitova, A. H. (2024). Nogais of the North Caucasus in the Russian-Turkish War of 1768–1774. In: *The peoples of the Caucasus in the 18th–21st centuries: history, politics, culture*. Rostov n/Don: Izd-vo Yuzhnogo nauchnogo tsentra RAN (in Russ.).
14. Kudzeevich, L. V. (2023). Report on the property of the Mars military Lodge: on the history of officer leisure during the Russian-Turkish War of 1768–1774. In: *War and Weapons. New research and materials*. SPb: Izd-vo VIMAIViVS, pp. 256–273 (in Russ.).
15. Pishchugina E. V. (2021). The policy of the Russian government in Kabarda during the Ottoman-Russian War of 1768–1774. In: *Bulletin of the Armavir State Pedagogical University*, 1, 80–89 (in Russ.).
16. Rodzinskaya, I. Y. (1967). England and the Russian-Turkish War of 1768–1774. In: *Proceedings of the Moscow State Historical and Archival Institute. Vol. 23: Articles by postgraduate students on the history of the USSR, source studies, archival science and documentation*. Moscow, pp. 159–160 (in Russ.).
17. Rukavishnikov, E. N. (2008). Foreign policy and the presence of the Russian Navy in the Mediterranean Sea. 1770–1774. In: *Questions of history*, 9, 122–134 (in Russ.).

18. Sinitsa, V. I. (1974). *The Balkan question in Russian politics (1768–1774)* [dissertation]. Minsk (in Russ.).
19. Smilyanskaya, E. B. (2011). The exploration of the Mediterranean during the Russian-Turkish War of 1768–1774: realities and symbols. In: *Historical Geography: human space vs man in space*. Moscow: Izd-vo RGGU, pp. 136–146 (in Russ.).
20. Smilyanskaya, I. M. (2009). “Preparations” for the Russo-Turkish War of 1768–1774: Russian emissaries in Greece and the Balkans. In: *Vostochny archive*, 2, 40–50 (in Russ.).
21. Sokolov, A. P. (1849). Archipelago campaigns of 1769–1774. In: *Notes of the Hydrographic Department of the Naval Ministry. Part 7*. St. Petersburg: Tipografiya Gracheva i K^o, pp. 230–401 (in Russ.).
22. Soloviev, S. M. (1965). *History of Russia from ancient times. Book XIV. Vol. 28: 1766–1772*. Moscow: Mysl Publ. (in Russ.).
23. Tarle, E. V. (1945). *The Battle of Chesma and the first Russian expedition to the Archipelago. 1769–1774*. Moscow: Izd-vo AN SSSR Publ. (in Russ.).
24. Fedyunina, T. N. (2010). Diplomatic and military activities of A. G. Orlov in 1768–1774. In: *Scientific works of teachers and historical faculties of the Voronezh State Pedagogical University. Iss. 5*. Voronezh: Izd-vo VGPU, pp. 52–58 (in Russ.).
25. Fedyunina, T. N. (2018). Letters of Catherine II to Count A. G. Orlov as a source for studying the events of the Russo-Turkish War of 1768–1774. In: *Bulletin of the Voronezh State Pedagogical University. Series: Pedagogical Sciences, Humanities*, 4, 120–122 (in Russ.).
26. Sheremet, V. I. (2003). Russian presence at sea. Geopolitical maneuvers and military actions during the Russo-Turkish War of 1768–1774. In: *Geomitarism. Geopolitics. Security*, 8, 289–298 (in Russ.).
27. Yakushev, M. M. (2021). “Defeated Turkey lay at the feet of the Russian monarchy...”: The Treaty of Küçük Kaynarca of 1774. In: *Military History Journal*, 8, 42–49 (in Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Миловский Николай Михайлович – кандидат исторических наук, старший специалист отдела методического сопровождения центра военно-патриотического воспитания «Вершина» Государственного университета просвещения;
e-mail: Milovskiynm@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Nikolai M. Milovskiy – Cand. Sci. (History), Senior Specialist, Methodological Support Department of the Center for Military-Patriotic Education "Vershina", Federal State University of Education;
e-mail: Milovskiynm@gmail.com

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Миловский Н. М. О некоторых аспектах Архипелагской экспедиции русского флота во время русско-турецкой войны 1768–1774 гг. // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: История и политические науки. 2025. № 2. С. 91–98.
DOI: 10.18384/2949-5164-2025-2-91-98

FOR CITATION

Milovsky N. M. Some aspects of the Archipelago Expedition of the Russian Navy during the Russian-Turkish war of 1768–1774. In: *Bulletin of Federal State University of Education. Series: History and Political Sciences*, 2025, no. 2, pp. 91–98.
DOI: 10.18384/2949-5164-2025-2-91-98

УДК 94(470) "1960/1980":351.853.1

DOI: 10.18384/2949-5164-2025-2-99-110

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ МУЗЕЕВ ПЕНЗЕНСКОЙ ОБЛАСТИ ПО ОХРАНЕ ПАМЯТНИКОВ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ В 1960–1980-Е ГГ.

Димитренко Н. В.

*Пензенский государственный университет архитектуры и строительства
440028, г. Пенза, ул. Г. Титова, д. 28, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Проанализировать работу музейных учреждений Пензенской области в сфере охраны и популяризации памятников историко-культурного наследия в период 1960–1980-е гг., который характеризуется активизацией музейной деятельности, как в регионе, так и в стране в целом.

Процедура и методы. Исследуются ключевые направления работы музеев по выявлению, изучению, документированию, сохранению и пропаганде историко-культурных объектов; формы взаимодействия с государственными и партийными органами в вопросе развития и совершенствования музейного дела. Анализируются законодательные и нормативные правовые документы, регулировавшие важнейшие сферы деятельности музеев, формирование и развитие музейной сети. При проведении исследования применены историко-генетический, историко-сравнительный и системный методы, которые позволили проанализировать развитие форм и различных методов работы музейных учреждений Пензенской области в деле сохранения памятников истории и культуры.

Результаты. Музеям отводилась роль социокультурных центров, осуществлявших свои культурно-просветительные, образовательно-воспитательные и пропагандистские функции в работе с населением на основе государственных идеологических установок, программ и решений партии, акцентируя на преемственности культурных традиций и достижениях советского общества.

Теоретическая и/или практическая значимость. Результаты исследования могут быть использованы при разработке соответствующих разделов курсов по музейному делу и охране памятников истории и культуры, краеведению Пензенского края, развитию туризма, а также для совершенствования системы управления в музейной деятельности по изучению и сохранению культурного наследия Пензенской области.

Ключевые слова: музеи, музейная деятельность, историко-культурное наследие, объединение музеев, Всероссийский смотр музеев, научно-исследовательская работа музеев, культурно-просветительская работа, пропаганда памятников, охрана памятников истории и культуры, Пензенская область

THE ACTIVITY OF MUSEUMS OF THE PENZA REGION FOR THE PROTECTION OF HISTORICAL AND CULTURAL MONUMENTS IN THE 1960S AND 1980S

N. Dimitrenko

*Penza State University of Architecture and Construction
ul. G. Titova 28, Penza 440028, Russian Federation*

Abstract

Aim. To analyze the work of museum institutions of the Penza region in the field of protection and popularization of historical and cultural heritage monuments from the 1960s to 1980s, which was characterized by increased museum activity both in the region and in the country as a whole.

Methodology. The article examines the key areas of work of museums in identifying, studying, documenting, preserving and promoting historical and cultural sites; forms of interaction with state and party bodies in the development and improvement of museum business. The article analyzes the legislative and regulatory legal documents that regulated the most important areas of museum activity, the formation and development of the museum network. During the research, historical-genetic, historical-comparative and systematic methods were used, which allowed analyzing the development of forms and various methods of work of museum institutions of the Penza region in the preservation of historical and cultural monuments.

Results. Museums were assigned the role of socio-cultural centers, which carried out their cultural, educational, educational and propaganda functions in working with the population on the basis of state ideological attitudes, programs and decisions of the party, focusing on the continuity of cultural traditions and achievements of Soviet society.

Research implications. The results of the research can be used in the development of relevant sections of courses on museum management and the protection of historical and cultural monuments, local history of the Penza Region, tourism development, as well as to improve the management system in museum activities for the study and preservation of the cultural heritage of the Penza region.

Keywords: museums, museum activities, historical and cultural heritage, association of museums, All-Russian Museum review, research work of museums, cultural and educational work, propaganda of monuments, protection of historical and cultural monuments, Penza region

Введение

Значительная роль в формировании исторической памяти, сохранении и популяризации историко-культурного наследия советского государства отводилась работе музеев, основными направлениями деятельности которых являлись научно-исследовательская, культурно-просветительская, идейно-воспитательная работа. Принятое в 1964 г. постановление ЦК КПСС «О повышении роли музеев в коммунистическом воспитании трудящихся» учреждало уже сформировавшиеся к этому времени основные функции музейной деятельности:

– дальнейшее улучшение работы музеев по коммунистическому воспитанию

трудящихся, пропаганде памятников материальной и духовной культуры;

– организацию во всех музеях, кроме мемориальных, отделов истории по советскому периоду, отражающих революционные, боевые и трудовые традиции советского народа с экспозицией успехов коммунистического строительства в СССР;

– необходимость развития краеведческого движения, укрепления связи музеев с промышленными и сельскохозяйственными предприятиями, учебными заведениями, научными и творческими обществами;

– использование музеев в учебно-воспитательной работе;

– расширение массово-просветительской работы музеев, особенно на селе.

Соответствующим органам поручалось разработать положение о музейном фонде СССР, а также принципы развития музейного дела в стране, предусматривающие создание единой системы музеев с определением их типов и профиля, комплектования и экспонирования материалов.

В последующие годы был принят ряд партийно-правительственных и законодательных документов, определивших дальнейшие направления государственной политики в отношении охраны культурного наследия и деятельности музеев, занимающих важное место в обеспечении сохранности, изучения, документирования и популяризации исторических и культурных памятников: Закон РСФСР «Об охране и использовании памятников истории и культуры» (1978 г.), Постановление Совета Министров РСФСР «О мерах по дальнейшему улучшению работы музеев в РСФСР» (1983 г.) и др.¹ Так, в числе программных мероприятий XXV съезда КПСС (1976 г.) было указано на необходимость «улучшать работу музеев, охрану и пропаганду памятников истории и культуры»². Ключевыми направлениями проводимой государственной политики в области музейного дела являлись осуществление мероприятий по улучшению содержательной деятельности музеев; развитие музейной сети; усиление идеологической и образовательно-воспитательной роли музеев в коммунистическом воспитании трудящихся, особенно молодежи; обеспечение высококачественной научно-исследовательской, научно-просветительской работы; расширение научно-методической базы [1, с. 269; 3, с. 226, 230; 6, с. 171–172].

Изучением вопросов государственной политики в области музейного дела в обозначенных хронологических рамках занимались В. И. Златоустова, Л. Н. Мазур, К. Е. Рыбак, И. Г. Свичкарь, А. А. Федотова [3; 6; 7; 8; 10] и др. Исследования региональной практики развития музейной сети, деятельности местных музейных учреждений по сохранению и популяризации памятников истории и культуры представлены в научных работах Е. Н. Беневаденской, Н. Н. Будюкиной, О. А. Ландик, Е. Н. Мазалецкой, И. А. Сизовой [1; 2; 4; 5; 9] и др. Но вопрос организации деятельности музеев Пензенской области, формы их взаимодействия с государственными, партийными органами и общественными организациями в деле охраны историко-культурного наследия до сих пор не становился предметом специального научного исследования. Исходя из этого, целью работы является изучение деятельности музеев Пензенской области, основные направления их работы по сохранению и популяризации исторических и культурных памятников в середине 1960-х – первой половине 1980-х гг. Источниковую базу исследования составили опубликованные материалы; партийно-правительственные документы, регулировавшие музейную деятельность советского государства; архивные документы фондов Государственного архива Пензенской области (ГАПО); личные коллекции документов, значительная часть которых впервые введена в научный оборот.

Применение историко-генетического, историко-сравнительного и системных методов исследования позволили проанализировать различные формы и методы работы музейных учреждений Пензенской области, их участия в памятникоохранительной деятельности, а также развитие и совершенствование музейного дела в регионе в период 1960–1980-х гг.

¹ Вышеуказанные документы содержатся в Сборнике документов по музейному делу. 1964–1984. М.: ГИМ, 1987. С. 13.

² Материалы XXV съезда КПСС. М., 1976. С. 222.

Основные направления деятельности музеев Пензенской области в сохранении историко- культурного наследия

Взросший интерес широких масс населения к изучению историко-культурного наследия страны, проблемам сохранения памятников истории и культуры закрепил за музеями роль не только научно-исследовательских и культурно-просветительских центров, но и идеологических учреждений, деятельность которых была направлена на коммунистическое воспитание советского человека, бережно относящегося к наследию и традициям предшествующих поколений [2, с. 328–329]. В 1982 г. ЦК КПСС было принято постановление «Об улучшении идейно-воспитательной работы музеев», в котором давалась оценка состояния музейной работы в стране и намечались меры по её дальнейшему совершенствованию с тем, чтобы каждый музей «стал действенным центром воспитания». Значительное внимание обращалось на усиление директивного руководства музеями партийными комитетами, соответствующими министерствами и ведомствами; в организации экспозиций следовало обеспечить «чёткий классовый подход к освещению истории досоветского периода», отражая достижения советского общества в период развитого социализма и современной научно-технической революции¹. Рекомендовалось усилить внемузейные формы работы учреждений, организуя передвижные выставки фондов музеев и их широкий показ в сельской местности. Одним из ведущих направлений совершенствования музейной деятельности являлось централизация историко-краеведческих, естественнонаучных и мемориальных музеев через их объединения. В развитии музейной сети особое значение придавалось памятникам истории и культуры.

Одной из форм активизации музейной деятельности являлась организация и проведение Всероссийских смотров музейной работы, приуроченных к памятным и знаменательным датам (100-летие со дня рождения В. И. Ленина; образованию СССР, 50-летию ВЛКСМ, Октябрьской революции, Победе в Великой Отечественной войне), которые не только активизировали экспозиционную и собирательскую работу музеев, расширяли комплектацию их фондов, но и выявляли недостатки в проводимой музейной работе. Проводимые смотры несли идейно-воспитательную и научно-просветительскую направленность, ставя перед собой задачи, выдвинутые в постановлениях и решениях съездов ЦК КПСС, сосредотачивая внимание на патриотическом воспитании трудящихся в сохранении памятников исторического и культурного наследия и их популяризации [9, с. 110].

Так, в отчётной информации музеев Пензенской области об итогах областного этапа Всероссийского смотра работы музеев, посвящённого 100-летию со дня рождения В. И. Ленина, была отмечена активная работа областного краеведческого музея по организации новых тематических выставок и экспозиций, рассказывающая о жизни, революционной и научно-публицистической деятельности В. И. Ленина. Помимо собирательской, научно-исследовательской и экспозиционной работы сотрудниками музея проводилась и пропагандистская деятельность с привлечением радио, телевидения, печати, чтением лекций на предприятиях, в колхозах и учебных заведениях, систематически организовывались экскурсии. Областной краеведческий музей предоставлял практическую и методическую поддержку народным музеям, которых на начало 1970 г. насчитывалось 56 в регионе, по вопросам работы с фондами и оформлению музейных экспозиций².

¹ Музей – очаг воспитания // Правда. 1982. 20 августа. С. 1.

² Государственный архив Пензенской области (ГАПО). Ф. Р-2357. Оп. 1. Д. 491. Л. 15.

В отчётной документации смотра была упомянута собирательская и экспозиционная деятельность краеведческих музеев г. Кузнецка и г. Сердобска, Государственного музея-усадьбы В. Г. Белинского; отмечены проводимые реставрационные работы по восстановлению комплекса усадьбы Государственного Лермонтовского музея-заповедника «Тарханы» и музея А. Н. Радищева.

Необходимо отметить, что в смотре активно участвовали и представители общественности, ветераны партии, участники гражданской войны и Октябрьской революции. По итогам областного этапа Всероссийского смотра работы музеев, посвящённого 100-летию со дня рождения В.И. Ленина, областным оргкомитетом были выдвинуты на поощрение денежной премией и Почётной грамотой Министерства культуры РСФСР 2 музейных работника; к Почётным дипломам Министерства и культуры РСФСР и ЦК профсоюзов работников культуры представлены 21 работник музеев области и активистов музеев¹.

Период второй половины 1960-х – первой половины 1980-х гг. характеризовался активизацией краеведческой деятельности. Создание в 1965 г. Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры (ВООПИК) и его региональных отделений способствовало широкому вовлечению населения в дело сохранения, восстановления, пропаганды памятников историко-культурного наследия РСФСР и развитию общественного краеведения [8, с. 52]. Именно в этот период Пензенский областной краеведческий музей становится методическим центром краеведения, проводя активную работу по выявлению и изучению памятников истории и культуры. Так, заведующим исторического отдела музея М. Р. Полесских неоднократно организовывались научные экспедиции по выявлению и изучению археологиче-

ских памятников (курганов, могильников, городищ и селищ), расположенных на территории Пензенской области. Под его научно-методическим руководством проводились учебные археологические практики студентов-историков и преподавателей Пензенского педагогического института. По итогам археологических разведок фонды коллекции областного краеведческого музея пополнились уникальным археологическим материалом по истории заселения Пензенского края; были проведены научные исследования и паспортизация памятников археологии для дальнейшей постановки на государственный учёт и осуществления надзора за их сохранностью². Результаты археологических исследований, проведённых М. Р. Полесских, были отражены в научных публикациях, статьях, книгах, выступлениях и докладах на краеведческих конференциях.

В этот период сотрудниками музея проводилась систематическая научно-просветительская деятельность по популяризации историко-краеведческих знаний, сохранению памятников истории и культуры: издавались сборники научных трудов, краеведческая литература, посвящённая истории Пензенского края; выпускались путеводители по музею; публиковались статьи и исторические заметки в местной печати; читались лекции и доклады; организовывались тематические экскурсии, передвижные и стационарные выставки, посвящённые крупнейшим памятным датам страны [4, с. 266].

Проводились областные научно-краеведческие конференции, в работе которых активное участие принимали представители партийных и советских органов, комсомола, института усовершенствования учителей, культурно-просветительских организаций, Пензенского отделения Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры.

¹ ГАПО. Ф. Р-2357. Оп. 1. Д. 491. Л. 8-9.

² ГАПО. Ф. Р-2399. Оп. 1. Д. 48. Л. 1-8.

Значительное место в развитии музейного дела занимало школьное краеведение и организация поисково-собирательской работы учащихся, организация и формы работы которых строго регламентировались соответствующими положениями директивных органов¹. Активное участие молодёжи в работе по выявлению, изучению, пропаганде, взятию шефства над памятниками истории и культуры Пензенской области и обеспечение постоянного надзора и хода за ними; составление летописей по истории памятников и событий, связанных с ними; участие в туристических экспедициях и тематических походах по местам боевой и революционной славы; создание школьных музеев, ленинских комнат и комнат революционной, боевой и трудовой славы [5, с. 82]; кружковая работа; проведение массовых торжественных мероприятий у памятников и памятных мест осуществлялись при активной поддержке партийных и советских органов, комсомола, культурно-просветительских организаций, организационно-методическом руководстве учреждений народного образования и Пензенского отделения Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры (ПО ВООПИК). Проводимая учебными заведениями работа по изучению и сохранению памятников историко-культурного наследия способствовала популяризации поисково-краеведческого движения, формированию у молодого поколения патриотического отношения к историческому прошлому страны, родного края.

¹ Порядок организации школьных музеев, формы их работы определялись «Положением о школьном музее», утверждённым Постановлением Секретариата ЦК ВЛКСМ, коллегией Министерства просвещения СССР и коллегией Министерства культуры СССР в 1974 г. и «Типовым положением о музее, работающем на общественных началах», принятым Минкультуры СССР в 1978 г.

Развитие музейной сети Пензенской области

Период с 1970-х – 1980 гг. был ознаменован открытием ряда музеев на территории Пензенской области. Значимый вклад в культурное развитие региона, изучения, сохранения и пропаганды его исторического и культурного наследия внёс Г. В. Мясников, советский партийный, государственный и общественный деятель, историк-краевед. При его всемерной поддержке и плодотворной деятельности по развитию культурной жизни и музейного строительства в Пензе и области было открыто значительное количество музеев, связанных с именами знаменитых земляков и выдающихся деятелей отечественной культуры. В г. Пензе были открыты музей-читальня имени И. Н. Ульянова (1970); музей народного творчества при Пензенском областном отделении ВООПИК (1975), музей советского нейрохирурга Н. Н. Бурденко (1976), музей театра им. В. Э. Мейерхольда (1984), литературный музей (1989), музей В. О. Ключевского (1991). В 1981 г. на правах отдела объединения литературно-мемориальных музеев был открыт музей А. И. Куприна в Наровчатке. В 1977 г. в составе областного краеведческого музея был открыт дом-музей советского писателя А. Г. Малышкина в р.п. Мокшан, который в 1984 г. был преобразован в филиал Объединения литературно-мемориальных музеев Пензенской области. В 1983 г. по инициативе Г. В. Мясникова в г. Пензе, в здании, являющимся памятником архитектуры второй половины XIX в. был открыт уникальный для того времени музей одной картины – филиал областной картинной галереи, где систематически обновлялась экспозиция одним единственным живописным полотном выдающегося художника². Кроме того, в 1979 г. в целях сохранения и использования лучших образцов деревян-

² Мясников Г. В. Отчизна в сердце нашем. М.: Плакат, 1985. С. 126–133.

ного зодчества в г. Пензе предлагалось организовать на базе фрагмента городской застройки по Гоголевскому переулку музей деревянной архитектуры, этнографии и прикладного искусства как филиал областного краеведческого музея¹.

Значимым событием в музейной работе и для Пензенского края в целом была подготовка и проведение Лермонтовского праздника поэзии, проходившего ежегодно в начале июля в музее-заповеднике «Тарханы» и собиравшего тысячи почитателей таланта М.Ю. Лермонтова, включая известных деятелей культуры, искусства, литературы из союзных республик, Москвы, Ленинграда и других городов РСФСР, который стал со временем всесоюзным. Подготовка к проведению дня поэзии проводилась с участием музейных работников, партийных, советских, хозяйственных органов на всех уровнях².

Важным этапом в развитии и совершенствовании музейной деятельности в области явилось объединение музейных учреждений. Так, на основании решения Пензенского облисполкома № 17-7 от 27.08.75 г. и приказа Минкульта РСФСР № 816 от 17.09.75 г. было создано одно из первых в стране объединений государственных литературно-мемориальных музеев, в состав которого вошли музеи Пензенской области: Государственный Лермонтовский музей-заповедник «Тарханы», Государственный музей-усадьба В. Г. Белинского и Государственный музей А. Н. Радищева. Объединение представляло собой научно-исследовательское, научно-просветительское учреждение и как государственное хранилище памятников материальной и духовной культуры, связанных с увековечиванием в памяти народа имён М. Ю. Лермонтова, В. Г. Белинского и А. Н. Радищева³.

¹ Решение исполкома Пензенского горсовета народных депутатов №20-2 от 16.10.1979 г. «О мерах по сохранности и использованию лучших образцов деревянного зодчества в г. Пензе» // Личная коллекция документов архитектора С. Н. Еремеева.

² ГАПО. Ф. Р-2672. Оп. 1. Д. 2. Л. 1, 11-12.

³ ГАПО. Ф. Р-2357. Оп. 1. Д. 622. Л. 1.

Объединение литературно-мемориальных музеев являлось централизованным учреждением, работа которого осуществлялась на основе системного руководства – едином планировании научно-исследовательской, научно-просветительской, научно-экспозиционной, собирательской и фондовой работ, научно-методической работе, хозяйственной и финансовой деятельности, единой системе комплектования, учёта, хранения и использования фондов в исследовательских и просветительских целях. Централизация музейной системы была направлена на совершенствование управления и координирования деятельности однопрофильных музеев, более широкого и рационального использования музейных фондовых собраний и экспозиций, объединения усилий и ресурсов для совершенствования, и планирования работы музеев в научных и образовательных целях [9, с. 111]. В области массовой научно-просветительской работы Объединению Государственных литературно-мемориальных музеев Пензенской области ставилась задача проведения широкой пропаганды мемориальных памятников и экспозиций, добиваясь увеличения количества посетителей, музейных и внемузейных массовых мероприятий, популяризации русской и советской литературы. В области научно-хранительской работы Объединение должно было обеспечивать сохранность мемориальных ансамблей (усадеб, садов, парков, всех мемориальных зданий и сооружений, фондов музеев), их реставрацию и консервацию, создать условия для их широкого и рационального использования в научно-исследовательской и массовой культурно-просветительской работе⁴.

К началу 1980-х г. в Пензенской области функционировало 8 государственных музеев: 4 историко-краеведческих (Областной краеведческий музей, Кузнецкий краеведческий музей им. А. Н. Радищева,

⁴ ГАПО. Ф. Р-2357. Оп. 1. Д. 622. Л. 5.

Сердобский краеведческий музей, Наровчатский краеведческий музей); 3 итературно-мемориальных (Государственный Лермонтовский музей-заповедник «Тарханы», Государственный музей В. Г. Белинского, Государственный музей А. Н. Радищева), 1 художественный (Областная картинная галерея имени К. А. Савицкого)¹, 76 музеев, комнат боевой и трудовой славы работало на общественных началах, 11 из них было присвоено звание «народный» [7, с. 47]. Кроме того, в области имелось 4 ведомственных музея: музей народного творчества при областном отделении ВООПИК; музей хрусталя Никольского завода «Красный гигант», медицинский музей и музей Н. Н. Бурденко при областной больнице имени Н. Н. Бурденко².

Проведение ежегодных юбилейных мероприятий в музеях-усадьбах позволило выявить не только недостатки и ряд проблем в экспозиционной работе, но и нацелило на необходимость проведения системной реконструкции и благоустройства памятных мест. В 1979 г. Министерством культуры РСФСР был издан приказ «О мерах по дальнейшей мемориализации музея-заповедника «Тарханы», музея-усадьбы В. Г. Белинского, Государственного музея А. Н. Радищева Пензенской области», входящих в Объединение Государственных литературно-мемориальных музеев Пензенской области, определивший перечень мероприятий по разработке генеральных планов развития и ремонтно-восстановительных работ перечисленных музеев. В соответствии с приказом планировалось восстановление мемориального дома Радищевых для «повышения качества и дальнейшего расширения музейных мероприятий, повышения общего уровня содержания исторических памятников и деятельности Объединения» с привлечением к работе архитектурно-ре-

ставрационных мастерских института «Спецпроектреставрация»³.

Важным аспектом деятельности музеев являлась методологическая подготовка и повышение квалификации музейных кадров, которая включала в себя курсы повышения квалификации работников культуры, региональные и межрегиональные семинары, участие в научно-практических конференциях, заседаниях научно-методических советов и т. д. [3, с. 279]. Так, к началу 1980-х гг. персонал государственных музеев Пензенской области состоял из 207 человек, из которых 79 – научные сотрудники и экскурсоводы; 61 человек (из 79) имел высшее образование⁴. Так, в мае 1978 г. в г. Пензе и г. Белинском была проведена Всесоюзная научная конференция, посвящённая творчеству В. Г. Белинского⁵.

В условиях развития музейной деятельности Управлением культуры Пензенской области систематически велась годовая отчётность по характеристикам музейных фондов, численности музейных сотрудников, проводимой научно-просветительской работе музеев (численность проведённых экскурсий, лекций, выставок, проводимых в музее и вне музея), а также посещаемости музейных учреждений как главного показателя работы музеев. Росла и ежегодная посещаемость музеев. Так, в 1975 г. музеи посетили 424,5 тыс. человек, в 1979 г. – 556,8 тыс., в 1981 г. – 610,5 тыс.⁶

Увеличению посещаемости музеев во многом способствовала большая работа, проводимая музеями по созданию новых и совершенствованию существующих экспозиций, развитию выставочной деятельности. Вместе с тем в отчётной документации о состоянии музейного дела в Пензенской области содержались и критические замечания. Так, отмечался недостаток экспозиционных площадей

¹ ГАПО. Ф. Р-2357. Оп. 1. Д. 585. Л. 71.

² Там же. Оп. 1. Д. 780. Л. 1.

³ ГАПО. Ф. Р-2357. Оп. 1. Д. 691. Л. 90-91; 116-117.

⁴ Там же. Оп. 1. Д. 780. Л. 1.

⁵ Там же. Оп. 1, Д. 691, Л. 125-126.

⁶ Там же. Оп. 1. Д. 585. Л. 29-32.

в Кузнецком, Сердобском и областном краеведческом музеях, существующая же площадь позволяла экспонировать только до 10% имеющегося основного музейного фонда¹. Созданное в 1975 г. областное объединение литературно-мемориальных музеев показало эффективность и качество проводимой музейной работы, активизации научной и собирательской деятельности. В связи с чем был поднят вопрос о настоящей потребности в создании ещё одного профильного объединения – объединения историко-краеведческих музеев.

Среди замечаний было указано на слабый уровень массово-просветительской работы, проводимой на селе: малый процент обслуженности экскурсиями сельского населения, в недостаточной степени использовались площади сельских и районных домов культуры для организации передвижных выставок. Отмечалась слабая совместная работа музеев и бюро путешествий и экскурсий в рекламе экскурсионных мероприятий и выпуске соответствующих рекламных изданий. При разработке маршрутов туристских путешествий, загородных экскурсий не в полной мере практиковалось включение в них вновь организуемых филиалов музеев и малопосещаемых музеев.

Серьёзное внимание уделялось вопросу повышения квалификации музейных работников. Возможность стажироваться в центральных и головных музеях имели единицы, курсы повышения квалификации работников культуры для повышения профессионального уровня музейных работников не использовались².

В 1985 г. музеи Пензы и области участвовали во Всероссийском смотре музеев и памятников истории и культуры, посвящённом 40-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне. В ходе смотра была значительно укреплена материально-техническая база музеев: завершение капитального

ремонта Наровчатского, Сердобского и Нижнеломовского краеведческих музеев; открытие новых и перестройка имеющихся экспозиций, посвящённых теме Великой Отечественной войны; завершались работы по реставрации здания бывшего Крестьянского поземельного банка, в котором планировалось разместить областную картинную галерею им. К. А. Савицкого; открытие ряда музеев, работающих на общественных началах. В музее театра была показана театрализованная композиция «Василий Тёркин». В честь знаменательных дат в музее одной картины, областной картинной галерее, объединении литературно-краеведческих музеев были организованы встречи с ветеранами, художниками, поэтами, писателями-участниками войны, встречи фронтовиков и т. д. [10, с. 126]. В ходе смотра была проведена большая работа по распространению среди широких масс населения знаний о памятниках и событиях, связанных с ними: организация цикла передач на местном телевидении; проведение краеведческих викторин совместно с редакциями областных газет и публикации краеведческих заметок; проведение конкурса фоторабот и др.³

Сотрудниками государственных музеев и органов охраны памятников истории и культуры под руководством областного оргкомитета при участии партийного архива ОК КПСС, государственного архива, облОНО, Пензенского педагогического института им. В. Г. Белинского был подготовлен и проведён ряд конференций по проблемам краеведческой работы «Краеведение как средство военно-патриотического воспитания подрастающего поколения», «Боевой и трудовой вклад пензенцев в Победу советского народа в Великой Отечественной войне».

Важной стороной работы музеев Пензенской области в деле сохранения и популяризации памятников истории и культуры явилось участие в подготовке

¹ ГАПО. Ф. Р-2357. Оп. 1. Д. 780. Л. 6.

² ГАПО. Ф. Р-2357. Оп. 1. Д. 780. Л. 8.

³ Там же. Оп. 1. Д. 780. Л. 184-186.

Свода памятников истории и культуры по Пензенской области в период с 1979 по 1985 гг. Совместная работа сотрудников областного краеведческого музея с Пензенским отделением ВООПИК, краеведами, архитекторами, журналистами, осуществляемая под руководством научных сотрудников НИИ культуры при Министерстве культуры РСФСР, позволила выявить, изучить и паспортизировать значительное число памятников историко-культурного наследия Пензы и Пензенской области. Итогом проделанной работы были вышедшие «Материалы Свода памятников истории и культуры РСФСР. Пензенская область» в 1985 г., в которых были описаны 93 памятника и памятных места, связанные с историей культурной жизни Пензенского края¹. По результатам работы над Сводом, в целях изучения, сохранения и популяризации памятников истории, культуры и архитектуры сотрудники областного краеведческого музея обратились в адрес местных органов власти и культуры с предложением о необходимости создания музея архитектуры и истории застройки г. Пензы².

Заключение

Таким образом, проводимая в середине 1960-х – первой половине 1980-х гг. деятельность музеев по изучению, сохранению и популяризации памятников истории и культуры в Пензенской области руководствовалась осуществляемой государством политикой по отношению к историческому и культурному наследию. Принятые в этот период законодательные акты и постановления были нацелены не только на дальнейшее развитие, совершенствование и регламентирование музейной деятельности, но и рассматривали музеи как важный инструмент высокоидейной научно-исследовательской, культурно-просветительной и идеологической работы, ориентированной на коммунистическое воспитание трудящихся и пропаганду завоеваний развитого социализма музейными средствами. Региональная практика развития музейной сети, активизация научно-фондовой, собирательской, экспозиционно-выставочной и издательской деятельности музеев способствовала усилению общественного интереса к изучению истории советского общества, популяризации историко-культурного наследия и развитию памятникоохранительной деятельности.

Дата поступления в редакцию 18.01.2025

ЛИТЕРАТУРА

1. Беневаденская Е. Н. Региональная практика изучения местной истории в государственных музеях Алтая во второй половине 1960-х – первой половине 1980-х гг. // Преподаватель XXI век. 2017. Т. 2. № 3. С. 267–275.
2. Будюкина Н. Н. Влияние государственной политики на процесс формирования сети общественных музеев Тамбовской области (1970–1990-е гг.) // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2012. № 11. С. 328–333.
3. Златоустова В. И. Государственная политика в области музейного дела (1945–1985 гг.) // Музей и власть: сб. науч. тр. Ч. 1 / отв. ред. С. А. Каспаринская. М., 1991. С. 226–298.
4. Ландик О. А. Развитие научно-исследовательской деятельности в музеях Омской области в 1960–1980-х гг. // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2021. № 42. С. 264–273. DOI: 10.17223/22220836/42/24
5. Мазалецкая Е. Н. Деятельность Ярославского отделения ВООПИиК по привлечению молодёжи к сохранению памятников истории и культуры в 1970-е гг. // Вестник Московского го-

¹ Материалы Свода памятников истории и культуры РСФСР: Пензенская область / сост. А. Н. Дьячков. М.: Науч.-исслед. ин-т культуры, 1985. 181 с.

² Информация о ходе подготовки материалов к «Своду памятников истории и культуры Пензенской области» // Личная коллекция документов А. И. Дворжанского.

- сударственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2023. № 2. С. 79–85. DOI: 10.18384/2310-676X-2023-2-79-85
6. Мазур Л. Н. Провинциальный музей в фокусе культурной политики советского государства: между просвещением, пропагандой и памятью // Документ. Архив. История. Современность. 2023. Вып. 23. С. 157–177.
 7. Рыбак К. Е. Роль и место общественных музеев в музейной сети. М.: Институт Наследия, 2021. 134 с.
 8. Свичкарь И. Г. Деятельность государственных органов по охране историко-культурного наследия в Российской Федерации в 1960 – 1980 гг. // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. 2013. № 1. С. 52–56.
 9. Сизова И. А. Государственная политика в сфере музейного дела во второй половине 1950-х – начале 1990-х гг. и её местная реализация (на примере Томской области) // Вестник Томского государственного университета. 2016. № 402. С. 109–116. DOI: 10.17223/15617793/402/15
 10. Федотова А. А. Социокультурные функции художественных музеев России в 1960–1980-е гг. // Вестник Санкт-Петербургского государственного института культуры. 2018. № 2. С. 124–129.

REFERENCES

1. Benevalenskaya, E. N. (2017). Regional practice of studying local history in state museums of Altai in the second half of the 1960s – first half of the 1980s. In: *Teacher 21st century*, 2, no. 3, pp. 267–275 (in Russ.).
2. Budyukina, N. N. (2012). The influence of state policy on the process of forming a network of public museums in the Tambov region (1970–1990s). In: *Bulletin of Tambov University. Series: Humanities*, 11, 328–333 (in Russ.).
3. Zlatoustova, V. I. (1991). State policy in the field of museum affairs (1945–1985). In: Kasparinskaya S. A., ed. *Museum and power: collection of scientific papers. Part 1*. Moscow, pp. 226–298 (in Russ.).
4. Landik, O. A. (2021). Development of scientific research activities in museums of the Omsk region in the 1960–1980s. In: *Bulletin of Tomsk State University. Cultural Studies and Art Criticism*, 42, 264–273. DOI: 10.17223/22220836/42/24. (in Russ.).
5. Mazaletskaya, E. N. (2023). Activities of the Yaroslavl branch of VOOPiK to attract young people to the preservation of historical and cultural monuments in the 1970s. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: History and Political Sciences*, 2, 79–85. DOI: 10.18384/2310-676X-2023-2-79-85. (in Russ.).
6. Mazur, L. N. (2023). Provincial Museum in the Focus of the Cultural Policy of the Soviet State: Between Education, Propaganda, and Memory. In: *Document. Archive. History. Modernity*, 23, 157–177. (in Russ.).
7. Rybak, K. E. (2021). *The Role and Place of Public Museums in the Museum Network*. Moscow: Institute of Heritage (in Russ.).
8. Svichkar, I. G. (2013). Activities of State Bodies for the Protection of Historical and Cultural Heritage in the Russian Federation in the 1960s–1980s. In: *Bulletin of the South Ural State University. Series: Social and Humanitarian Sciences*, 1, 52–56. (in Russ.).
9. Sizova, I. A. (2016). State policy in the field of museum affairs in the second half of the 1950s – early 1990s and its local implementation (on the example of Tomsk region). In: *Bulletin of Tomsk State University*, 402, 109–116. DOI: 10.17223/15617793/402/15. (in Russ.).
10. Fedotova, A. A. (2018). Sociocultural functions of art museums in Russia in the 1960–1980s. In: *Bulletin of the St. Petersburg State Institute of Culture*, 2, 124–129. (in Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Димитренко Нина Васильевна – старший преподаватель кафедры градостроительства Пензенского государственного университета архитектуры и строительства;
e-mail: ninadim@yandex.ru; ORCID 0009-0004-9827-3564

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Nina V. Dimitrenko – Senior Lecturer, Department of Urban Planning, Penza State University of Architecture and Construction;
e-mail: ninadim@yandex.ru; ORCID 0009-0004-9827-3564

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Димитренко Н. В. Деятельность музеев Пензенской области по охране памятников истории и культуры в 1960–1980-е гг. // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: История и политические науки. 2025. № 2. С. 99–110.

DOI: 10.18384/2949-5164-2025-2-99-110

FOR CITATION

Dimitrenko N. V. The activity of museums of the Penza region for the protection of historical and cultural monuments in the 1960s and 1980s. In: *Bulletin of Federal State University of Education. Series: History and Political Sciences*, 2025, no. 2, pp. 99–110.

DOI: 10.18384/2949-5164-2025-2-99-110

УДК 94 (470)

DOI: 10.18384/2949-5164-2025-2-111-120

«РОК, КОТОРОГО НЕТ»: ЭВОЛЮЦИЯ ОТНОШЕНИЯ ВЛАСТИ СССР НА РОК-КУЛЬТУРУ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ПЕЧАТИ В ПЕРИОД 60-Х – 80-Х ГГ. XX ВЕКА¹

Семченков Н. А.*Государственный университет просвещения**105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Изучение отношения к рок-музыке со стороны власти через призму советской печати.

Процедура и методы. Исследованы периодические издания 1960-х – 1980-х гг.: «Музыкальная жизнь», «Московский комсомолец», «Ровестник», «Смена». В исследовании применены методы: анализа, синтеза, обобщения, хронологический и нарративный.

Результаты. Продемонстрирована эволюция отношения к рок-культуре со стороны властей Советского союза через призму отечественной печати, рассмотрены немногочисленные взгляды исследователей, занимавшиеся данным вопросом.

Теоретическая и/или практическая значимость. Исследование процесса развития отечественной рок-культуры 1960-х – 1980-х гг. углубляет понимание процесса формирования противоречий между советскими людьми и государством, что позволяет расширить понимание в вопросе дезинтеграции Советского Союза.

Ключевые слова: рок в СССР, «Московский комсомолец», «Ровестник», «Музыкальная жизнь», «Битлз», «Тбилиси-80», культурная жизнь, эпоха застоя, перестройка

"ROCK THAT IS NOT": THE EVOLUTION OF THE ATTITUDE OF THE USSR AUTHORITIES TOWARDS ROCK CULTURE THROUGH THE PRISM OF THE PRESS IN THE PERIOD OF THE 60S– 80S 20TH CENTURY

N. Semchenkov*Federal State University of Education**ul. Radio 10A, Moscow 105005, Russian Federation*

Abstract

Aim. To study the attitude to rock music on the part of the authorities, through the prism of the Soviet press.

Methodology. Such periodicals of the 1960s – 1980s as "Muzykalnaya zhizn", "Moskovsky Komsomolets", "Rovesnik", "Smena" were studied. The following research methods were used in the work: analysis, synthesis, generalization, chronological and narrative methods.

Results. The article demonstrates the evolution of the attitude to rock culture on the part of the authorities of the Soviet Union through the prism of the domestic press, and considers the few views of researchers who have studied this issue.

Research implications. The study of the development of domestic rock culture in the 1960s–1980s deepens the understanding of the process of formation of contradictions between Soviet people

© СС ВУ Семченков Н. А., 2025.

¹ В статье содержатся материалы А. К. Троицкого, упоминается Б. Б. Гребенщиков и группа «Аквариум». А. К. Троицкий и Б. Б. Гребенщиков признаны в РФ иноагентами.

and the state, which allows us to expand our understanding of the issue of the disintegration of the Soviet Union.

Keywords: rock in the USSR, Moskovsky Komsomolets, Rovesnik, Muzykalnaya Zhizn, The Beatles, Tbilisi-80, cultural life, the era of stagnation, perestroika

Введение

Рок-музыка в современном мире является обычным жанром, который играет по радио, добавляется слушателями в плейлисты на стриминг-сервисах или же рок-произведения собираются коллекционерами в виде дисков и аккуратно ставятся на полку, никто даже не задумывается, что у этой музыки было достаточно сложное становление на территории современной России, а на момент 1960-х годов – СССР. Появление рок-музыки в Союзе начинается с конца 1950-х годов с приходом зарубежных пластинок, которые не всегда легально попадали и распространялись на территории страны. Первые официальные музыкальные рок-коллективы – «Поющие гитары», «Песняры», «Веселые ребята» и т. д. – возникают в середине 1960-х годов. Количество официальных коллективов можно было измерить десятками, но параллельно с ними развивались и подпольные коллективы, но об их количестве сложно говорить, т. к. их творчество не освещалось СМИ, они не записывали официально свои записи, что создаёт трудности для понимания численности «андеграунд»-исполнителей.

Советская рок-культура является объектом изучения, порождающим вокруг себя большое количество споров и неточностей, вызванных отсутствием источников, которые могли бы позволить детально ознакомиться с отдельными историческими фрагментами развития данного культурного явления. Но есть очевидцы, которые представляют своё видение тех событий и того периода.

Музыкальный критик А. К. Троицкий в своей книге «Рок в союзе» [8] пытается детально рассмотреть процесс развития рок-эстрады на территории Советского союза, затрагивая наиболее значимые мо-

менты в становлении музыкального жанра. Работа содержит не только материалы, связанные с описанием официальных и неофициальных рок-коллективов, но также отражает исторический контекст, в котором творили музыкальные деятели, и проблемы, с которыми пришлось столкнуться музыкантам в рамках идеологического несоответствия музыкального жанра.

Исследователь вопроса советской рок-эстрады А. И. Кушнир создал серию книг [3; 4; 5], посвящённых формированию и развитию данного музыкального жанра на территории СССР. Работы автора выделяются тем, что содержат интервью с участниками событий, переписки, фрагменты дневников.

В данной работе проведён анализ периодических изданий, «Музыкальная жизнь», «Московский комсомолец», «Ровесник», «Смена», на предмет отношения и изменения взглядов советских властей к рок-музыке в период 1960-х – 1980-х гг. Выбор данных изданий обусловлен целевой аудиторией – советская молодёжь, среди которой рок-музыка была популярна. Рассмотрены важные события, позволяющие понять особенности развития данного музыкального жанра на территории СССР, выстраивая их в хронологической последовательности.

Появление рок-музыки на территории СССР

После Второй мировой войны мир раскололся на 2 части, где между собой делили уровни влияния 2 сверхдержавы – США и СССР. Страны социалистического блока для сохранения своих идей и ценностей ограждаются от стран западного мира. Жёсткая идеологическая сепарация просуществует недолго.

Чаще всего в современной историографии «просачивание» в «советский мир» западной культуры связывают с именем Н. С. Хрущёва. Генеральный секретарь стремился во внешней политике к мирному существованию 2 систем (капитализма и социализма) и наметил курс на постепенное сближение.

Вопрос о возникновении и распространении рок-музыки в СССР был рассмотрен О. С. Праздновой в статье «Специфика проникновения рок-культуры в СССР» [7]. Автор отмечает, что фестиваль молодёжи и студентов 1957 г. (Москва, 28 июля – 11 августа 1957 г.) открыл для советского общества много новых и интересных аспектов западной культуры. В их числе был и новый музыкальный рок-н-ролл стиль, ярким представителем которого стала песня Б. Хейли «Rock Around the Clock». Значимость данного фестиваля в вопросе развития жанра также отмечают и другие исследователи, в частности Т. Н. Невская [6].

Музыка, понравившаяся советской молодёжи, не нашла одобрения среди партийного руководства, считавшего, что данные композиции не имеют эстетической и идеологической ценности, а направлены на разложение общественного сознания. Попытки руководителей страны оградить население от «тлетворного влияния» западной культуры (органы цензуры запрещали издавать пластинки в жанре рок, программы музыкальных коллективов тщательно проверялись) лишь внесли вклад в популяризацию рок-н-ролла (а потом уже и рока): «запретный плод» мотивировал желание прикоснуться к нему, формируя таким образом базу для возникновения андеграунд-движений.

Стоит отметить, что граждане СССР познакомились с рок-н-роллом ещё до 1957 г., музыкальные ценители, имеющие возможность ловить радиоволны западных станций, записывали различные композиции на магнитные ленты, а после в тайне проигрывали их на дискотеках,

что говорит о постоянном существовании «подпольщиков», которые лишь начали распространяться с большей скоростью после фестиваля молодёжи [6].

О. С. Празднова и Т. Н. Невская отмечают огромное влияние на советскую молодёжь британской группы «Битлз». Рост числа желающих услышать любимых исполнителей стимулировал людей, обладающих техническими возможностями записи зарубежной музыки, «спекулировать» ими – так квалифицировались их действия в советском уголовном кодексе. А. И. Кушнир даёт описание одного из таких музыкальных магазинов «для своих»: «...В начале 60-х в самом центре Москвы... открылась студия звукозаписи. Надпись "Фотография", красовавшаяся у входа в здание, могла сбить с толку разве что случайных прохожих. Люди же опытные и просвещённые, поднимаясь по узкой лестнице, знали куда и зачем они идут. Под невинной вывеской "Звуковое письмо" там, вдали от городской суеты и любопытных взглядов гостей столицы, приютилась колыбель советской рок-звукозаписи» [3].

В быт советских людей входили магнитофоны – найти запись иностранной группы было проще на магнитной ленте, чем на пластинке, производство которой было достаточно дорогим и практически невозможным в рамках домашней студии. Люди, занимавшиеся не совсем законным распространением рок-музыки, понимали насколько материал привлекателен и иногда делали смелые шаги, чтобы привлечь больше слушателей и заработать денег. А. И. Кушнир так описывает эпизод, связанный с деятельностью одного из советских меломанов А. Агеева. «Когда в 67-м году ко мне попал диск "Сержант Пеппер", я провёл первую коммерческую операцию. В компаньоны я взял ребят со двора, среди которых были владелец пластинки и обладатель переносного магнитофона "Яуза-20". Вечером мы уселись в скверике на Лермонтовской и врубили на полную мощность "Beatles"... вскоре воз-

вращавшийся с работы народ начал кучковаться вокруг нас... Мы набрали кучу телефонов и адресов людей, желавших стать обладателями записи» [3].

Реакция на зарубежную рок-сцену в советских СМИ

Государство не могло не обращать внимание на новоиспечённое культурное явление, и чтобы покрыть информационные запросы советских меломанов в отношении полюбившихся артистов, СМИ начинают постепенно публиковать статьи и заметки, освещающие западную рок-эстраду.

В журнале «Смена» (февраль, 1964 г.¹) неизвестный критик в саркастической форме прошёлся по творчеству британской группы, называя содержание их пластинок «ливерпульским шумом», добавляя, что изначально никто из участников группы не думал о серьёзном успехе, а их музыкальные начинания были просто «дурачеством – вопить, прыгать и трястись под музыку»². В конце автор проводит аналогию между увлечением музыкой группы и заболеванием, подводя итог фразой – «...эпидемия продолжается»³.

Стоит отметить, что уже в 1967 г. советская фирма звукозаписи «Мелодия» выпустит первый официальный сборник британской музыкальной группы.

В 1968 г. журнал «Музыкальная жизнь» опубликовал статью «Битлз – лицо и сущность поп-музыки»⁴. Автор статьи Л. Переверзев, в отличие от безымянного автора заметки журнала «Смена», более деликатно подходит к освещению творческой деятельности британской группы. Он анализирует творчество группы с глубоким погружением в жанровую особенность, опираясь на разные точки зрения. Переверзев отмечает, что «ливерпульская четвёрка», начинающая с примитивного

заимствования музыкальных ходов у рок-н-ролла, в последующих альбомах начала противостоять данному жанру, используя в своём исполнении академичные приёмы игры на музыкальных инструментах, а также наполняя тексты философскими вопросами, которые соприкасаются с реалиями современности⁵.

После распада «The Beatles» советская пресса не прекращала освещать сольную деятельность бывших участников коллектива. В 1978 г. в «Московском комсомольце» выходит статья «Звучание Леннона»⁶, где кратко рассказывается о творческой жизни музыканта. Автор подмечает, что Джон Леннон в 1970 г. заявил о своей политической позиции в серии концертов «Люди за мир», из-за чего западные власти стали пристально следить за музыкантом. В журнале «Музыкальная жизнь» (1979, № 9) опубликована статья А. Троицкого «Пол Маккартни», наполненная размышлениями о творческом векторе музыканта, соприкосновении его творчества с работами «The Beatles»⁷.

«Ливерпульская четвёрка» не являлась исключением для советской периодики. В журналах «Музыкальная жизнь», «Ровесник» и газете «Московский комсомолец» выходили материалы, освещающие события западной рок-сцены.

Стоит отметить, что в журнале «Ровесник» иногда публиковались переводы статей из западных журналов. В 1978 г. вышла статья «Музыка с тонущего корабля» английского музыкального журналиста Ч. Ш. Мюррея в переводе Н. Рудницкой⁸. Материал сопровождается комментарием, в котором отмечается деструктивность и низость такого культурного явления как «панк» – поджанр, набирающий популярность на западной сцене. Деятельность представителей дан-

⁵ Там же.

⁶ Гуцин Л. Звучание Леннона // Московский комсомолец. 1978. 8 июля. С. 3.

⁷ Троицкий А. К. Пол Маккартни // Музыкальная жизнь. 1979. № 9. С. 22–23.

⁸ Рудницкая Н. Музыка с тонущего корабля // Ровесник. 1978. № 2. С. 19–20.

¹ Попрыгунчики // Смена. 1964. № 2. С. 17.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Переверзев Л. Битлз – лицо и сущность поп-музыки // Музыкальная жизнь. 1968. № 10. С. 22.

ного жанра, лицом которого выступали «Секс Пистолз», «Клэш», «Бойз», спровоцировала общественную реакцию на их «вульгарное» поведение на концертах, что ударило по деятельности панк-коллективов. Автор статьи пытается дать ответ на вопрос, заслуживают ли представители панк-сообщества порицания со стороны общества за своё творчество, в котором панки вольно высмеивают социум и его проблемы.

В журнале «Ровесник» за 1978 г. освещалось творчество таких групп, как “Queen”¹, “Pink Floyd”²: заметка о “Queen” содержит небольшую справку по работам коллектива, а также изобилует большим количеством цитат западных музыкальных журналистов, критикующих группу за отсутствие творческого движения; в статье о “Pink Floyd” подробно освещена дискография группы, особо подчёркнуто психоделическое звучание материала музыкального коллектива.

Иногда удовлетворяла запросы советских меломанов и газета «Московский Комсомолец», публикуя заметки в колонке «Клуб звуковой дорожки». Здесь можно найти информацию о группах «Смоки»³, «Корвина»⁴, «Флитвуд Мак»⁵.

Анализ прессы, направленной на молодёжную аудиторию, показал, что несмотря на скудность предоставляемой советским меломанам информации и тенденциозность формы подачи, тем не менее государство предпринимало попытки удовлетворить интерес советских слушателей, осторожно приоткрывая завесу, рассказывая о модных тенденциях западной музыкальной сцены.

Становление отечественной рок-сцены и её освещение в СМИ

Набирала обороты и советская рок-эстрада, но формирование данного культурного феномена на территории СССР не обошлось без трудностей.

Молодые советские музыканты, воодушевлённые звуками зарубежной музыки, приобщались к рок-движению, начиная создавать свои коллективы с конца 1960-х гг. По техническим причинам записывать материал музыкантам было довольно сложно, а качество на выходе оставляло желать лучшего. Новоиспечённые артисты брали публику путём живых выступлений. А. И. Кушнир отмечает: «Куда лучше обстояли дела с живыми выступлениями. Рок-концерты, как правило, были боевыми: сгорали усилители, разбивались об пол самопальные гитары» [3]. Такая экспрессивность и эпатажность должна была бы привлекать к себе внимание со стороны властей, но, как ни странно, конец 1960-х и 1970-е годы прошли для рок-культурного движения относительно тихо и без какого-либо давления. Дело было в том, что появление рок-движения совпало с появлением большого количества джазовых инструментальных ансамблей – они «оттянули» на себя внимание власти [2].

Рок-группы, желающие заниматься легальной деятельностью, примыкали к домам культуры, домам творчества, а государство помогало артистам, взамен получая возможность курировать их деятельность, а также контролировать популярность среди молодёжи среду. Рокеры становились вокально-инструментальными ансамблями (ВИА) [6]. В рядах ВИА в период 1960-х – 1970-х гг. оказались такие коллективы, как «Поющие гитары», «Земляне», «Машина времени», «Скоморохи» и др.

А. Д. Бородай в своей работе «Творческая молодёжь и комсомол: в поисках идейных скреп» [1] затронул вопрос помощи начинающим талантам со стороны государства в творческом и профессио-

¹ Троицкий А. К. Queen // Ровесник. 1978. № 1. С. 3.

² Троицкий А. К. Пинк Флойд // Ровесник. 1980. № 5. С. 20–21.

³ Осокин В. Смоки – звезда трех сезонов // Московский комсомолец. 1977. 14 мая.

⁴ Осокин В. Корвина в третий раз в союзе // Московский комсомолец. 1977. 15 октября.

⁵ Первухин В. Иди своим путем // Московский комсомолец. 1978. 12 августа.

нальном развитии, а также взаимоотношений рок-эстрады и государства. Автор отмечал, что комсомол оказал значительное влияние на легализацию деятельности молодых рок-коллективов, приводя в пример фестиваль «Весенние ритмы» в Тбилиси в 1980 г., ставшим первым событием в жанре рок-музыки [1].

В целом, с позицией А. Д. Бородая можно согласиться, но при детальном рассмотрении организации фестиваля можно увидеть, что полноценной творческой свободы у коллективов не было. Мероприятие стало возможным благодаря заместителю директора Грузинской филармонии Г. Канделаки. Музыкальный критик А. К. Троицкий отмечал, что данный фестиваль в западных странах сравнивали с американским фестивалем «Вудсток», но на самом деле схожесть «Тбилиси-80» с зарубежным аналогом была минимальна и заключалась только в том, что данные фестивали дали дорогу неизвестным, молодым талантам [8]. Мероприятие при всём своём стремлении к присущей жанру свободе и хаосу прошло в формате концерта в академичном и официальном тоне в закрытом здании филармонии, где выступающие группы оценивались жюри [8]. На мероприятии выступили 10 музыкальных коллективов из разных уголков страны, среди которых были как уже на шумевшая группа «Машина времени», так и никому неизвестный московский музыкальный ВИА «Автограф». Фестиваль, несмотря на весь официоз, не обошёлся без скандала, связанного с группой «Аквариум», участники которой вызывающе вели себя на сцене, исполняя песни с вульгарным, по мнению судей, содержанием. Лидер группы Б. Гребенщиков после этого фестиваля был изгнан из комсомольской организации. Но публика от мероприятия была в полном восторге, особенно зрители оценили и запомнили представителей бывшей андеграундной среды в отличие от «партийных» ВИА [8].

«Музыкальная жизнь» (1980, №12)¹ осветила рок-фестиваль в Тбилиси, упустив некоторые детали, связанные со скандальным выступлением группы «Аквариум», но отметив, что данное музыкальное событие наметило перспективы музыкального развития советской эстрады.

Параллельно с рок-движением, контролируемым властью, развивались подпольные рок-коллективы, устраивавшие квартирники, играющие по кафе и даже выступавшие на неофициальных фестивалях. «Тбилиси-80» не был первым рок-фестивалем, за 2 года до этого состоялся менее масштабный фестиваль в г. Черноголовка, привлёкший к себе много внимания молодёжи. В 1980 г. здесь же планировался и второй фестиваль, который так и не состоялся. Понимая масштаб мероприятия, местные чиновники решили согласовать его проведение с Москвой – первый секретарь Московского городского комитета комсомола А. Г. Борцов был озадачен странными названиями групп, которые были ему неизвестны [8].

Стоит отметить одну интересную «мистификацию», связанную с концертом, который должен был пройти в Ленинграде в июле 1978 г. В газете «Ленинградская правда» (июнь 1978 г.) была опубликована заметка «Концерт в Советском Союзе»², о предстоящем масштабном мероприятии, которое состоится 4 июля при поддержке США и СССР. Концерт был направлен на улучшение взаимопонимания 2 держав. На Дворцовой площади должны были выступить западные группы «Beach Boys», «Santana» совместно с представителями советской эстрады А. Пугачевой, ансамблями «Песняры» и «Ариэль». Но никакого концерта в итоге не было, так же как и заявлений о природе происхождения данной новости. Но были неприятные последствия для людей, которые пришли на Дворцо-

¹ Троицкий А. К. Молодёжная музыка восьмидесятых // Музыкальная жизнь. 1980. № 12. С. 23.

² Концерт в Советском Союзе // Ленинградская правда. 1978. 16 июня.

вую площадь и, выказывая недовольство, спровоцировали сотрудников милиции, что повлекло за собой противостояние между слушателями и сотрудниками правопорядка. Данное происшествие обросло большим количеством мифов, вплоть до того, что государство специально собрало любителей иностранной музыки для демонстративного наказания [5].

Несмотря на жёсткий контроль со стороны государства, который проявлялся в цензуре текстов, запрете на запись официальной пластинки, интерес советских граждан к рок-культуре не угасал.

Говоря о продвижении легальных ВИА, стоит отметить, что советские СМИ освещали их деятельность в период с 1960-х по 1970-е годы, выделяя только наиболее громкие события из мира рок-жанра. Любопытно и то, что понятие «рок» в советской прессе имело коннотацию бунтарского и деструктивного, поэтому применялось лишь к западным группам. Поэтому для отечественного варианта существовало название «биг-бит».

Журнал «Музыкальная жизнь» (1968 г., № 6) опубликовал статью о группе «Поющие гитары»¹. Автор пытается убедить читателя в том, что «культурная советская интерпретация» превосходит по своему уровню зарубежный рок; ВИА (по его мнению) лишь отдаёт дань жанру, исполняя композиции “The Beatles”.

Любопытно интервью Ю. Филипова после тура ВИА «Песняры»² по США, где подчёркивается, что для советских артистов гастроли были возможностью продемонстрировать культурную составляющую своей страны.

Анализ молодёжной периодической печати позволяет говорить о том, что к концу 1970-х рок-культура в стране прижилась: музыкальные коллективы играли на фестивалях, СМИ изредка, но публиковали материалы по вопросам

рок-музыки. В периодике встречаются статьи о деятельности не только советских музыкальных коллективов, но и западных групп.

В последние годы правления Л. И. Брежнева в Ленинграде был открыт первый официальный рок-клуб, второй сезон концертов в котором придётся уже на время руководства страной Ю. В. Андропова. Между прочим, здесь выступал и коллектив исключённого из комсомола Б. Гребенщикова.

Новый виток в истории взаимоотношений советских управленцев и рок-музыкантов начался в 1980-х гг. По мнению Т. Н. Невской [6], именно тогда начинается «антироковая» компания власти. К сожалению, исследователь не приводит ссылок на документы и не обозначает дату начала «травли».

На наш взгляд, смена отношения партийных лидеров к рок-культуре связана с июньским (1983 г.) Пленумом ЦК КПСС, посвящённом идеологической работе. Вопрос культурного воспитания был одним из основных предметов обсуждения Пленума. Во время выступления Ю. В. Андропов выделил основные задачи работы партии, в которых отметил необходимость поднятия идеологической воспитательной работы на новый уровень. Объяснением усиления коммунистической пропаганды служила политическая ситуация, сложившаяся в мире: «Во всей воспитательной и пропагандистской работе следует постоянно учитывать особенность переживаемого человечеством исторического периода. А он отмечен небывалым за весь послевоенный период по своей интенсивности и остроте противоборством двух полярно противоположных мировоззрений, двух политических курсов – социализма и империализма. Идёт борьба за умы и сердца миллиардов людей на планете. И будущее человечества зависит в немалой степени от исхода этой идеологической борьбы»³.

¹ Подверезский М. Поющие гитары // Музыкальная жизнь. 1968. №6. С. 20.

² Филинов Ю. Московскийсомолец // Песняры. Гастроли прошли успешно. 1977. 5 января.

³ Андропов Ю. В. Речь Генерального секретаря Центрального Комитета КПСС товарища Ю. В. Андропова.

К. У. Черненко в докладе «Актуальные вопросы идеологической, массово-политической работы партии» подчеркнул: «... Нельзя, например, не видеть, что на волне этой популярности подчас всплывают музыкальные ансамбли с программами сомнительного свойства, что наносит идейный и эстетический ущерб...», дав поручение компетентным ведомствам «...улучшить руководство развитием тех сфер духовной жизни общества, которые находятся в русле их деятельности»¹.

После поставленных на Пленуме задач корректировки культурной политики советские СМИ не прекратили освещение рок-эстрады, но в опубликованных материалах можно увидеть, как «похолодало» отношение журналистов.

В газете «Московский комсомолец» (1984, № 235) в рубрике «Ваше мнение» редакция ответила и прокомментировала письма читателей, увлекающихся музыкой. В заметке «Невпечатляющая экзотика»² представлены размышления читателей и редакции по вопросам молодёжной музыки, критикуются группы «Кино», «Аквариум», «Гулливёр», ранее вышедшие из «подпольной» деятельности, за отсутствие профессионализма в текстах, что данные группы-дилетанты интересны лишь из-за отсутствия аналогов в жанре. Данная заметка открывает череду материалов, критикующих и уличающих «в бездарности» советскую рок-самодетельность.

В 1984 г. «Московский комсомолец» опубликовал заметку М. Шапиро, главного редактора «Мелодии»³, что в стране появилось много музыкальных коллективов, но их материал «не сопоставим с советской идеологией». Например, в ком-

позиции «Береги свой хой» группы «Аквариум» рассматривается сила женской красоты, перед которой не могут устоять даже самые стойкие рок-музыканты; в творчестве группы «Кино» – «Бездельник», «Мои друзья» – воспевается вольная и беззаботная жизнь. Ни «Аквариум», ни «Кино» до периода «перестройки» не получили официальной пластинки, в их творчестве не было прямых антисоветских высказываний, но образ, создаваемый в песнях, по мнению партийного руководства, мог негативно повлиять на умы советской молодёжи. То же самое говорилось и в отношении зарубежных групп, в частности о «Pink Floyd» и их альбоме «The wall», лицензию на который компания не стала покупать по идеологическим причинам.

Заключение

Советская рок-культура развивалась стремительно, молодёжь СССР быстро включилась в данное музыкальное движение.

История взаимоотношения рока и власти в СССР сложнее, чем принято её оценивать в сформировавшемся публичном пространстве, и она не сводилась лишь к гонениям, вызванным взаимным неприятием. Советские чиновники, ведавшие культурной политикой, пытались «дружить» с рок-музыкантами, разрешив освещать творчество лояльных вокально-инструментальных групп в центральной печати и даже организовывая фестивали и клубы.

Ужесточение идеологического давления привело к уходу рок-движения в «подполье» и усилению в нём диссидентских настроений.

Историю взаимоотношений советской власти и рок-андеграунда можно разделить на 3 периода:

1. в 1960-е гг. власти поддерживали только зародившееся рок-движение. Бит-группы играли на институтских праздниках и студенческих танцах, озвучивали КВНы, холили и лелеялись администрацией вузов;

пова на Пленуме ЦК КПСС 15 июня 1983 года // Партийная жизнь. 1983. № 13. С. 4–14.

¹ Черненко К. У. Актуальные вопросы идеологической, массово-политической работы партии // Агитатор. Журнал ЦК КПСС. 1983. № 13. С. 16–33.

² Дедов Ю. Невпечатляющая экзотика // Московский комсомолец. 1984. 12 октября.

³ Шапиро М. Спрос спросу рознь // Московский комсомолец. 1984. 10 ноября.

2. в 1970-х гг. власти фактически не замечали андеграунд, будто его и не было вовсе;

3. в начале 1980-х рок-музыкантов и их поклонников начали активно преследовать. Вечер любителей рок-музыки мог начаться на подпольном концерте, а закончиться в отделении милиции – облавы проходили регулярно. Тюремные сроки получили А. Романов (лидер группы «Воскресение»), Е. Морозов (группа «ДК»), Ж. Агузарова (группа «Бра-

во»), В. Андреев (звукорежиссёр группы «Аракс») и некоторые другие звёзды андеграунда.

Изучение советской рок-культуры позволяет выявить ещё один аспект противоречий, возникший между советскими гражданами и государством, что может дополнить представления современных исследователей в вопросе дезинтеграции Советского Союза.

Дата поступления в редакцию 01.03.2025

ЛИТЕРАТУРА

1. Бородай А. Д. Творческая молодежь и комсомол: в поисках идейных скреп // Знание. Понимание. Умение. 2013. № 3. С. 144–153.
2. Ганкин Л. А. Полная история: Хождение по звукам. М.: АСТ, 2023. 560 с.
3. Кушнир А. И. «Аквариум»: Геометрия Хаоса. М.: Metamorphoses, 2023. 304 с.
4. Кушнир А. И. 100 магнитоальбомов советского рока. М.: Омега-Л, Metamorphoses, 2024. 400 с.
5. Кушнир А. И. Золотое подполье. М.: Омега-Л, Metamorphoses, 2024. 368 с.
6. Невская Т. Н. Становление молодежной рок-культуры в СССР в конце 50-х начале 80-х годов XX века // Известия российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена. 2008. № 36. С. 343–349.
7. Празднова О. С. Специфика проникновения рок-культуры в СССР // Ценности и смыслы. 2017. № 3. С. 111–119.
8. Троицкий А. К. Рок в союзе. М.: Искусство, 1991. 207 с.

REFERENCES

1. Borodai, A. D. (2013). Creative youth and the Komsomol: in search of ideological bonds. In: *Knowledge. Understanding. Skill*, 3, 144–153 (in Russ.)
2. Gankin, L. A. (2023). *Full history: Walking on sounds*. Moscow: AST Publ. (in Russ.)
3. Kushnir, A. I. (2023). *“Aquarium”: Geometry of Chaos*. Moscow: Metamorphoses Publ. (in Russ.)
4. Kushnir, A. I. (2024). *100 magnetic albums of Soviet rock*. Moscow: Omega-L Publ., Metamorphoses Publ. (in Russ.)
5. Kushnir, A. I. (2024). *Golden underground*. Moscow: Omega-L Publ., Metamorphoses Publ. (in Russ.)
6. Nevskaya, T. N. (2008). Formation of youth rock culture in the USSR in the late 50s – early 80s of the 20th century. In: *Bulletin of the Russian State Pedagogical University named after A. I. Herzen*, 36, 343–349 (in Russ.)
7. Prazdnova, O. S. (2017). Specifics of the penetration of rock culture in the USSR. In: *Values and meanings*, 3, 111–119 (in Russ.)
8. Troitsky, A. K. (1991). *Rock in the Union*. Moscow: Art Publ. (in Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Семченков Николай Андреевич – аспирант кафедры Новейшей истории России Государственного университета просвещения;

e-mail: Semchenkov.nikol@mail.ru; ORCID: 0009-0005-1994-9376

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Nikolai A. Semchenkov – Postgraduate student, Department of Modern History of Russia, Federal State University of Education;

e-mail: Semchenkov.nikol@mail.ru; ORCID: 0009-0005-1994-9376

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Семченков Н. А. «Рок, которого нет»: эволюция отношения власти СССР на рок-культуру через призму печати в период 60-х – 80-х гг. XX века // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: История и политические науки. 2025. № 2. С. 111–120.

DOI: 10.18384/2949-5164-2025-2-111-120

FOR CITATION

Semchenkov N. A. "Rock that is not": the evolution of the attitude of the USSR authorities towards rock culture through the prism of the press in the period of the 60s – 80s 20th century. In: *Bulletin of Federal State University of Education. Series: History and Political Sciences*, 2025, no. 2, pp. 111–120.

DOI: 10.18384/2949-5164-2025-2-111-120

УДК 94 (47)

DOI: 10.18384/2949-5164-2025-2-121-143

НОВЫЕ ГРАНИ АКТУАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ НОВЕЙШЕЙ ИСТОРИИ¹

**Марченя П. П.¹, Анфертьев И. А.², Шалаева Н. В.³, Учаев А. Н.⁴, Пенькова О. Б.⁵,
Филатов Ю. И.⁵, Керимова-Коджаева Т.⁶**

¹ Московский университет Министерства внутренних дел России имени В. Я. Кикотя
117997, г. Москва, ул. Академика Волгина, д. 12, Российская Федерация

² Российский государственный гуманитарный университет
125047, Москва, Миусская площадь, д. 6, Российская Федерация

³ Саратовский государственный университет генетики, биотехнологии и инженерии
имени Н. И. Вавилова
410012, г. Саратов, пр-т им. Петра Столыпина, д. 4, стр. 3, Российская Федерация

⁴ Саратовский государственный технический университет имени Ю. А. Гагарина
410054, г. Саратов, ул. Политехническая, д. 77, Российская Федерация

⁵ Донецкий государственный университет
283001, г. Донецк, Университетская ул., д. 24, Российская Федерация

⁶ Институт истории имени А. А. Бакиханова Национальной Академии наук Азербайджана
AZ1073, г. Баку, пр. Г. Джавида, д. 115, Азербайджанская Республика

Аннотация

Цель. В контексте современных теоретико-методологических подходов проанализировать некоторые аспекты новейшей истории России, охватывающие вопросы историософского, социокультурного и конкретно-исторического характера, раскрывающие суть советского государства.

Процедуры и методы. Представленные материалы основаны на подходах интеллектуальной истории, позволяющих выделить место СССР в истории XX в. В рамках этого подхода на основе системного и критического анализа изучены политические и социокультурные аспекты развития СССР.

Результаты. Проведён анализ транзита Русской идеи в контексте мировых процессов, выделены направления социокультурной эволюции России в новейшей истории.

Теоретическая и/или практическая значимость. Результаты проведённого анализа могут быть использованы для формирования более глубокого понимания сущности СССР, его места и роли в истории России. Обращение к историко-культурному опыту XX в. и социальным практикам позволяет выработать более объективное отношение к деятельности советского государства, подчеркнуть положительные методы и формы работы. Материалы можно использовать в преподавании социально-гуманитарных дисциплин базовой и вариативной части в процессе обучения студентов.

Ключевые слова: история СССР, национальный транзит, национальная идея, государственная политика, социокультурное развитие и культурные практики

Благодарность. Авторы статьи выражают искреннюю признательность сотрудникам Центра социально-политической истории Е. Н. Струковой, И. С. Кучанову, В. П. Ланиной, которые по-

© ССВУ Марченя П. П., Анфертьев И. А., Шалаева Н. В., Учаев А. Н., Пенькова О. Б., Филатов Ю. И., Керимова-Коджаева Т., 2025.

¹ По материалам выступлений на Международной научной конференции «Новые грани актуальных проблем новейшей истории» 14 февраля 2024 г.

могли в организации международной конференции «Новые грани актуальных проблем новейшей истории», в рамках которой прошла презентация коллективной монографии «Листая страницы истории... К 100-летию образования СССР».

NEW FACETS OF THE CURRENT PROBLEMS OF MODERN HISTORY

P. Marchenya¹, I. Anfertiev², N. Shalaeva³, A. Uchaev⁴, O. Penkova⁵, Yu. Filatov⁵, T. Kerimova-Kodzhaeva⁶

¹ *Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot ul. Akademika Volgina 12, Moscow 117997, Russian Federation*

² *Russian State University for the Humanities Miusskaya pl. 6, Moscow 125047, Russian Federation*

³ *Saratov State University of Genetics, Biotechnology and Engineering named after N. I. Vavilov prosp. Petra Stolypina, 4-3, Saratov 410012, Russian Federation*

⁴ *Saratov State Technical University named after Yu. A. Gagarin ul. Politechnicheskaya 77, Saratov 410054, Russian Federation*

⁵ *Donetsky State University Universitetskaya ul. 24, Donetsk 283001, Russian Federation*

⁶ *A. A. Bakikhanov Institute of History of the National Academy of Sciences of Azerbaijan G. Javid prosp. 115, Baku AZ1073, Azerbaijan Republic*

Abstract

Aim. In the context of modern theoretical and methodological approaches, to analyze some aspects of the contemporary history of Russia, covering issues of a historiosophical, socio-cultural and concrete historical nature, which reveal the essence of the Soviet state.

Methodology. The presented materials are based on the approaches of intellectual history, which make it possible to highlight the place of the USSR in the history of the 20th century. Within the framework of this approach, the political and socio-cultural aspects of the development of the USSR are studied on the basis of a systematic and critical analysis.

Results. The analysis of the transit of the Russian idea in the context of world processes is carried out, the directions of the socio-cultural evolution of Russia in recent history are highlighted.

Research implications. The results of the analysis can be used to form a deeper understanding of the essence of the USSR, its place and role in the history of Russia, an appeal to the historical and cultural experience of the 20th century, social practices allows us to develop a more objective attitude to the activities of the Soviet state, to learn positive methods and forms of work. The materials can also be used in teaching social and humanitarian disciplines of the basic and variable parts in the process of teaching students.

Keywords: history of the USSR, national transit, national idea, state policy, socio-cultural development and cultural practices

Acknowledgments. The authors of the article express their sincere gratitude to the staff of the Center for Socio-Political History E. N. Strukova, I. S. Kuchanov, V. P. Lanina, who helped organize the international conference "New Facets of urgent problems of modern History", within which the presentation of the collective monograph "Turning the pages of history ... To the 100th anniversary of the formation of the USSR" took place".

Марченя П. П.

СССР В ПРОШЛОМ И БУДУЩЕМ РОССИИ: РУССКАЯ ИДЕЯ И ОСОБЕННОСТИ НАЦИОНАЛЬНОГО ТРАНЗИТА

Тема настоящего исследования велика и необъятна. Прежде чем перейти к СССР, попробуем для начала ответить на два «простых» вопроса. Во-первых, это вопрос, над которым в течение веков бились лучшие (и не только) умы России (и тоже не только): так в чём же она, *Русская идея*? Во-вторых, а какова *формула русского транзита* – пресловутого самобытного, неповторимого и уникального исторического пути России? Понятно, что на такие вопросы в рамках формата статьи можно ответить лишь предельно редуцированно и крайне упрощёнными тезисами.

Начнём с *Русской идеи*. Сегодня, когда России противостоят полсотни с чем-то стран Запада, модно говорить о некой беспрецедентной «новой реальности», однако стоит бросить хотя бы поверхностный взгляд на нашу историю, на её реперные точки, как мы увидим множество прецедентов. В прошлом веке вместе с гитлеровцами против нас воевала практически вся континентальная Европа, весь «Евросоюз» того времени. Так же как и в позапрошлом веке вместе с Наполеоном к нам вторглась «армия двенадцати языков» Европы; да и в Крымской войне против нас тоже воевал весь коллективный Запад. Так же как и в Северной войне за спиной Карла XII явственно маячили «евросоюзнички» образца XVIII в.; и в Великой смуте XVII в. западные интервенты уже считали, что Россия «отменена» и можно приступать к «цивилизованному» дележу её ресурсов; и Ливонская война XVI в. была *войной Запада против России* [33].

В этом контексте ещё со времён крестовых походов тевтонцев и прочих «псов-рыцарей» Европы «Дранг нах Остен» можно наблюдать враждебность западной цивилизации в отношении

цивилизации российской как альтернативной и несовместимой с «европейскими ценностями», ибо Европа строится на идеях «разделяй и властвуй», «грабь слабых». Это цивилизация изначально рабовладельческая и колонизаторская, цивилизация «золотого меньшинства» за счёт ограбленного большинства.

Чтобы хотя бы в самых общих чертах приблизиться к объяснению Русской идеи, требуется отдельно пояснить, по крайней мере, три слова – *Крепость*, *Империя* и *Держава*.

Запад мнит себя «Градом на холме», Россия же – это «Крепость над пропастью». Россия, объективно, прежде всего, *Крепость*: она вынуждена отражать атаки по меньшей мере две трети своей истории. В информационной войне против России, нас, в частности, традиционно призывают каяться за то, что мы поздно отменили так называемое «крепостное рабство». Однако, во-первых, *рабства* как такового у нас не было никогда. Если и в США, и в Западной Европе были настоящее рабство и работорговля, откровенное отношение к человеку как имуществу, с которым можно делать всё, что угодно, и за это ничего не будет, то в России крепостное крестьянство имело и от государства, и от помещиков определённые гарантии (различные салтычихи – это исключение, которое подтверждает правило, они наказывались государством). При этом в тех же США, которые мнят себя эталоном мировой цивилизации, самое лютое рабство было даже де-юре отменено только в 1865 г. (в некоторых штатах ещё позже), а расовая сегрегация («чёрным и собакам вход запрещён») продолжалась ещё как минимум целый век. Если говорить о Западной Европе, то, например, в Нидерландах – европейском флагмане мировых буржуазных революций – рабство на островах отменили (и то сначала лишь формально) в 1863 г.

Но дело даже не в этом. Понятие «крепостное право» (не рабство!) про-

исходило от слов «крепость» и «право» – и фиксировало оно не только форму «за-крепощения» и эксплуатации, но и форму защиты населения, и форму мобилизации, *служения*. Крепостным правом были охвачены не только крестьяне – идеей служения, интеграции в «Крепость России» была охвачена вся система взаимодействия власти и общества, этой «крепости» служили все её сословия.

Теперь об Империи. «Империя Россия» [20; 37] – не империалистична [36], у нас, в отличие от империй Запада, не было колоний, за счёт которых жила метрополия, наоборот, мы строили не резервации, а школы, больницы, консерватории, университеты, академии, космопорты... поднимали уровень жизни присоединяемых народов за счёт народа-донора. Призывы русофобов к России повиниться за «имперское прошлое» и отказаться от «имперских амбиций» в настоящем – это призывы к нашему геополитическому и цивилизационному суициду, требования отдаться на поток и разграбление. *Империя* для России – это форма бытия самой российской цивилизации, средство организации не столько пространства, сколько сознания, способ единения власти и масс через определённые *императивы*, веления свыше, духовную вертикаль [35].

Слово «Держава» – от «держать», «удерживать». Мы *сдерживаем* Зло. Русский философ В. С. Соловьёв писал, что «задача права вовсе не в том, чтобы лежащий во зле мир обратился в Царствие Божие, а только в том, чтобы он до времени не превратился в ад» [53, с. 453]. В принципе, это и есть идея «России державной» [51] – сдерживать мировое зло, удерживать мир от сползания в глобальный ад стандартизированного общества потребления, где не останется никаких культурных и цивилизационных идентичностей и традиционных ценностей [34].

В этом смысле *Русская идея* – стоять на пути врага рода человеческого, не пускать любых кандидатов в мировые гегемоны, которые хотят «стандартизировать

глобус» и заставить жить всех по «эталонам», «правилам» и «понятиям» одной-единственной цивилизации. И мы эту задачу их века в век выполняем, останавливаем очередных карлов, наполеонов и гитлеров.

«Русскую идею» целесообразно разделить, как это большевики в своё время сделали, на «программу максимум» и «программу минимум». *Программа максимум* – это конструктивный проект «светлого будущего», привлекательного для многих народов; он был у Киевской Руси, Московского царства, Петербургской империи, Советского Союза... У постсоветской России его пока *нет*. Это наша основная проблема и самый главный вызов, который стоит перед Россией в противостоянии цивилизаций. А вот *программа минимум* элементарна – не допускать мировую нечисть и нежить к господству над миром.

По поводу «русского транзита» [32]. Ситуация сейчас сложилась не забавная. Идёт настоящая война цивилизаций, уже даже не только прокси-, а мы до сих исходим из шаблонов западной транзитологии, из схем разделения мира на «ядро» и «полупериферию» с «периферией», на страны «развитые», «цивилизованные», «передовые», «модернизированные», «демократические» («первый мир»!) и на «нецивилизованные», «варварские», «отсталые», «авторитарные» (миры «второй» и «третий»). Калька якобы «всеобщего» движения мира «от авторитаризма к демократии» присутствует в нашем общественном сознании как «аксиома». При этом сейчас всем вменяемым людям уже понятно, что демократии как таковой на Западе нет, а авторитаризмом там называют любой режим, который опирается на западные ценности. Если институции и ценности, которые внедряют «региональные» элиты, близки к «мировым лидерам», то они именуются «модернизацией», «реформами» (иногда даже «великими»), но любые попытки опираться на самобытные традиционные ценности

собственной цивилизации объявляются «реакцией», «контрреформами», «авторитаризмом».

«Формула русского транзита», предельно упрощённая, это не «авторитаризм – демократия», а «Империя – Смута – Империя». Где «Смута» – это временное расстройство имперской системы взаимодействия власти и масс, при котором элиты утрачивают цивилизационную идентичность и единство с массами и действуют в интересах другой цивилизации.

Наша история знает, по крайней мере, три великие русские смуты [38; 39; 40; 41; 42; 43]: XVII века, 1917 года и текущая, которая началась в 80-е годы прошлого столетия, переросла региональные рамки и стала глобальной. Первые две *великие смуты* закончились сметением всех вестернизированных декораций, изгнанием интервентов и уверенным продвижением российской цивилизации по своему имперскому пути. Родившаяся в результате Второй смуты Советская империя, ещё более великая и могучая, чем предыдущая, сломала хребет нацистскому зверю, вывела человечество в космос, звала его к звездам и много чего ещё [54], однако успех измены на самом высоком уровне стал возможен потому, что позднесоветские элиты отошли от императивов Русской идеи, решили «стать как Запад». И вот почти 40 лет мы находились в состоянии цивилизационной капитуляции.

Хотим знать, что будет? Припомним, что уже было. История учит, что Россию «отменить» не получится, что «Четвёртого Рима» не будет.

И возвращаясь к СССР. Советский Союз, если говорить об *Идее* (не о «географии», не о «названии», а о *смысле*), – это не столько прошлое, сколько будущее. Надо уже называть вещи своими именами. Постсоветское пространство, так или иначе, нуждается в интеграции. Возвращение Империи – это возвращение смысла. И если там не будет нашей империи, будет какая-то другая.

Анфертьев И. А.

ОСОБЕННОСТИ ПОДГОТОВИТЕЛЬНОГО ПЕРИОДА В УЧРЕЖДЕНИИ СССР: ПО ДОКУМЕНТАМ РУКОВОДЯЩИХ ОРГАНОВ РКП(Б) 1918–1922 ГГ.

Образованию СССР в конце декабря 1922 г. способствовали как минимум 2 фактора: завершение в основном «горячей» фазы Гражданской войны; включение накануне этого важнейшего события в состав РСФСР значительных дальневосточных территорий бывшей Российской империи (ДВР). В результате в декабре 1922 г., если сравнить границы прежнего и нового государств, бывшего (имперского) и нового (советского, РСФСР), приобрели отчётливую внешнюю схожесть, но вместе с тем обозначились и территориальные потери: Царство Польское, Великое княжество Финляндское, губернии Бессарабская, Виленская, Гродненская, Ковенская, Курляндская, Лифляндская, Подольская, Эстляндская. Данным событиям посвящена значительная советская, постсоветская и современная историография [1; 27; 29; 30], сборники документов [10; 14; 19; 46; 49] и мемуарная литература [5; 22].

Документы, связанные с позицией В. И. Ленина и других деятелей РКП(б) по национальному вопросу, целесообразно делить на дооктябрьский и послеоктябрьский с 1917 г. периоды. Первый представлен позицией В. И. Ленина. Он считал, что необходимо привлечь к сотрудничеству с большевистской группой в РСДРП национальные социал-демократические организации – Бунд, социал-демократов Польши, Латвии, Финляндии¹. В статье «Критические заметки по национальному вопросу» (1913) В. И. Ленин отмечал, что «национальный вопрос выдвинулся в настоящее время на видное место среди вопросов общественной жизни России,

¹ Ленин В. И. VI (Правая) всероссийская конференция РСДРП. 5–17 (18–30) января 1912 г. // Полн. собр. соч. Т. 21. М.: Политиздат, 1968. С. 134–135, 154–155.

это очевидно»¹. В многонациональном государстве, по его мнению, не должно быть одного государственного языка, каждая национальность имеет полное и неотъемлемое право на свой язык и на государственное отделение²; недопущение «национальных привилегий и... национального неравноправия»³. Вместе с тем, по мнению В. И. Ленина, его сторонники, марксисты, «не будут проповедовать ни федеративного принципа, ни децентрализации», а централизованное крупное государство, имея в виду, по всей вероятности, Российскую империю, есть «громадный исторический шаг вперёд от средневековой раздробленности к будущему социалистическому единству всего мира»⁴.

В работе «О праве наций на самоопределение» (1914) В. И. Ленин рассматривал национальный вопрос на фоне развития революционного движения в европейских странах. Он считал, что ускорение капиталистических отношений способствует интернационализации пролетариата, спланирует угнетаемых представителей различных национальностей в борьбе против угнетателей в мировом масштабе⁵. Особенностью России является единство борьбы «пролетариата угнетённых наций и пролетариата угнетающей нации»⁶. Пролетариату России, по мнению В. И. Ленина, предстоит бороться «со всяким национализмом и в первую голову с национализмом великорусским; признание не только полного равноправия всех наций вообще, но и равноправия в отношении государственного строительства, т. е. права наций на самоопределение, на отделение; а наряду с этим, и именно в интересах успеш-

ной борьбы со всяческим национализмом всех наций, отстаивание единства пролетарской борьбы и пролетарских организаций, теснейшего слияния их в интернациональную общность, вопреки буржуазным стремлениям к национальной обособленности»⁷.

На III Всероссийском съезде советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов (10–18 (23–31) января 1918 г.) И. В. Сталин выступил с докладом о федеральном устройстве республики и о национальной политике советской власти [10, с. 224]. Как известно, 1 марта 1918 г. между РСФСР и Финляндской социалистической рабочей республикой, которая на тот момент не существовала, был заключён договор, в соответствии с п. 15 которого часть территории бывшей Российской империи отчуждалась в полную собственность Финляндии, если на то будет согласие свободно опрошенного местного населения [10, с. 233]. В этом конкретном случае местное население выразило своё несогласие вместе с землей, на которой оно проживало, перейти в финское подданство, к тому же и в самой Финляндии к 10 апреля 1918 г. установить, как планировалось большевиками, советскую социалистическую республику не удалось. Однако переданная в начале 1918 г. территория так и осталась за финнами, что и было подтверждено договором 1920 г. между РСФСР и Финляндией [10, с. 236]. Как в ситуации с заключением в марте 1918 г. Брест-Литовского мирного договора, в соответствии с которым советская Россия утратила значительную часть собственной территории. Часть утраченных территорий впоследствии пришлось возвращать в ходе Гражданской войны. Эти обстоятельства отразились в советской историографии, когда национальные и территориальные проблемы исследовались по отдельности, данный историографический подход продолжает суще-

¹ Ленин В. И. Критические заметки по национальному вопросу // Полн. собр. соч. Т. 24. М.: Политиздат, 1973. С. 115.

² Там же. С. 118, 128, 130.

³ Там же. С. 141.

⁴ Там же. С. 144.

⁵ Ленин В. И. О праве наций на самоопределение // Полн. собр. соч. Т. 25. М.: Политиздат, 1973.

⁶ Там же. С. 317

⁷ Ленин В. И. О праве наций на самоопределение // Полн. собр. соч. Т. 25. М.: Политиздат, 1973. С. 319.

ствовать и в современной российской историографической традиции.

В ряде современных публикаций выявлены факторы, в результате которых, по мнению Л. Р. Амировой и Н. С. Мыслева, существовали объективные предпосылки для формирования советской союзной государственности [4]. В частности, к ним отнесены продолжавшаяся к 1922 г. в ряде регионов гражданская война, внешняя военная угроза, существование на территории РСФСР ряда национальных автономий, претендовавших на получение государственности. Так, в 1918–1922 гг. на территории советской России сложилась двухуровневая система национально-автономных образований. В первую группу входили автономные республики: Туркестанская, Башкирская, Татарская, Карельская, Бурятская и др.; вторую группу составили автономные области: Чувашская, Коми-Зырянская, Вотская и др. Помимо этого, существовал договор между РСФСР и советской Украиной от 28 декабря 1920 г., по которому формально последняя могла в перспективе претендовать на самостоятельный государственный статус [4, с. 464].

Обстоятельная картина сложных и во многом противоречивых политических событий, развернувшихся в Украине в 1918–1922 гг., подробно описана в исследовании В. В. Калашникова [23]. Создание независимой советской Украины автор датирует мартом 1919 г., когда III Всеукраинский съезд Советов провозгласил Украинскую советскую социалистическую республику (УССР), правительство которой из опасения возможной агрессии со стороны Польши выступило за союз с РСФСР. Самостоятельному государственному статусу УССР в немалой степени способствовали деятельность созданной в июле 1918 г. Компартии (большевиков) Украины, формально, но не фактически, о чём свидетельствуют архивные докумен-

ты¹ независимой от РКП(б) и украинской Красной армии [23, с. 109].

12 мая 1919 г. Политбюро ЦК РКП(б) поддержали инициативу военно-политического и хозяйственного объединения советских республик: РСФСР, Украины, Латвии, Литвы, Белоруссии и Крыма². Вместе с тем имелись и другие варианты: в частности, летом 1919 г. из-за наступления войск А. И. Деникина на Москву по инициативе зампреда РВСР Э. М. Склянского вооружённые силы указанных республик были включены в состав Красной армии³. 28 декабря 1920 г. правительства РСФСР и УССР заключили Союзный рабоче-крестьянский договор на паритетных, по сути федеративных, началах об объединении 7 ведущих наркоматов обеих республик [23, с. 119–120]. Следует, однако, отметить, что в деятельности некоторых украинских политических деятелей уже тогда просматривалось стремление в перспективе добиться конфедеративных отношений с РСФСР. Развернувшейся в 1917–1920-е гг. внутрипартийной борьбе вокруг модели национально-государственного строительства в СССР посвящено исследование В. В. Касьянова, А. В. Баранова, Ю. А. Яхутль [25]. А. А. Кульшанова [28] анализирует концептуальные подходы представителей национал-коммунизма к национальному развитию восточных регионов. Позиция сторонников этого течения отличалась от взглядов большевиков. Они считали, что при реализации национальной политики на Востоке необходимо учитывать местные особенности культуры, быта, традиции народов. Ислам, по их мнению, был консолидирующим фактором, который нельзя игнорировать. Яркие, неординарные высказывания представителей национальной

¹ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ), ф. 17, оп. 3, д. 3. л. 2; д. 7. л. 1, 3; д. 9. л. 1, 4; д. 11. л. 1, 5; д. 19. л. 1; д. 20. л. 1, 3; д. 26. л. 2; д. 42. л. 1, 3, 5

² Там же. Д. 7. Л. 1, 3

³ Там же. Д. 11. Л. 1, 5

элиты, во многом не совпадавшие с официальной идеологией, не были поддержаны властью, что впоследствии вылилось в репрессии против деятелей национал-коммунизма [28].

По мнению В. В. Касьянова, А. В. Баранова, Ю. А. Яхутль особенно острое противостояние в 1920–1921 гг. наблюдалось между Л. Д. Троцким, и И. В. Сталиным, но в условиях бесспорных лидерских позиций В. И. Ленина [25, с. 13–20]. Авторами отмечается, что по многим вопросам, в т. ч. и будущего национального устройства советской России, В. И. Ленин опирался на поддержку И. В. Сталина, в то время как последователями Л. Д. Троцкого, сторонника перманентной мировой революции в ЦК РКП(б), являлись такие влиятельные партийные деятели как Н. Н. Крестинский, Е. А. Преображенский, Л. П. Серебряков, Н. И. Бухарин. В 1920 г. на ноябрьском пленуме ЦК, а затем и в марте 1921 г. на X партсъезде Л. Д. Троцкий и его сторонники в этом отношении потерпели поражение. На апрельском пленуме ЦК победили сторонники В. И. Ленина и И. В. Сталина. В августе 1922 г. на XII партийной конференции была принята резолюция «Об антисоветских партиях и течениях» [25, с. 16–17], которая дала старт широкой кампании борьбы с инакомыслящими, закрепила правящее положение РКП(б) в советской России, обеспечила, по мнению авторов, образование СССР и строительство социализма в отдельно взятой стране.

Таким образом, проблемам подготовительного периода учреждения СССР, изучению документов руководящих органов РКП(б) 1918–1922 гг., в настоящее время уделяется значительное внимание. Вместе с тем нельзя не отметить, что сохраняется ослабленный интерес современных исследователей к трудам В. И. Ленина, И. В. Сталина, несмотря на их доступность, в первую очередь, к тем из них, в которых рассматриваются национальные и территориальные проблемы.

Шалаева Н. В., Учаев А. Н.

СОВЕТСКИЙ СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ДИСКУРС: ФОРМИРОВАНИЕ КАНОНА ОБРАЗА ВОЖДЯ

Победа большевиков в революционных процессах 1917 г. и создание пролетарского государства требовало от новой власти её легитимации (поддержки и согласия в обществе). Советской власти приходилось доказывать своё превосходство и право на управление социальными процессами, энергией и активностью масс, вызванными революцией. Это потребовало не только действий, направленных на мобилизацию общества, но и поддержки широких слоёв населения, которая должна была стать основой и опорой власти большевиков. В условиях революции и нарастающей гражданской войны, непопулярной политики «военного коммунизма» это была сверхзадача, что потребовало обращения не только к пропаганде и агитации, к революционной риторике, но и к визуализации этих идей посредством культурных практик [60]. Одним из направлений легитимации власти стало формирование на психоэмоциональном уровне в сознании общества позитивного образа власти и её акторов.

Традиционно дискурс рассматривается как сложная система понятий, знаков, высказываний [48; 57]. Поиск механизмов легитимации власти правительством способствовал развитию советского социокультурного и идейно-тематического (идеологического) дискурса, который «должен был послужить орудием разрушения мира капитализма и построения коммунистического общества» [56, с. 87]. Утверждение истинности идеологических постулат и мифологем советской власти опиралось не только на слово, но и на образы. В связи с этим можно говорить, что советский дискурс развивался как на вербальном, так и визуальном уровнях, способствуя становлению образов акторов власти.

С 1917 г. социокультурный дискурс был связан с утверждением идеологием, направленных на легитимацию власти, формированием её позитивного образа. На вербальном уровне происходит замена манифестов декретами, постановлениями, развитием советских СМИ и литературы. В условиях тотальной неграмотности населения особое значение имела визуализация слова, идеи. Выступления на митингах, площадях, народный массовый театр Пролеткульта, где доминировало устное слово, стали проводниками советского дискурса.

Социокультурный (вербально-визуальный) дискурс, которому в современной отечественной историографии уделяется большое внимание [2; 15; 16; 55], достигался средствами художественного выражения пластических видов искусства – скульптурой, монументальным искусством, живописью, графикой, фотоискусством, а также плакатами, марками, значками.

При формировании репрезентативного образа власти, её акторов (вождей) социокультурный дискурс способствовал выработке канонов как совокупности норм и правил воспроизведения. Утверждение в советском искусстве канона образа власти способствовало его стереотипизации и унификации в одежде, жестах, позах, деталях, представлению в обобщённой форме (революция, рабочий, солдат, крестьянин).

В историографии в большей степени уделяют внимание исследованиям визуального канона вождя в 1930-е гг. в рамках концепции культа личности [47; 48; 52] в контексте анализа либо тоталитарного [12; 13], либо советского массового искусства [9]. В 1930-е гг., когда окончательно сформировались государственные творческие объединения и был выработан соцреализм как метод художественного творчества и выражения, сформировался и канон, применяемый для изображения того или иного образа, в т. ч. и образа вождя. В отличие от этого десятилетия,

1920-е гг. – время становления канона в изображении вождя, время многообразия художественных методов и приёмов его изображения вербально и визуально.

В связи с этим нас интересует процесс формирования канона образа власти в его персонифицированном виде – изображение В. И. Ленина как вождя и символа революции.

В ходе исследования был применён структурно-семиотический подход, методы культурной антропологии и метод иконографического анализа. Репрезентация источников представлена художественным текстом (произведения советских писателей и пролетарских поэтов), а также монументальным, плакатным и станковым искусством.

Образ власти – конечная цель и результат её деятельности, это форма объяснения, воспроизведения и отражения представлений о власти в массовом и индивидуальном сознании общества на эмоциональном уровне [59, с. 77]. Эта модель (схема) включает в себя как репрезентацию власти, так и ожидания со стороны общества. В русском национальном сознании образ вождя связан с архетипом власти – заступник и покровитель – и поддерживается на эмоциональном уровне культурными механизмами воздействия на общество. Формируемый канонический образ вождя – художественный идеал как воплощение эпохи.

Механизм формирования репрезентативного канона вождя был выработан ещё в ранней советской праздничной культуре: создавались специальные комиссии по подготовке дня памяти или какой-то даты, объявлялись конкурсы, организовывались мероприятия, издавался методический материал и т. д. После смерти В. И. Ленина к дням памяти возводились памятники, ставились спектакли, снимались кинокартины, выпускались книги или художественные альбомы.

В первые годы существования советской власти отсутствовал образ единого

вождя. В вербальном и визуальном дискурсе говорилось о вождях революции: В. И. Ленине, Я. М. Свердлове, Л. Д. Троцком, А. В. Луначарском и др. Так, например, в середине 1920-х гг. объединение «Пролеткино» выпустило фильм «Галерея вождей русской революции»¹. К середине 1920-х гг. образ вождя был сконцентрирован в имени В. И. Ленина. Процесс персонификации образа власти начался задолго до смерти В. И. Ленина и связан был с покушением 30 августа 1918 г., хотя в газетах ещё говорится о вождях, одним из которых был В. И. Ленин². Уже в первую годовщину Октября были выпущены жетоны с изображением В. И. Ленина, который был сделан в январе 1918 г. с фотографии художника М. С. Наппельбаума [45, с. 116–122]. Вторым шагом стал 50-летний юбилей В. И. Ленина, когда в 1920 г. на IX съезде ВКП(б) ему устроили бурные овации после поздравления и организовали в его честь торжественный концерт.

В 1924 г. начинается процесс выстраивания канонического образа вождя. Сразу же после смерти Ленина 27 января 1924 г. в газете «Правда» вышла статья, в которой утверждалось, что Владимир Ильич имел 2 лица: «одно – обращённое к грядущим десятилетиям...; второе – это Ильич». Эта статья определила 2 канонических образа В. И. Ленина – вождь и человек.

На вербальном уровне канон вождя формировался в литературном нарративе, представленном публицистикой и художественной литературой. В 1919 г. была издана книга американского журналиста Дж. Рида «10 дней, которые потрясли мир», затем появляется «Россия во мгле» Г. Уэлса. После смерти В. И. Ленина была написана и опубликована знаменитая поэма В. В. Маяковского «В. И. Ленин», где поэт называет его «пророком» и «гением», человеком, в жизни которого отра-

жена эпоха. Поэма стала квинтэссенцией официального канона вождя как актора власти: «Партия и Ленин – близнецы-братья – кто более матери-истории ценен? Мы говорим Ленин – подразумеваем партия. Мы говорим партия, подразумеваем – Ленин»³. В дальнейшем наиболее широко образ вождя был представлен в детско-юношеской литературе.

Наравне с произведениями профессиональных писателей и поэтов, появляются литературные сочинения рабочих и крестьян, в которых В. И. Ленин представлен в сказочно-мифологизированном образе то былинного богатыря, то кормчего, то рабочего, то мудрого странника. Сказки, былины, притчи, песни – жанры, в которых воплотилось народное представление о Ленине как провидце, кормчем, вожде, мудреце и защитнике простого и угнетённого народа. Особое место в вербальном дискурсе занимает публицистика, представленная письмами селькоров в газеты «Беднота» и «Крестьянская газета»

Наиболее ярко канонический образ был представлен в визуальном дискурсе. Так, например, после 1918 г. фотографии В. И. Ленина стали публиковать на страницах печати. Во многом этому способствовала активность самого В. И. Ленина, который в дни новых пролетарских праздников мог до 6–8 раз выступать на различных митингах, посвящённых открытию монументальных памятников, на рабочих собраниях. Многие из этих выступлений документировались и фиксировались на фото. Во время этих выступлений его часто снимал фотограф и кинематографист-документалист В. Г. Гибер, оставивший свои воспоминания о В. И. Ленине⁴. Участие В. И. Ленина в субботниках января 1919 г. и 1 мая 1920 г., зафиксированное В. Г. Гибером в снимке, было в дальнейшем растиражировано и

¹ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 8326. Оп. 1. Д. 3. С. 23.

² Беднота. 1918. 31 августа. 4 сентября. Л. 1.

³ Маяковский В. В. В. И. Ленин // Маяковский В. В. Собр. соч. Т. 3. М.: Правда, 1978. С. 258–329.

⁴ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 4. Оп. 2. Д. 415.

перенесено в станковую живопись, породив миф о богатырском здоровье и силе вождя.

В пластических видах искусства мы фактически видим визуализацию литературных образов В. И. Ленина. Так, например, в скульптуре «Ленин – кормчий» или одноимённом рисунке неизвестных авторов был воплощён образ, описанный Е. А. Есениным в стихотворении «Письмо женщине». В политических плакатах времён гражданской войны мы встречаем изображение В. И. Ленина в образе горьковского Данко (Д. Моор. Плакат «В. И. Ленин», 1919 г.). Но уже после 1924 г. уходит многообразие изображения В. И. Ленина и формируется основная группа образов – вождь (разновидности – революционер, мыслитель, провидец, организатор) и человек (друг и внимательный собеседник).

Канонический образ требовал чёткой проработки репрезентации В. И. Ленина. Официальный образ – вождь, представленный в монументальной скульптуре, плакатах, на марках, требовал строгости, демонстрации устремлённости в будущее, определённой напряжённости. Здесь В. И. Ленин изображался в полный рост (на плакатах его фигура возвышалась над остальными), с простирающей рукой, сжатым кулаке или рукой, сжимающей кепку, в пальто или пиджаке. Образ человека представлен был, скорее, через позу, наклон головы или внимательный взгляд. Кинематограф, театр, литература, особенно детская, сочетали оба канонических образа, сохранявшиеся на протяжении всего советского периода. Образ Ленина стал символом эпохи и был представлен в неофициальном творчестве (детские рисунки) и подарочных промышленных товарах (ковры, посуда, хрусталь). И сегодня, несмотря на то, что советская эпоха ушла, канонический образ В. И. Ленина сохраняется в скульптуре, архитектурном декоре зданий, в мемориальных комплексах, что позволяет сохранять связь эпох и поколений.

Керимова-Коджаева Т.

НАУЧНЫЕ СВЯЗИ УЧЁНЫХ АЗЕРБАЙДЖАНА В 1920–1930-Е ГГ.

Вторая половина 20-х гг. XX в., несмотря на последствия Первой мировой войны, стала благоприятной для развития межгосударственных научных связей, Международные контакты молодой советской науки в условиях политической изоляции и конфронтации развивались сложно и неоднозначно. В то же время большевики понимали, что многие научно-технические проблемы (освоение богатств океана, охрана природы, борьба с серьёзными заболеваниями) не могут решаться силами отдельных учёных или научных коллективов. Руководство СССР осознавало, что решение важных научно-технических вопросов требовало изучения передового зарубежного опыта.

В начале 1921 г. Совнарком СССР принял решение о выделении «особого золотого фонда» для поездок советских учёных за границу и распространение за рубежом 2 500 опубликованных научных работ [30, с. 98–99]. Практически все международные контакты учёных находились под контролем ЦК ВКП(б). Советские партийные и государственные органы широко использовали научные контакты и в политических целях для продвижения позитивного образа СССР. Основными формами международных научных контактов страны советов в 1920–1930-е гг. были зарубежные научные командировки, участие в конгрессах и международных объединениях и ассоциациях, научных форумах, выставках, обмене научной литературой, личных контактах.

Расширению международных научных связей способствовало широкое празднование юбилея Академии Наук СССР в 1925 г. На празднование были приглашены десятки выдающихся учёных из 25 государств Европы, Азии и Америки. Юбилей положил начало широкой международной научной комму-

никации [21, с. 127]. С 1925 г. началась традиция проведения международных научных съездов на территории СССР.

Баку в 1920-е гг. был крупным центром науки и культуры, где работали тюркоязычные учёные и специалисты из всех республик и областей СССР. Этот факт сделал Баку центром мировой тюркологии, где состоялся I Всесоюзный тюркологический съезд. Хотя съезд имел статус всесоюзного, по числу делегатов он был международным. В его работе приняли участие крупнейшие учёные стран Востока и Западной Европы – Турции (М. Ф. Кепрюлюзаде, А. Гусейнзаде, С. Руфет и др.), Германии (Т. Менцель, М. Гартман, В. Радебольд и др.), Венгрии (Ю. Мейсарош, И. Конуш, Ю. Немец), Ирана (М. Солтанэ, И. Шабистари), Франции (Ж. Дени)¹.

Тюркологический съезд вызвал большой научный и общественный интерес. Немецкий журнал «*Der Islam*» опубликовал большой материал, отмечая, что съезд является «невиданным событием в мировой истории». Во Франции статью Ж. Кастанье о тюркологическом съезде в Баку поместил авторитетный журнал «*Revue du Monde Musulman*», в которой автор отмечал, что здесь собрались звезды «первой величины». Принятые в Баку решения имели огромное значение для советских тюрко-татар. «Баку стал центром исламского ренессанса» на просторах СССР [21, с. 116]. После тюркологического съезда в Турции по личной инициативе основателя Турецкой Республики Мустафы Кемаля Ататюрка для проведения реформы в области языка была создана специальная научно-лингвистическая «Комиссия по алфавиту». Комиссия на своих заседаниях 8 и 12 июля приняла проект алфавита на латинской основе, который вступил в силу 1 января 1929 г.²

В целях обмена научного опыта, изучения достижений мировой науки и техники в Азербайджан приглашались иностранные учёные и специалисты. Так, учёные, приехавшие в Москву на празднование 200-летия Академии наук СССР, были приглашены и в другие города СССР, в т. ч. и Баку. Это были крупные востоковеды: ректор Константинопольского университета М. Ф. Кепрюлюзаде, профессор Бомбейского университета Дж. Модии, директор Физического института в Калькутте, профессор Ч. В. Раман, профессор, тюрколог Т. Менцель и П. Витек (Германия) и др. [21, с. 126–127]. Профессор Дж. Модии выступил с докладами в историко-этнографической секции Общества 27 августа 1925 г. Во время пребывания в Баку он осмотрел храмы и достопримечательности Баку, Дербента, Абшерона [7, р. 37–38].

Баку привлекало и учёных-археологов. На территории республики проводились масштабные археологические исследования. Так на заседании историко-этнографической секции Общества выступали с результатами исследований учёные из Англии (У. Ф. Питри), Германии (К. Леман-Хауп), Финляндии (А. М. Тальгрэн) и др.³ Работы видного азербайджанского археолога А. Алекперова в области крашеной керамики глубоко заинтересовали зарубежных учёных, в частности, автора первой в мире грамматики хеттского языка Б. Грозного. Он по инициативе А. Алекперова приехал в Баку. 30 ноября 1936 г. в Институте истории АзФАН он прочитал лекцию сотрудникам института и студентам исторического факультета АГУ, посвященную достижениям хеттологической науки⁴.

В республику приезжали представители зарубежных организаций, писатели, известные учёные, педагоги. Так, в октябре 1927 г. Баку посетил французский

¹ Накануне Тюркологического съезда. Приезд делегатов // Бакинский рабочий. 1926. 25 февраля. С. 3.

² Королькова М. Латинский алфавит в Турции // Новый Восток. 1926. № 13-14. С. 457.

³ Государственный Архив Азербайджанской Республики (ГААР). Ф. 387. Оп 1, Д.45, Л. 39

⁴ Научный Архив Института Истории НАНА им. А.А.Бакиханова, инвентарь № 468-469. Л. 1-2.

писатель А. Барбюс, выступивший 25 октября в Доме работников просвещения перед бакинской интеллигенцией. Действительный член Восточной Академии наук Турции, профессор Константинопольского университета М. Ф. Кепрюлюзаде, находясь в Баку, в 1925 г. читал в АГУ курс древней турецкой литературы, участвовал в работе I Всесоюзного Тюркологического съезда, где выступил с докладом «Развитие литературного языка у тюркских народов». В 1926 г. им была опубликована работа «К исследованиям азербайджанской литературы» [6, с. 126–127].

Большим вкладом в развитие международных научных связей Азербайджана стали поездки азербайджанских учёных за рубеж, где они выступали с докладами, читали лекции, знакомились с достижениями иностранных специалистов и изучали опыт организации научных исследований. В 1926–1928 гг. группа азербайджанских молодых учёных-медиков (М. Мир-Касимов, М. Топчибашев, М. Гаджикасумов, И. Ахундов и др.) с целью повышения квалификации была отправлена в научную командировку в клиники городов Германии – Берлин, Лейпциг, Мюнхен.

Учёные республики избирались членами зарубежных научных обществ. Так, например, профессор Я. Варшавский стал членом Германского офтальмологического общества, участвовал в съезде в августе 1925 г. в г. Гейдельберге¹. Известный языковед, тюрколог, литературовед, выпускник Будапештского университета, профессор Б. Чобанзаде в 1935 г. был избран членом Парижского лингвистического общества [3, с. 126].

Ведущей организацией по развитию международных связей стало Всесоюзное общество культурной связи с заграницей (ВОКС), устав которого был утверждён ЦИК и СНК СССР 8 августа 1925 г. ВОКС сотрудничал с зарубежны-

ми обществами дружбы и культурных связей с СССР, созданных по инициативе прогрессивных общественных деятелей науки и культуры многих странах мира². Филиалы этого общества были открыты в некоторых республиках страны, в т. ч. и в Азербайджане. В феврале 1928 г. постановлением Закавказского ЦИК был организован Закавказский филиал Всесоюзного общества культурной связи с заграницей (ВОКС) с отделениями в каждой из 3 республик. В декабре 1931 г. в системе Наркомпроса был создан Азербайджанский филиал ЗОКСа³.

В сфере международного книгообмена большую роль играла переписка с зарубежными научными учреждениями о пополнении иностранными изданиями библиотеки Общества обследования и изучения Азербайджана. Труды, изданные Обществом по археологии, истории, языкознанию, экономике и природе республики, вызывали большой интерес не только в Советском Союзе, но и за рубежом. Общество обменивалось изданиями с научными организациями, обществами и научными центрами Европы и Америки: Королевским азиатским обществом (Лондон), Римской археологической ассоциацией (Италия), Нью-Йоркской публичной библиотекой (США), Германским Восточным Обществом и другими научными сообществами⁴. Так, в письме от 28 ноября 1929 г. к Обществу советник полномочного представительства Франции в СССР писал, что «полученные нами труды вашего научного общества и журнал «Известия Общества обследования и изучения Азербайджана» пересланы нами через французский комитет научной связи с СССР председателю французского общества по изучению Азии проф. Сильвен Леви... Помимо... во Франции ещё один центр по изучению Востока, а именно Национальная Школа Живых Восточных Языков. Оба эти на-

¹ ГА АР, Ф. 1640, оп. 1, д. 27, л. 88.

² ГА АР, Ф. 389, оп. 1, д. 47, л. 132; 20, с. 11, 12, 13, 18

³ Там же, д. 47, л. 1–4.

⁴ Там же, д. 45, л. 11, 12, 18.

учные центры охотно установят с Вашим обществом связи для взаимного обмена информацией и материалами»¹.

Научные достижения АзГНИИ распространялись далеко за пределы республики. Библиотека АзГНИИ за короткое время наладила международный книгообмен с США, Португалией, Финляндией, Англией, Турцией, Данией, Швецией, Францией и другими странами [44, с. 218–219]. Через ЗОКС поступали азербайджанские периодические издания: «Известия Общества обследования и изучения Азербайджана», «Известия Азербайджанского государственного университета» и др. В декабре 1931 г. в честь 10-летия ЗСФСР АзГНИИ выпустил журналы, посвящённые жизни республики на английском, немецком и французском языках².

Азербайджанским комитетом охраны памятников искусства и старины (Азкомстарис) был установлен обмен его «Известиями» с гамбургскими, нюрнбергскими и лейпцигскими музеями народоведения. В ноябре Американская ассоциация музеев в Вашингтоне обратилась в ВОКС с предложением установить связи с музеями республик СССР. В ответ на это Азгосмузей, Азсельхозмузей и Музей революции послали информационные материалы в музей США³.

К 1935 г. благодаря научному обмену была установлена связь со 150 научными учреждениями и академиями, университетами, библиотеками зарубежных стран. Были получены около 1000 иностранных экземпляров научных изданий, первые издания Академии наук Ирана, ценные научные труды по фольклору, изданные турецким министерством просвещения. Вашингтонская государственная библиотека собирала все труды по истории Азербайджана. В 1937 г. число таких за-

рубежных научных учреждений увеличилось до 400⁴.

В связи с программой индустриализации страны технические и прикладные науки, проектно-конструкторские работы были направлены в первую очередь на освоение зарубежного оборудования и его совершенствования. В 1920–1930-е гг. научно-технических взаимоотношений между СССР и США в области нефтяной промышленности большую роль играл Баку – в то время основной топливный источник страны. Несмотря на достижения бакинских учёных и инженеров, нефтяная промышленность на первых порах ещё не располагала многими видами оборудования отечественного производства и вынуждена была пользоваться машинами и оборудованием западных образцов. Чтобы изучить передовой опыт американской нефтяной техники многие азербайджанские учёные и инженеры, хозяйственные руководители направлялись в США, где знакомились с их опытом, проходили стажировку [26, с. 1; 52, с. 6]. По возвращении на родину они применяли полученные знания и опыт в практической работе на предприятиях и в лабораториях.

В эти годы при Азнефти для изучения достижений мировой науки и техники и зарубежного передового опыта был создан специальный «Комитет иностранного опыта». В 1928 г. в Баку были приглашены 10 зарубежных специалистов и учёных, столько же азербайджанских учёных, работавших в различных научных учреждениях республики, были отправлены в Америку для изучения нефтеперегонного дела⁵.

Бурное развитие нефтяной промышленности, открытие крупных нефтепромышленных предприятий создали предпосылки для тщательного исследования недр Азербайджана. Особенно большой

¹ Там же, д. 45, л. 13.

² Там же, д. 47, л. л. 1-4; 19, л. 1

³ ГА АР, Ф.387, оп.341, д. 315, л. 1.

⁴ Книги из Англии, Португалии, Польши // Бакинский рабочий. 1936. 21 апреля. С. 4.

⁵ Американские геологи в Азербайджане // Бакинский рабочий. 1926. 26 октября. С. 5.

вклад в развитие нефтяной науки и техники внесли польские специалисты, учёные, инженеры: П. Потоцкий, К. Калитский, С. Чарноцкий, К. Богданович, Л. Сырочинский, И. Ситковский и др. [58, s. 198–205].

Культурное сближение СССР с зарубежными странами получило мощный стимул к развитию в 1934 г. во время юбилея великого персидского поэта Фирдоуси. Отношения ещё более расширились и окрепли в результате работы проходившего в сентябре 1935 г. в Ленинграде и в Москве III Международного конгресса по иранскому искусству и археологии, на который съехались учёные из 25 стран. Азербайджанская делегация была утверждена в следующем составе: М. Саламов (председатель делегации, директор Азгосмузея), А. Алекперов, Е. Пахомов (Азгосмузей), Р. Мустафаев (Союз художников)¹.

К середине 1930-х гг. международные контакты были во многом свёрнуты. Ситуация с заграничными поездками советских учёных радикально изменилась, и здесь уже не дефицит финансов, а политический контроль стал решающим фактором. Необходимые и естественные элементы научного взаимодействия – командировка за границу, переписка и встречи с иностранными коллегами начала 1930-х гг. стали восприниматься в СССР как основания для обвинений в шпионаже, антисоветской деятельности или вредительской работе. В свою очередь, советская общественность из опасения быть заподозренной в связях с границей прекратила своё участие в работе секций ВОКСа, в итоге оно практически прекратило своё существование [24, s. 169].

Таким образом, в 1920–1930-е гг. азербайджанская наука, используя различные формы сотрудничества, сумела установить первые международные контакты, начать обмен информацией с учёными

других стран, познакомить зарубежную научно-техническую общественность с некоторыми из своих достижений, получить определённую информацию о работе зарубежных коллег.

Пенькова О. Б., Филатов Ю. И.

ТРАНСФОРМАЦИЯ СЕМЕЙНО-БЫТОВОЙ ОБРЯДНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ ДОНБАССА (1960–1980-Е ГГ.)

Семья всегда выступала первичной структурой общества, одной из важнейших сфер человеческой жизнедеятельности. Семейно-бытовая обрядность в образно-символической форме сопровождает важнейшие этапы жизни каждого человека – триаду жизненного цикла: рождение, создание семьи и смерть. Обобщённая трактовка семейных обрядов принадлежит французскому этнографу А. ван Геннепу, доказавшему сущность их генезиса как формы перехода из одного физического или социального состояния в иное – «обряды перехода» [11]. Изучению семейной обрядности населения УССР посвящены работы К. Л. Емельяновой и М. С. Бескороваиной [17], Н. И. Здоровеги [18], В. К. Борисенко [8], Н. С. Романовой [50].

На примере свадебной обрядности рассмотрим структуру, соотношение и трансформацию 3 основных уровней семейно-бытовой обрядности населения Донбасса в 1960–1980-е гг.: народного (традиционного или дохристианского), религиозного (христианского) и официального (государственного, светского).

С первых лет советской власти праздники и обрядность рассматривались как инструмент идеологического воздействия, средство антирелигиозной пропаганды. К концу 1950-х гг. в СССР сложилась система советских государственных и профессиональных праздников с установившейся обрядностью. В отличие от них регистрация актов гражданского состояния проходила без торжественных церемоний. В сельской местности ещё со-

¹ Архив Центра научного наследия Президиума НАНА, Ф.3, оп. 1, д. 2, л. 101.

хранились традиционные формы семейной обрядности, в городах важнейшие события (вступление в брак, рождение детей) отмечались домашней вечеринкой. Это свидетельствовало об отсутствии семейной обрядности в конце 1950-х гг.

На рубеже 1950–1960-х гг. в обществе развернулась дискуссия о целесообразности гражданских семейно-бытовых социалистических обрядов, что нашло отражение в постановлении ЦК КПУ 1963 г. «О мероприятиях по внедрению гражданских обрядов»¹. Ставилась задача создания светского брачного обряда, который должен стать альтернативой религиозному, быть торжественным и привлекательным. На основе постановления были разработаны методические рекомендации и сценарии обрядов, которые были направлены местным органам советской власти, профсоюзам, комсомольским организациям. Поиски новых форм обряда шли наработанными приёмами и методами. Так, в Харцызском районе Донецкой области в 1960 г. был проведён конкурс на лучший ритуал комсомольской свадьбы. В Макеевке в начале каждого месяца во Дворце культуры металлургического завода имени Кирова проводилось торжественное собрание-постановка, на котором по собственному сценарию регистрировали вступающих в брак. В отличие от многих других «инициатив сверху», обрядотворчество нашло понимание и отклик «снизу». Интерес к проблеме был настолько велик, что, в г. Краматорске Донецкой области, диспут «О новых советских обычаях и обрядах», организованный горкомом комсомола продолжался два вечера².

В СССР был разработан управленческий механизм реализации партийно-государственной политики в области гражданских обрядов, что привело к созданию отдельной структуры. В 1964 г.

при министерстве культуры УССР была создана «Республиканская комиссия по внедрению новых художественных ритуалов проведения советских обрядов и народных праздников», которая с 1969 по 1978 г. действовала при Президиуме Верховного Совета УССР.

В 1978 г. «Комиссия по советским традициям, праздникам и обрядам» была подчинена Совету Министров УССР. Курировал её деятельность отдел идеологии ЦК КПУ. Все решения Комиссии направлялись в ЦК ЛКСМУ и Украинский республиканский совет профсоюзов. После согласования решения были обязательны к исполнению. На местах обрядовые комиссии создавались при исполкомах местных советов.

Важным направлением деятельности Комиссии стала разработка гражданских ритуалов, которые сопровождали бы важнейшие события в жизни советского человека. В итоге был создан детальный сценарий обряда, призванного сопровождать официальную регистрацию брака, который был утверждён Республиканской комиссией в 1974 г.

В сценарии удалось на эмоционально-психологическом уровне соединить идеологическую основу и народные традиции – использование свадебных рушников, караваев, участие в церемонии свидетелей («дружки» молодых). Обмен обручальными кольцами, символическое чествование бокалом шампанского, зажиганием свечей скорее напоминало церковный ритуал. Проезд на автомобилях, украшенных свадебными кольцами, лентами и цветами после торжественной регистрации, было генетически связано с народной традицией – свадебный поезд. В сценарии акцент делался на государственной значимости гражданского обряда.

Необходимым условием внедрения и широкого распространения советской свадебной обрядности было создание материально-технической базы, инфраструктуры, обеспечение кадрового по-

¹ Центральный государственный архив общественных объединений Украины (ЦГАОО Украины). Ф. 1. Оп. 31, д. 2166, л. 4.

² Там же, д. 1671, л. 54–56.

тенциала обрядовой службы. В 1985 г. в УССР работало более 43 тысяч штатных и внештатных работников. Был решён вопрос оплаты их труда. Комиссия работала программу подготовки распорядителя обряда и её помощницы, обязательных регулярных курсов повышения квалификации, были рекомендованы варианты одежды и причёсок.

Достижением Комиссии стало открытие Дворцов Торжественных событий (Дворцов Бракосочетания или Счастья). Республиканской Комиссией были разработаны рекомендации по проектированию и строительству Дворцов, требования к их архитектуре, к отделке интерьеров. В Донецкой области первым в 1961 г. был открыт Ждановский (Мариупольский) Дворец Бракосочетаний. За первые 3 года работы в нём зарегистрировали брак 13 тысяч пар молодожёнов¹. В Донецке Дворец бракосочетаний открылся в 1965 г.

Обрядовая инфраструктура включала специализированные комбинаты бытовых услуг – ателье по пошиву одежды, где можно было заказать свадебное платье и костюм из дефицитной ткани, фотоателье, магазины сувениров. В крупных универмагах создавались отделы готовой свадебной одежды, ткани и обуви для торжества. В начале 1970-х гг. открывались специализированные магазины, которые назывались «Счастье», салоны обрядовых услуг. Создавались специализированные службы, включавшие прокат свадебной одежды, оказание помощи с автотранспортом, фото- и киносъёмкой, с заказом кафе, ресторана или столовой, организацией музыкального сопровождения и т. д. В 1979 г. Пленум ЦК КПУ дал высокую оценку их работе и отметил, что нужно «ускорить создание во всех областных центрах и крупных городах фирм обрядовых услуг»².

Гражданский обряд Торжественной регистрации брака по популярности значительно превосходил церковный обряд венчания, о чём свидетельствуют статистические данные. Так, в 1961 г. в Донецке (до 9 ноября 1961 г. г. Сталино) венчалось 45 пар, а в 1962 г. – 15, соответственно в Краматорске 32 и 9 пар, в Макеевке – 25 и 11 пар. В Жданове (Мариуполь) в 1963 г. в Дворце бракосочетаний было зарегистрировано 1600 пар, а венчалось 3 пары³. Удельный вес венчаний в Донбассе в советский период был значительно меньше, чем по республике. В 1976 г. по УССР – 4,2 % венчаний от общей численности зарегистрированных браков, по Донецкой области – всего 0,2%, в Луганской – 0,24%. Одна из причин низких процентных показателей венчаний была в том, что религиозные церемонии предполагали определённую публичность, а от священников требовалась фиксация сведений о том, кто и когда совершил обряд. В эпоху атеизма участие в церковных обрядах было связано с определённым риском, что способствовало росту популярности гражданского обряда. В 1976 г. в торжественной обстановке оформили отношения 94% брачующихся жителей Донецкой области и 92% Ворошиловградской (Луганской)⁴.

Если религиозная и гражданская официальная церемонии заключения брака сводились к акту его легитимизации, то народная традиция представляла собой целостный комплекс, состоящий из предсвадебных, собственно свадебных и послесвадебных традиций, обычаев и обрядов. В исследуемый период изменились целостность, содержание и смысловая нагрузка каждого из них. Записи свадебной обрядности 1978–1990 гг. в городах и сёлах Донецкой и Луганской областей позволяют утверждать, что традиционная свадебная обрядность сохранялась значительно лучше в сельской местности, где славян-

¹ ЦГАОО Украины. Ф. 1. Оп. 32., д. 401, л. 37.

² Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 148, д. 2628, л. 32.

³ Там же, д. 1110, л. 6.

⁴ Государственный архив ДНР Ф. 176. Оп. 1, д. 7, л. 82.

ское население (и украинцы слобожане, и русские, потомки однодворцев, и старообрядцы, и казачество) сохраняло все элементы структуры, хотя и в сокращённом виде. В городах народный свадебный комплекс сохранялся в упрощённом виде. Предсвадебные традиции – сватовство – сводились к знакомству родителей, часто без обрядовой составляющей. Кульминацией свадебного этапа становилась торжественная регистрация брака. Послесвадебный этап практически исчез.

Урбанизация, распространение городской культуры существенно повлияли на состояние традиционного свадебного комплекса, появились инновационные черты. Главным в свадебной обрядно-

сти населения Донбасса в 1960–1980-е гг. оставалась её традиционная социальная нагрузка, многократно усиленная государственной политикой.

Таким образом, в 1960–1980-е гг. празднично-обрядовая традиция в результате активной партийно-государственной политики была преобразована и вышла за рамки религиозного ритуала. Разработка и утверждение гражданской обрядовости способствовали развитию новой семейно-бытовой свадебной традиции при сохранении элементов народной культуры, активно поддержанной государством.

Дата поступления в редакцию 24.01.2025

ЛИТЕРАТУРА

1. Абрамов С. Г., Кузнецова А. А., Филина Н. В. Создание СССР: причины образования и последствия // Молодой учёный. 2019. № 14. С. 130–131.
2. Александрова М. В. Советский дискурс в социокультурном пространстве исторического города (на примере г. Ярославля) // Ярославский педагогический вестник. 2022. № 6. С. 236–243.
3. Ашнин Ф. Д., Алпатов В. М. Дело Бекира Чобанзаде // Восток. 1998. № 5. С. 125–133.
4. Амирова Л. Р., Мысляева Н. С. Образование СССР // E-SCIO. 2019. № 11. С. 462–467.
5. Антонов-Овсеенко В. А. Записки о Гражданской войне. Т. 3. М.; Л.: Высш. воен. ред. совет, 1932. 350 с.
6. Babayev A. Türksöyün birlik səsi. Bakı: Təhsil, 2006. 364 s.
7. Bombeyli professor Modi Azərbaycan haqqında // Bakı: Maarif və mədəniyyət. 1925. № 2. S. 37–38.
8. Борисенко В. К. Весільні звичаї та обряди на Україні. К.: Наукова думка, 1988. 192 с.
9. Бочкарева А. С., Хотина Ю. В. Формы агитационно-массового искусства в 20-е годы XX века в России [Электронный ресурс] // Научный журнал КубГАУ. 2016. № 121. URL: <https://ej.kubagro.ru/2016/07/pdf/34.pdf> (дата обращения: 09.03.2024).
10. Ленин В. И. Неизвестные документы. 1891–1922. М.: РОССПЭН, 2017. 607 с.
11. Геннеп ван А. Обряды перехода: Системат. изучение обрядов / пер. с фр. Ю. В. Ивановой, Л. В. Покровской. М.: Восточная литература, 1999. 198 с.
12. Глебкин В. Ритуал в советской культуре. М.: Янус, 1998. 168 с.
13. Голомшток И. Тоталитарное искусство. М.: Галарт, 1994. 294 с.
14. Гражданская война на Украине 1918–1920. Т. 2: Борьба против деникинщины и петлюровщины на Украине. Май 1919 г. – февраль 1920 г. / под ред. С. М. Королевского. Киев: Наукова думка, 1967. 918 с.
15. Дашкова Т. Культура и власть в условиях коммуникационной революции XX века: Идеология в лицах. Формирование визуального канона в советских женских журналах 1920–30-х годов. М.: АИРО-XX, 2002. 103 с.
16. Дашибалова И. Н. Образ детства в советском визуальном дискурсе 1930-х гг. [Электронный ресурс]. URL: <http://ik.childsoc.ru/doc/tashibalova.pdf> (дата обращения: 05.03.2024).
17. Емельянова К. Л., Бескорвайная М. С. Советские семейно-бытовые обряды. Л.: Знание, 1979. 120 с.
18. Здоровега Н. І. Нариси народної весільної обрядовості. К.: Наукова думка, 1974. 159 с.
19. Из истории Гражданской войны в СССР. Т. 3. Февраль 1920 – октябрь 1922 / под ред. Г. А. Белов и др. М.: Советская Россия, 1961. 891 с.
20. Империя Россия / под ред. Ю. М. Осипова, И. Р. Бугаяна, Е. С. Зотовой. М.: Изд-во МГУ; Ростов н/Д.: Изд-во Рост. ун-та, 2005. 512 с.

21. Иоффе А. Е. Международные связи советской науки, техники и культуры. 1917–1932 гг. М.: Наука, 1975. 429 с.
22. Какурин Н. Гражданская война в России: Война с белополяками. М.: АСТ; СПб.: Terra Fantastica, 2002. 730 с.
23. Калашников В.В. Образование СССР. Опыт Украины // Альтернативы. 2023. № 3. С. 106–120.
24. Kərimova T. Azərbaycan Milli Elmlər Akademiyası A. A. Bəkişanov adına Tarix İnstitutunun beynəlxalq əlaqələri (1920–2003) // Bakı: Azərbaycan MEA Tarix İnstitutunun Elmi Əsərləri, 2010. Cild 34–35. S. 167–185.
25. Касьянов В. В., Баранов А. В., Яхутль Ю. А. Образование СССР и внутривластьное противостояние в РКП(б) – ВКП(б) в 1920-е гг. // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. Серия: Исторические науки. Культурология. Политические науки. 2022. № 2. С. 13–20.
26. Керимова-Коджаева Т. Азербайджанская ССР и США: научно-технические связи в области нефтяной промышленности (20–30-е годы XX столетия) // Azərbaycan tarixşünaslığı. 2023. № 2. S. 45–56.
27. Кузнецова А. А., Филина Н. В. Создание СССР: причины образования и последствия // Молодой учёный. 2019. № 14. С. 130–131.
28. Кульшанова А. А. Доктрина национал-коммунизма: идеология синтеза коммунизма и национализма // Наука, техника и образование. 2017. № 4. С. 83–86.
29. Ковальков М. И. Образование СССР и его влияние на революционное и национально-освободительное движение // Позиция. Философские проблемы науки и техники. 2023. № 19. С. 213–215.
30. Ленин и Академия наук / под ред. П. Н. Поспелова. М.: Наука, 1969. 341 с.
31. Люцканов Й. Образование СССР: Взгляд на проблему межэтнического регулирования в XX веке спустя 100 лет // Вестник гуманитарного университета. 2023. № 1. С. 119–134.
32. Марченя П. П. Империя – Смута – Империя: историческая логика системных кризисов России, или формула русского транзита // Листая страницы истории... К 100-летию образования СССР / под ред. Е. Б. Дудниковой, Н. В. Шалаевой. Саратов: ЦеСАин, 2023. С. 6–30.
33. Марченя П. П. История России как путь к Победе: императивы Русской идеи в условиях войны // Наука. Общество. Оборона. 2023. Т. 11. № 3. С. 25–25.
34. Марченя П. П. Конституционализм и массы в истории системных кризисов России: иллюзии и реалии русского правового сознания // Историко-правовые проблемы: новый ракурс. 2023. № 3. С. 80–93.
35. Марченя П. П. Массы и массовое сознание: фактор социальной стабильности или угроза национальной безопасности? Уроки истории русских революций. М.: МосУ МВД России, 2017. 123 с.
36. Марченя П. П. Россия как Империя и Смута как расстройство ее цивилизационной идентичности // Цивилизационный суверенитет России: проблемы и дискуссии / С. Р. Аблеев, А. Л. Золкин, С. И. Кузьминская, П. П. Марченя. М.: МосУ МВД России, 2017. С. 67–129.
37. Марченя П. П., Разин С. Ю. Империя Россия: по материалам научного проекта «Народ и власть» // Вестник Гродненского государственного университета имени Янки Купалы. Серия 1. История и археология. Философия. Политология. 2020. Т. 12. № 3. С. 127–136.
38. Международный круглый стол «Народ и власть в российской смуте»: 1-я часть // Власть. 2010. № 4. С. 14–17.
39. Международный круглый стол «Народ и власть в российской смуте»: 2-я часть // Власть. 2010. № 5. С. 10–14.
40. Международный круглый стол «Народ и власть в российской смуте»: 3-я часть // Власть. 2010. № 6. С. 13–17.
41. Международный круглый стол «Народ и власть в российской смуте»: 4-я часть // Власть. 2010. № 7. С. 9–14.
42. Международный круглый стол «Народ и власть в российской смуте»: 5-я часть // Власть. 2010. № 8. С. 9–13.
43. Международный круглый стол «Народ и власть в российской смуте»: 6-я часть // Власть. 2010. № 9. С. 16–21.

44. Мусаева Т. Культура Азербайджана на рубеже эпох (20–30-е годы XX столетия). Баку: Elm və təhsil, 2015. 376 с.
45. Наппельбаум М. С. От ремесла к искусству. М.: Искусство. 1958. 142 с.
46. Образование Союза Советских Социалистических Республик / сост. С. В. Хармандарян, С. И. Якубовская. М.: Наука, 1972. 533 с.
47. Плампер Я. Алхимия власти. Культ Сталина в изобразительном искусстве. М.: НЛО, 2010. 496 с.
48. Raleigh D. J. Experiencing Russia's civil war: politics, society, and revolutionary culture in Saratov, 1917–1922. Oxford, 2002. 438 s.
49. РКП(б): Внутрипартийная борьба в двадцатые годы: документы и материалы. 1923 г. / сост. В. П. Вилкова. М.: РОССПЭН, 2004. 461 с.
50. Романова Н. С. Мировоззренческая функция социалистической обрядности. К.: Наукова думка, 1987. 187 с.
51. Россия державная. Ч. 1 / под ред. Ю. М. Осипова, М. М. Гузева, Е. С. Зотовой. М.; Волгоград: Волгогр. науч. изд-во, 2006. 472 с.
52. Рущинская И. И. Иконография Сталина. Репрезентация власти в советском искусстве 1930–1950-х годов. М.: БуксМАрт, 2021. 190 с.
53. Соловьев В.С. Оправдание добра. Нравственная философия // Соловьев В.С. Сочинения. Т. 1. М.: Мысль, 1990. 892 с.
54. СССР–100: круглый стол научного проекта «Народ и власть» // Гасырлар авазы – Эхо веков. 2022. № 4. С. 77–89.
55. Теплова Е. Визуальные образы советского детства // Этнодиалоги. 2020. № 3. С. 142–156.
56. Фан И. Б., Багичева Н. В. «Поднять инстинкты на вершину сознательности»: «новый человек» в идеологическом дискурсе большевиков // Политическая лингвистика. 2021. № 5. С. 86–97.
57. Фуко М. Археология знания. Киев: Ника-Центр, 1996. 208 с.
58. Chodubski A. Aktywność kulturalna Polaków w Azerbejdżanie w XIX i na początku XX wieku. Gdańsk: Wydawn. Uczelniane Uniwersytetu Gdańskiego, 1986. 60 s.
59. Шалаева Н. В. Формирование образа советской власти (1917–1920-е гг.): теоретический аспект изучения // Теория и практика общественного развития. 2013. № 12. С. 76–81
60. Шалаева Н. В. Образ советской власти: конструируя новую социальную реальность // Листая страницы истории... К 100-летию образования СССР / под ред. Е. Б. Дудниковой, Н. В. Шалаевой. Саратов: ЦеСАин, 2023. С. 231–253.

REFERENCES

1. Abramov, S. G., Kuznetsova, A. A. & Filina N. V. (2019). Creation of the USSR: Causes of Formation and Consequences. In: *Young Scientist*, 14, 130–131 (in Russ.).
2. Aleksandrova, M. V. (2022). Soviet Discourse in the Sociocultural Space of a Historical City (Based on the Example of Yaroslavl). In: *Yaroslavl Pedagogical Bulletin*, 6, 236–243 (in Russ.).
3. Ashnin, F. D. & Alpatov, V. M. (1998). The Case of Bekir Chobanzade. In: *Vostok*, 5, 125–133 (in Russ.).
4. Amirova, L. R. & Myslyaeva, N. S. (2019). Formation of the USSR. In: *E-SCIO*, 11, 462–467 (in Russ.).
5. Antonov-Ovseenko, V. A. (1932). *Notes on the Civil War. Vol. 3*. Moscow, Leningrad: Supreme Military Editorial Council (in Russ.).
6. Babayev, A. (2006). *Türksöyün birlik səsi*. Bakı: Təhsil.
7. Bombeyli professor Modi Azərbaycan haqqında. In: *Bakı: Maarif və mədəniyyət*, 1925, no. 2, s. 37–38.
8. Borisenko, V. K. (1988). *Wedding traditions and ceremonies in Ukraine*. Kyev: Naukova Dumka Publ. (in Russ.).
9. Bochkareva, A. S. & Khotina, Yu. V. (2016). Forms of propaganda and mass art in the 20s of the twentieth century in Russia. In: *Scientific journal of KubSAU*, 121. URL: <https://ej.kubagro.ru/2016/07/pdf/34.pdf> (accessed: 09.03.2024) (in Russ.).
10. Lenin, V. I. (2017). *Unknown documents. 1891–1922*. Moscow: ROSSPEN Publ. (in Russ.).
11. Gennep, van A. (1999). *Rites de transition: Systématique. Étude des rites*. Moscow: Vostochnaya Literatura Publ. (in Russ.).
12. Glebkin, V. (1998). *Ritual in Soviet Culture*. Moscow: Janus Publ. (in Russ.).
13. Golomshtok, I. (1994). *Totalitarian Art*. Moscow: Galart Publ. (in Russ.).
14. Korolivsky S. M., ed. (1967). *The Civil War in Ukraine 1918–1920. Vol. 2: The Struggle Against Denikin*

- and Petliura in Ukraine. May 1919 – February 1920. Kyiv: Naukova Dumka Publ. (in Russ.).
15. Dashkova, T. (2002). *Culture and Power in the Context of the Communication Revolution of the Twentieth Century: Ideology in Faces. Formation of the Visual Canon in Soviet Women's Magazines of the 1920s and 1930s*. Moscow: AIRO-XX (in Russ.).
 16. Dashibalova, I. N. *The Image of Childhood in the Soviet Visual Discourse of the 1930s*. URL: <http://ik.childsoc.ru/doc/tashibalova.pdf> (accessed: 05.03.2024) (in Russ.).
 17. Emelyanova, K. L. & Beskorovainaya, M. S. (1979). *Soviet family and everyday rituals*. Leningrad: Znanie Publ. (in Russ.).
 18. Zdorovega, N. I. (1974). *Drawings of folk merry rituals*. Kyev: Naukova Dumka Publ. (in Russ.).
 19. Belov, G. A. et al, eds. (1961). *From the history of the Civil War in the USSR. T. 3. February 1920 – October 1922*. Moscow: Sovetskaya Rossiya Publ. (in Russ.).
 20. Osipova, Yu. M., Bugayan, I. R. & Zotova, E. S., eds. (2005). *Empire of Russia*. Moscow: Izd-vo MGU; Rostov n/D.: Izd-vo Rost. Un-ta Publ. (in Russ.).
 21. Ioffe, A. E. (1975). *International Relations of Soviet Science, Technology and Culture. 1917–1932*. Moscow: Nauka (in Russ.).
 22. Kakurin, N. (2002). *Civil War in Russia: War with the White Poles*. Moscow: AST Publ.; St. Petersburg: Terra Fantastica Publ. (in Russ.).
 23. Kalashnikov, V. V. (2023). Formation of the USSR. Experience of Ukraine. In: *Alternatives*, 3, 106–120 (in Russ.).
 24. Karimova, T. (2010). Azerbaijan Milli Elmlər Akademiyası A. A. Bakıxanov's work on the formation of the Soviet Union's Institute of Political Science (1920–2003). In: *Baku: Azerbaijan MEA Institute of Political Science*, 34–35, pp. 167–185.
 25. Kasyanov, V. V., Baranov, A. V. & Yakhutl, Yu. A. (2022). Formation of the USSR and intra-party confrontation in the RCP(b) – VKP(b) in the 1920s. In: *Humanitarian, socio-economic and social sciences. Series: Historical sciences. Cultural studies. Political sciences*, 2, 13–20 (in Russ.).
 26. Kerimova-Kodjaeva, T. (2023). Azerbaijan SSR and the USA: Scientific and Technical Ties in the Oil Industry (1920s–1930s). In: *Azerbaijan News*, 2, 45–56 (in Russ.).
 27. Kuznetsova, A. A. & Filina, N. V. (2019). Creation of the USSR: Causes of Formation and Consequences. In: *Young Scientist*, 14, 130–131 (in Russ.).
 28. Kulshanova, A. A. (2017). The Doctrine of National Communism: The Ideology of the Synthesis of Communism and Nationalism. In: *Science, Technology and Education*, 4, 83–86 (in Russ.).
 29. Kovalkov, M. I. (2023). Formation of the USSR and its influence on the revolutionary and national liberation movement. In: *Position. Philosophical problems of science and technology*, 19, 213–215 (in Russ.).
 30. Pospelov, P. N., ed. (1969). *Lenin and the Academy of Sciences*. Moscow: Nauka Publ. (in Russ.).
 31. Lyutskanov, J. (2023). Formation of the USSR: A Look at the Problem of Interethnic Regulation in the 20th Century 100 Years Later. In: *Bulletin of the Humanitarian University*, 1, 119–134 (in Russ.).
 32. Marchenya, P. P. (2023). Empire – Time of Troubles – Empire: Historical Logic of Russia's Systemic Crises, or the Formula of Russian Transit. In: *Turning the Pages of History... On the 100th Anniversary of the Formation of the USSR*. Saratov: TseSAin Publ., pp. 6–30 (in Russ.).
 33. Marchenya, P. P. (2023). The History of Russia as a Path to Victory: Imperatives of the Russian Idea in Wartime. In: *Science. Society. Defense*, 11, 3, 25–25 (in Russ.).
 34. Marchenya, P. P. (2023). Constitutionalism and the Masses in the History of Systemic Crises in Russia: Illusions and Realities of Russian Legal Consciousness. In: *Historical and Legal Problems: A New Perspective*, 3, 80–93 (in Russ.).
 35. Marchenya, P. P. (2017). *The Masses and Mass Consciousness: A Factor of Social Stability or a Threat to National Security? Lessons from the History of Russian Revolutions*. Moscow: MosU MVD Rossii (in Russ.).
 36. Marchenya, P. P. (2017). Russia as an Empire and the Time of Troubles as a Disorder of Its Civilizational Identity. In: *Civilizational Sovereignty of Russia: Problems and Discussions*. Moscow: MosU MVD Rossii Publ., pp. 67–129 (in Russ.).
 37. Marchenya, P. P. & Razin, S. Yu. (2020). Empire Russia: Based on the Materials of the Scientific Project "People and Power". In: *Bulletin of the Yanka Kupala State University of Grodno. Series 1. History and Archeology. Philosophy. Political Science*, 12, 3, 127–136 (in Russ.).

38. International Round Table "People and Power in the Russian Time of Troubles": Part 1 (2010). In: *The Authority*, 4, 14–17 (in Russ.).
39. International round table "People and Power in the Russian Time of Troubles". Part 2 (2010). In: *The Authority*, 5, 10–14 (in Russ.).
40. International round table "People and Power in the Russian Time of Troubles". Part 3 (2010). In: *The Authority*, 6, 13–17 (in Russ.).
41. International round table "People and Power in the Russian Time of Troubles". Part 4 (2010). In: *The Authority*, 7, 9–14 (in Russ.).
42. International round table "People and Power in the Russian Time of Troubles". Part 5 (2010). In: *The Authority*, 8, 9–13 (in Russ.).
43. International round table "People and power in the Russian time of turmoil". Part 6 (2010). In: *The Authority*, 9, 16–21 (in Russ.).
44. Musayeva, T. (2015). *The culture of Azerbaijan at the turn of eras (20–30s of the twentieth century)*. Baku: Elm və təhsil (in Russ.).
45. Nappelbaum, M. S. (1958). *From craft to art*. Moscow: Art Pul. (in Russ.).
46. Harmandaryan, S. V. & Yakubovskaya, S. I., eds. (1972). *Formation of the Union of Soviet Socialist Republics*. Moscow: Nauka Publ. (in Russ.).
47. Plamper, Ya. (2010). *Alchemy of Power. The Cult of Stalin in the Fine Arts*. Moscow: NLO Publ. (in Russ.).
48. Raleigh, D. J. (2002). *Experiencing Russia's civil war: politics, society, and revolutionary culture in Saratov, 1917–1922*. Oxford.
49. Vilkova V. P., ed. (2004). *RCP(b): Intra-Party Struggle in the Twenties: Documents and Materials*. 1923. Moscow: ROSSPEN Publ. (in Russ.).
50. Romanova, N. S. (1987). *The worldview function of socialist rituals*. Kyev: Naukova Dumka (in Russ.).
51. Osipov, Yu. M., Guzev, M. M., Zotova E. S., eds. (2006). *Sovereign Russia. Part 1*. Moscow, Volgograd: Volgogr. nauch. izd-vo Publ. (in Russ.).
52. Rutsinskaya, I. I. (2021). *Stalin's iconography. Representation of power in Soviet art of the 1930–1950s*. Moscow: BuksMArt Publ. (in Russ.).
53. Soloviev, V. S. (1990). Justification of good. Moral philosophy. In: *Works. Vol. 1*. Moscow: Mysl Publ. (in Russ.).
54. USSR-100: Round table of the scientific project "People and Power" (2022). In: *Gasyrlar avazy – Echo of the centuries*, 4, 77–89 (in Russ.).
55. Teplova, E. (2020). Visual images of Soviet childhood. In: *Ethnodialogues*, 3, 142–156 (in Russ.).
56. Fan, I. B. & Bagicheva, N. V. (2021). "Raising instincts to the pinnacle of consciousness": "new man" in the ideological discourse of the Bolsheviks. In: *Political linguistics*, 5, 86–97 (in Russ.).
57. Foucault, M. (1996). *Archeology of knowledge*. Kyiv: Nika-Center Publ. (in Russ.).
58. Chodubski, A. (1986). *Aktywność kulturalna polaków w Azerbejdżanie w XIX i na początku XX wieku*. Gdańsk, Wydawn: Uczelniane Uniwersytetu Gdańskiego.
59. Shalaeva, N. V. (2013). Formation of the image of Soviet power (1917–1920s): theoretical aspect of the study. In: *Theory and practice of social development*, 12, 76–81 (in Russ.).
60. Shalaeva, N. V. (2023). The image of Soviet power: constructing a new social reality. In: *Turning the pages of history... On the 100th anniversary of the formation of the USSR*. Saratov: TseSAin Publ., pp. 231–253 (in Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Марченя Павел Петрович – кандидат исторических наук, доцент, заместитель начальника кафедры истории государства и права Московского университета Министерства внутренних дел России имени В. Я. Кикотя;
e-mail: marchenyap@gmail.com

Анфертьев Иван Анатольевич – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры истории России новейшего времени Историко-архивного института Российского государственного гуманитарного университета;
e-mail: anfertiev.i@rggu.ru

Учаев Антон Николаевич – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры истории и культурологии Саратовского государственного технического университета имени Ю. А. Гагарина;
e-mail: uchaevan@gmail.com

Шалаева Надежда Владимировна – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры социально-гуманитарных наук Саратовского государственного университета генетики, биотехнологии и инженерии имени Н. И. Вавилова;
e-mail: shalaevanv@vavilovsar.ru

Пенькова Оксана Борисовна – кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой истории России Донецкого государственного университета;
e-mail: moruzhenko63@mail.ru

Филатов Юрий Иванович – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России Донецкого государственного университета;
e-mail: moruzhenko63@mail.ru

Керимова-Коджаева Тамилла Сабир кызы – доктор исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Института истории имени А. А. Бакиханова Национальной Академии наук Азербайджана;
e-mail: tomakerimova50@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Pavel P. Marchenya – Cand. Sci. (History), Assoc. Prof., Deputy Head, Department of State History and Law, Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot;
e-mail: marchenyap@gmail.com

Ivan A. Anfertiev – Dr. Sci. (History), Assoc. Prof., Department of Modern Russian History, Historical and Archival Institute, Russian State University for the Humanities;
e-mail: anfertiev.i@rggu.ru

Anton N. Uchaev – Dr. Sci. (History), Assoc. Prof., Prof., Department of History and Cultural Studies, Saratov State Technical University named after Yu. A. Gagarin;
e-mail: uchaevan@gmail.com

Nadezhda V. Shalaeva – Dr. Sci. (History), Prof., Department of Social and Humanitarian Sciences, Saratov State University of Genetics, Biotechnology and Engineering named after N. I. Vavilov;
e-mail: shalaevanv@vavilovsar.ru

Oksana B. Penkova – Cand. Sci. (History), Assoc. Prof., Department Head, Department of Russian History, Donetsk State University;
e-mail: moruzhenko63@mail.ru

Yuri I. Filatov – Cand. Sci. (History), Assoc. Prof., Department of Russian History, Donetsk State University;
e-mail: moruzhenko63@mail.ru

Tamilla Sabir kzy Kerimova-Kodzhaeva – Dr. Sci. (History), Assoc. Prof., Leading Researcher, A. A. Bakikhanov Institute of History of the National Academy of Sciences of Azerbaijan;
e-mail: tomakerimova50@gmail.com

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Новые грани актуальных проблем новейшей истории / П. П. Марченя, И. А. Анфертьев, Н. В. Шалаева, А. Н. Учаев, О. Б. Пенькова, Ю. И. Филатов, Т. Керимова-Коджаева // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: История и политические науки. 2025. № 2. С. 121–143.
DOI: 10.18384/2949-5164-2025-2-121-143

FOR CITATION

Marchenya P. P., Anfertiev I. A., Shalaeva N. V., Uchaev A. N., Penkova O. B., Filatov Yu. I., Kerimova-Kodzhaeva T. New facets of the current problems of modern history. In: *Bulletin of Federal State University of Education. Series: History and Political Sciences*, 2025, no. 2, pp. 121–143.
DOI: 10.18384/2949-5164-2025-2-121-143

ИСТОРИОГРАФИЯ, ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ И МЕТОДЫ ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

УДК 94 (470)

DOI: DOI: 10.18384/2949-5164-2025-2-144-151

ИСТОРИК Г. В. ВЕРНАДСКИЙ О ДМИТРИИ ДОНСКОМ (1359–1379 ГГ.)

Черемных О. А.

Государственный университет просвещения

105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А, Российская Федерация

Аннотация

Цель. Показать, что историк Г. В. Вернадский рассмотрел все вызовы Московскому государству во второй половине XIV в. и раскрыл подвиг Дмитрия Донского, который на них ответил.

Процедура и методы. При проведении исследования использовались сравнительно-исторический метод, а также методы обобщения и интерпретации результатов. При применении сравнительно-исторического метода использовались как логический, так и структурно-типологический аспекты. Сравнительно-исторический метод был применён автором статьи при изучении исторических трудов, посвящённых треугольнику «Москва – Тверь – Литва» в 1368–1375 гг.

Результаты. В статье показано, что историк Г. В. Вернадский проанализировал все опасности для суверенности Московского государства, возникшие во второй половине XIV в., и показал военную и дипломатическую силу великого русского государственного деятеля.

Теоретическая и/или практическая значимость. Статья показывает, насколько глубоко Г. В. Вернадский изучил эпоху Дмитрия Донского, и расширяет представление о масштабе деятельности московского князя Дмитрия Ивановича за два десятилетия до Куликовской битвы.

Ключевые слова: Дмитрий Донской, Г. В. Вернадский, Суздальское княжество, Тверское княжество, Рязанское княжество, Великое княжество Литовское, внутренняя оппозиция, Золотая Орда

HISTORIAN G. V. VERNADSKY ABOUT DMITRY DONSKOY (1359–1379)

O. Cheremnykh

Federal State University of Education

ul. Radio 10A, Moscow 105005, Russian Federation

Abstract

Aim. To show that the historian G. V. Vernadsky examined all the challenges to the Muscovite state in the second half of the 14th century and revealed the feat of Dmitry Donskoy who responded to them.

Methodology. When conducting the study, a comparative historical method was used, as well as methods for generalizing and interpreting the results. When applying the comparative-historical method, both logical and structural-typological aspects were used. The comparative historical method was applied by the author of the article in the study of historical works devoted to the triangle "Moscow – Tver – Lithuania" in 1368–1375.

Results. The article shows that the historian G. V. Vernadsky analyzed all the dangers to the sovereignty of the Moscow state in the second half of the 14th century and demonstrated the military and diplomatic power of the Great Russian statesman.

Research implications. The article shows how deeply G. V. Vernadsky studied the era of Dmitry Donskoy and expands the understanding of the scale of the activities of the Moscow prince Dmitry Ivanovich two decades before the Battle of Kulikovo.

Keywords: Dmitry Donskoy, G. V. Vernadsky, Suzdal Principality, Tver Principality, Ryazan Principality, Grand Duchy of Lithuania, internal opposition, Golden Horde

Введение

Историк Г. В. Вернадский на протяжении всей своей научной деятельности неоднократно обращался к анализу эпохи Дмитрия Донского. В его трудах мы видим, как с юных лет князь являлся активным участником противостояния многочисленным врагам Московского государства¹. Г. В. Вернадский блестяще знал историографию вопроса, поэтому свободно оперировал фактами и выводами историков-предшественников, но, главным образом, он базировался на существующем массиве источников, делая собственные выводы и создавая собственное видение эпохи Дмитрия Донского.

Задачами исследования стали: изучение работ Г. В. Вернадского, посвящённых эпохе Дмитрия Донского; анализ того, насколько историк детально рассмотрел вызовы Московскому государству во второй половине XIV в. и раскрыл подвиг Дмитрия Донского, который, начиная с 9-летнего возраста, будучи включённым в орбиту дипломатии и военных походов, проявил смелость, ум и дальновзорность.

Анализ научной литературы по проблеме показал, что специальных работ о Г. В. Вернадском как историке эпохи

Дмитрия Донского нет. Что касается работ самого Г. В. Вернадского по данной проблематике, то он использовал ряд источников, и, в первую очередь, Троицкую летопись, что оправдано, и сверялся с мнением известных отечественных (С. М. Соловьев, А. Е. Пресняков, А. Н. Насонов и др.) и зарубежных (Н. Paszkiewicz и др.) историков.

Статья не затрагивает вызов для Дмитрия Донского в виде церковной смуты 1378–1385 гг., которая подробно проанализирована Н. Д. Кадурой [5, с. 78–83].

В данной статье мы ограничиваемся периодом до 1380 г., т. к. Куликовская битва заслуживает отдельного научного разговора.

Опасность для суверенитета Московского государства в 1359–1363 гг.

Юный Дмитрий стал претендентом на великокняжескую власть в 9 лет. У него был «зрелый руководитель – митрополит Алексей»², который вместе с московскими боярами озаботился получением ярлыка от правящего в Орде хана Кульпы. Г. В. Вернадским при изучении летописей и договорных грамот не найдено упоминаний о каких-либо решениях Кульпы относительно русских дел. Он правил только около 5 месяцев, и когда русские

¹ Вернадский Г. В. Начертание русской истории. Прага: Евразийское Книгоиздательство, 1927; Вернадский Г. В. Монголы и Русь. М.: АГРАФ, 1997 и др.

² Вернадский Г. В. Начертание русской истории. М.: Айрис-пресс, 2004. С. 131.

прибыли в Орду, им уже пришлось иметь дело с новым ханом Неврусом»¹. Но хан отдал ярлык суздальскому князю. По мнению летописца, это противоречило «закону наследования от отца к сыну»².

Как известно, в Орде этого периода происходили постоянные перевороты, что отчасти отражено в русской литературной традиции [7, с. 378–381]. Вначале к власти пришел Хидур, затем Мюрид, который передал ярлык Дмитрию Ивановичу. Началось военное противостояние с Суздаlem, в котором принял участие юный Дмитрий. До сражения дело не дошло, т. к. «суздальский великий князь бежал в собственный удел»³ и «отказался от всяких притязаний на великое княжение, предпочитая спокойно княжить в Суздале»⁴. Дмитрий Иванович впервые становится общерусским великим князем.

Изучив по ряду документов положение в Орде, Г. В. Вернадский установил, что правили «два или иногда больше соперничающих ханов... Тогда русские могли использовать одного хана против другого в своей собственной дипломатической игре. Результатом явилось падение авторитета ханов и рост духа независимости у русских»⁵. На востоке Орды правил хан Мюрид, а на западе – полководец Мамай, который менял здесь ханов по своему усмотрению. В данный момент его ставленником был Абдулла. Послы Мамай привезли Дмитрию Ивановичу ярлык. В Москве «оказали послам подобающие почести (1363 год)»⁶. Сложилась уникальная ситуация, когда Москва имела ярлыки от западной и восточной Орды. При описании данных событий, в

отличие от Г. В. Вернадского, у одного из современных исследователей можно найти ряд ошибок [10, с. 82].

Противник Мамай Мюрид передал ярлык Суздалью. Войско Дмитрия Константиновича вошло во Владимир, но московские витязи «не только выбили суздальского князя из Владимира, но также штурмовали Суздаль. Дмитрий Суздальский вынужден был отказаться от всех претензий на владимирский стол»⁷.

Опасность для суверенитета Московского государства в 1363–1370 гг.

Но новое испытание для московского князя было не за горами. Тверские князья, понимая, что ордынцы ослаблены распрями, «обратились за помощью к растущей державе Западной Руси, Великому княжеству Литовскому»⁸. Правящий в Литве Ольгерд настолько увеличил свою мощь, что даже «контролировал часть понтийской степи, которую отнял у монголов в 1363 году»⁹. «Орда была слишком слаба, чтобы помешать продвижению Ольгерда»¹⁰.

Г. В. Вернадский отмечает, что Тверь с 1363 по 1368 г. была сама раздираема противоречиями между местными князьями. Москва была арбитром в этой борьбе за власть. Один из претендентов на тверской престол, князь Михаил Александрович, приехал к Дмитрию Ивановичу, но держался под стражей, пока не согласился пойти на уступки своему двоюродному брату Еремею Дорогобужскому, также участнику конфликта. Князь Михаил возвращался к себе «уязвлённый до глубины души». Он немедленно «обратился за поддержкой к Ольгерду»¹¹.

¹ Вернадский Г. В. Монголы и Русь. М.: АГРАФ, 1997. С. 255.

² Троицкая летопись. Реконструкция текста, М. Д. Присёлков. М.-Л., 1950. С. 376–377.

³ Вернадский Г. В. Монголы и Русь. М.: АГРАФ, 1997. С. 256.

⁴ Вернадский Г. В. Начертание русской истории. М.: Айрис-пресс, 2004. С. 132.

⁵ Вернадский Г. В. Монголы и Русь. М.: АГРАФ, 1997. С. 255.

⁶ Там же. С. 256.

⁷ Там же.

⁸ Вернадский Г. В. Монголы и Русь. М.: АГРАФ, 1997. С. 257.

⁹ Там же. С. 257.

¹⁰ Вернадский Г. В. Начертание русской истории. М.: Айрис-пресс, 2004. С. 132.

¹¹ Изучив треугольник «Москва – Тверь – Литва» в 1368–1375 гг., можно согласиться с мнением Г. В. Вернадского, что он лучше всего освещён: Со-

Дмитрий Иванович, понимая, что агрессия Литвы неизбежна, предпринимал шаги, главными из них были «замена в 1367 году деревянных укреплений Кремля на каменные стены»¹. Меры были действенными, что подтвердила безуспешная осада Ольгердом Москвы в 1368 г. В 1370 г. Дмитрий Иванович пошёл походом на Тверь из-за их участия в литовской осаде Москвы. Михаил Александрович скрылся в Литовском княжестве и «ещё раз обратился к Ольгерду с мольбой о помощи»².

Литва осадила Москву и вновь безуспешно. Ольгерд готов был к миру, но Москва пошла лишь на «перемирие до дня Св. Петра и Павла (29 июня) 1371 года»³. Ольгерд «предложил скрепить это событие свадьбой своей дочери Елены и Владимира Серпуховского» [2, с. 384].

Михаил Александрович поехал в Орду к Мамаю и получил ярлык. Далее он в сопровождении знатного ордынца Сары-Хоя отправился во Владимир. Владимирцы, «действуя по инструкциям Дмитрия, отказались принять Михаила и Сары-Хоя»⁴. Мудрый Дмитрий Иванович позвал Сары-Хоя к себе и показал, насколько Москва богаче и сильнее Твери. И Мамай пригласил московского князя в Орду. Дмитрий Иванович щедро одарил Мамая, хана, жён хана, наиболее важных мурз. В Орде за долг в 10 тысяч рублей удерживали Ивана, сына тверского князя Михаила. Дмитрий Иванович оплатил этот долг и вывез молодого князя из Орды. Ярлык снова был у московского князя. Г. В. Вернадский поддерживает мнение крупнейших историков по по-

воду существенно больших финансовых средств Москвы в сравнении с Тверью.

Опасность для суверенитета Московского государства в 1371–1379 гг.

Новые опасности подстерегали Москву. Войной готов был идти Олег Рязанский. По мнению Г. В. Вернадского, «мотивы оппозиции Дмитрию со стороны великого князя Олега Рязанского неясны. Наиболее вероятно, что она являлась следствием соперничества монголов в делах Руси – если предположить, что Олег был вассалом не Мухаммед-Булака, хана Сарайского»⁵. Со стороны Москвы дружины возглавлял «литовский князь Дмитрий Боброк-Волынский, сын Кориаты, муж московской княжны Любови»⁶. Г. В. Вернадский уверен, что «он был одарённым стратегом и являлся выдающимся русским полководцем того времени»⁷. Рязанское княжество потерпело поражение. В течение года на его троне находился Владимир Пронский. Князь Олег позже вернул себе престол. Г. В. Вернадский характеризует эту усобицу как горе «для русского союза, поскольку в последующей войне Москвы с монголами Олег оказался на стороне монголов»⁸.

Ольгерд и Михаил Александрович в 1372 г. объединили усилия против Москвы, и до 1375 г. Дмитрий Иванович успешно вёл войну против них.

В этот период новые испытания выпали на долю Дмитрия Ивановича. Появились враги у него за спиной в Москве. Оппозиционеры составляли, по мнению Г. В. Вернадского, 2 группы. Первая была представлена окружением тысяцкого. После смерти в 1374 г. тысяцкого Василия Вельяминова Дмитрий Иванович не поставил нового тысяцкого ввиду архаичности этого института. Были учреждены

ловьев С. М. История Руси с древнейших времен. Т. 3. М., 1851–1879. С. 336–347; Пресняков А. Е. Образование великорусского государства. Пг., 1918. С. 298–306; Paszkiewicz H. Jagiellonowie a Moskwa. I. Warsaw, 1933. С. 414–426; Насонов А. Н. Монголы и Русь. М.-Л., 1940. С. 127–134.

¹ Вернадский Г. В. Монголы и Русь. М.: АГРАФ, 1997. С. 257–258.

² Там же. С. 258.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С. 259.

⁶ Вернадский Г. В. Монголы и Русь. М.: АГРАФ, 1997. С. 259.

⁷ Там же.

⁸ Там же.

княжеский двор как основа новой организации московского войска и институт окольничих. Первая группа недовольных сконцентрировалась вокруг Ивана Васильевича Вельяминова, который рассчитывал унаследовать должность тысяцкого. Вторую группу представляли богатые купцы. У каждого из них были свои причины выступить против Дмитрия Ивановича. Возглавлял эту группу Некомат. Г. В. Вернадский считает, что, т. к. в источниках он фигурирует как сурожанин, «он занимался торговлей с г. Сурож в Крыму»¹. Иван Вельяминов и Некомат обратились к Михаилу Александровичу, предлагая ему осадить Москву, где жители якобы его поддержат. Далее Некомат и И. В. Вельяминов устремились в Орду. От Мамаю они получили ярлык для Твери, который Некомат отвёз князю Михаилу, а И. В. Вельяминов на несколько лет задержался в Орде [9, с. 345]. Но Тверь не получила поддержки ни от Ольгерда, ни от Мамаю. Это была убедительная победа Дмитрия Ивановича. Г. В. Вернадский придаёт существенное значение тому, что по Договорной грамоте между Москвой и Тверью 1375 г. в возможных военных конфликтах Тверь теперь была на стороне Москвы. Это событие «ограждало Москву от возможных конфликтов с монголами и Литвой. Михаил Тверской, таким образом, вынужден был прекратить дружбу с Ольгердом». А московский князь Дмитрий «стал признанным сюзереном... всей Восточной Руси, исключая Рязань»².

Дальнейшее Г. В. Вернадский описывает следующим образом. Сурожанин Некомат объясняет Мамаю необходимость действия против Москвы. По его совету Мамаю направляет посольский отряд в Нижний Новгород, предлагая князю Дмитрию Константиновичу выступить против Москвы. Жители Нижнего Новгорода перебили ордынцев, отправив в острог посла и часть его свиты.

В прежние времена князья карали за убийство ордынцев. В этой ситуации «великий князь Дмитрий Суздальский – вне всякого сомнения, действуя по указанию своего сюзерена Дмитрия Московского, – одобрил поступок горожан»³. Было решено разместить взятых под стражу ордынцев по разным городам, но они взбунтовались и были убиты⁴. Характерно, что Орда ограничилась только набегом на южную часть Нижегородской земли.

Мамаю начинает подготовку к решающему сражению с Дмитрием Ивановичем. Но войско Михаила Тверского для Орды было потеряно, войско Олега Рязанского невелико. Оставалась лишь боеспособная армия Великого княжества Литовского. Князь Ольгерд был слишком «осмотрительным», чтобы поддерживать «дорогостоящую борьбу» против Дмитрия Ивановича. В 1377 г. Ольгерд умер, а сменивший его Ягайло не пользовался авторитетом у литовских князей. Враждовали с Ягайло его дядя Кейстут с сыном Витовтом, князь Новгород-Северский Корибут Ольгердович. «Двое Ольгердовичей, Андрей и Дмитрий, перешли на сторону Москвы»⁵. И лишь в 1380 г. Ягайло «твёрдо почувствовал себя в седле и стал готов к союзу с монголами»⁶.

Но в 1378 г. ситуация для западной части Орды изменилась. Тохтамыш захватил восточную часть Орды и стал реальной угрозой для Мамаю. По мнению Г. В. Вернадского, Мамаю рассматривал 2 варианта. Он мог пойти войной на Тохтамыша, но тогда Дмитрий Иванович продолжил бы усиливаться. Второй вариант предполагал «разбить Москву, а затем, используя русские ресурсы, обратить внимание на Тохтамыша. Он выбрал второе»⁷.

³ Там же. С. 261.

⁴ Троицкая летопись. Реконструкция текста, М. Д. Приселков. М.-Л., 1950. С. 396, 398.

⁵ Вернадский Г. В. Начертание русской истории. М.: Айрис-пресс, 2004. С. 134.

⁶ Вернадский Г. В. Монголы и Русь. М.: АГРАФ, 1997. С. 262.

⁷ Там же.

¹ Вернадский Г. В. Монголы и Русь. М.: АГРАФ, 1997. С. 260.

² Там же. С. 260.

Дмитрий Иванович стал готовиться к будущим военным действиям. Тверские и суздальские князья теперь были союзниками. У московского князя была абсолютная поддержка всех слоёв населения. Его поддерживала Церковь во главе с великим старцем Сергием Радонежским. Роль старцев в русской религиозной жизни Г. В. Вернадский блестяще описал в одной из своих книг¹.

Для разгрома Орды Дмитрием Ивановичем предпринимались дополнительные меры. Вначале произошло укрепление «левого фланга на средней Волге, распространяя контроль вниз по течению насколько возможно»². Русские войска во главе с Дмитрием Боброком-Волынцем заняли Булгар, «взяли с города военную контрибуцию 5000 рублей и назначили своих собственных чиновников – *дорогу* (сборщиков налогов) и *таможника* (таможенного инспектора)»³. Г. В. Вернадский опровергает мнение некоторых историков о том, что в этом походе русские войска взяли Казань. Эти исследователи опирались на Никоновскую летопись⁴. Но указанные в ней данные считаются «поздней вставкой»⁵.

Араб-шах, хан восточной Орды, начал поход на Нижний Новгород, но спешно вернулся для отражения напавшего на его земли Тохтамыша. Мамай, ошибочно думая, что Араб-шах разгромил на берегах р. Пьяны основные русские силы, решил развить успех с помощью своего полководца Бегича. Дмитрий Иванович лично возглавил русское воинство. Возле р. Вожи «монголы потерпели жестокое

поражение, и их остатки в беспорядке бежали на юг»⁶.

Вскоре в Москве был схвачен тайно вернувшийся И. В. Вельяминов, что поставило точку в борьбе с внутренними врагами. Один из летописцев обобщил настроения москвичей, указав, что действиями Ивана Вельяминова руководил Сатана⁷.

В 1380 г. Дмитрий Иванович одержал обессмертившую его имя победу в Куликовской битве. «Авторитет Дмитрия достиг своего апогея»⁸. Современные исследователи жизни и деятельности Дмитрия Донского единодушны: «Дмитрий Иванович Донской – ключевая фигура русского средневековья. Ему была уготована особая историческая роль: воплотить в годы своего правления все достижения московской политической системы» [3, с. 51]. «Его правление как великого князя Владимирского было связано с выходом на качественно новую стадию процесса консолидации земель русского Северо-Востока вокруг Москвы, что имело прямым следствием укрепление находящегося в распоряжении её князя потенциала в политической, экономической и военной сферах» [8, с. 482]. «В XVI в. сложился своего рода пантеон наиболее выдающихся деятелей древней русской истории, и Дмитрий Донской занял в нём достойное место» [6, с. 61]. «Очевидно, что самоотверженная любовь к народу и готовность отдать свою жизнь за родную землю, всё это сближает святых благоверных князей Александра Невского и Дмитрия Донского» [4, с. 207]. «К лику святых Дмитрий Донской был причислен на Поместном соборе Русской православной церкви в 1988 г. Орден его учреждён определением Святейшего Патриарха Алексия II и Священного Синода от 1 октября 2004 г.» [1, с. 22].

¹ Vernadsky G. A History of Russia. 3d revised ed. New Haven, Yale University Press, 1951. P. 213.

² Вернадский Г. В. Монголы и Русь. М.: АГРАФ, 1997. С. 263.

³ Там же.

⁴ Никоновская или Патриаршая летопись. ПСРЛ, 9-13 (1861–1906); Четвериков С. И. Оптина Пустынь. Париж, 1926. С. 25.

⁵ Вернадский Г. В. Монголы и Русь. М.: АГРАФ, 1997. С. 425.

⁶ Там же. С. 264.

⁷ Никоновская или Патриаршая летопись. ПСРЛ, 9-13 (1861–1906). II. С. 45.

⁸ Вернадский Г. В. Монголы и Русь. М.: АГРАФ, 1997. С. 268.

Заключение

Автором статьи проанализированы различные исторические труды Г. В. Вернадского, в т. ч. «Начертание русской истории», «Монголы и Русь», «Звенья русской культуры. Древняя Русь (до половины XV века)»¹, «Монгольское иго в русской истории»², «Русская историография»³, «A History of Russia».

В данных работах Г. В. Вернадский полностью раскрыл величие Дмитрия Донского, которое проявилось в сложнейшей военной и дипломатической игре с враждебным окружением Московского государства. Юный Дмитрий в 1959–1963 гг. участвовал в борьбе с Суздальским княжеством, 1363–1375 гг. выдержал противостояние Тверского княжества, в 1371 г. победил рязанского князя. Дмитрий Иванович на протяжении всего правления противостоял агрессии Великого Литовского княжества. Ему пришлось столкнуться с внутренней

оппозицией в лице некоторых бояр и купцов. Он разрешил церковный кризис 1378–1385 гг. Величие Дмитрия Донского проявилось в консолидации всех сил на укрепление обороноспособности государства и, как следствие, в ряде побед над Ордой, крупнейшей из которых была Куликовская битва.

Теоретическая значимость исследования заключается в показе Г. В. Вернадского не как евразийца, совершившего «поход из варяг в монголы», т. е. занимавшегося апологетикой Орды, а как профессионального историка, рассматривающего все нюансы героической борьбы Московского государства с монгольской зависимостью.

Исследование может иметь практическую значимость для преподавателей, аспирантов, студентов, изучающих эпоху Дмитрия Донского.

Дата поступления в редакцию 28.12.2024

ЛИТЕРАТУРА

1. Борисов Д. А., Соловьева А. К., Азаматова Г. Б. Александр Невский и Дмитрий Донской в культурной памяти: на примере городской топонимической макросистемы // Взаимодействие вузов, научных организаций и учреждений культуры в сфере защиты информации и технологий безопасности: сб. статей / отв. ред. Д. А. Митюшин. М.: РГГУ, 2024. С. 21–24.
2. Гусарова С. В., Васильева Д. Д. Внуки Калинины: Дмитрий Донской и Владимир Храбрый // Семья в современном обществе: проблемы и пути их решения: сб. статей / под ред. Л. А. Ивановой. М.: МФЮА, 2024. С. 382–387.
3. Гусева С. В. О титуле Дмитрия Донского «Великий князь Московский» в современной отечественной историографии // Вестник Удмуртского университета. Серия история и филология. 2023. Т. 33. Вып. 1. С. 51–57. DOI: 10.35634/2412-9534-2023-33-1-51-57
4. Зуев Д. Н., Некрасова Ю. В. Специфика русской воинской святости (на примере благоверных князей Александра Невского и Дмитрия Донского) // Александр Невский: Запад и Восток, историческая память народа: мат-лы конф. Вып. V / отв. ред. Я. Манохин. Воронеж: Воронежский государственный университет, 2020. С. 203–209.
5. Кадура Н. Д. Причины изменения церковной политики Дмитрия Ивановича Донского осенью 1379 г. // Палеороссия. Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях. 2021. № 4. С. 78–83.
6. Мобилизованное Средневековье. Т. II / под ред. А. И. Филюшкина. СПб.: Санкт-Петербургский университет, 2022. 560 с.
7. Симонов И. А. Ордынские правители времени Дмитрия Донского в средневековой русской литературной традиции // Материалы XLIX итоговой студенческой научной конференции Удмуртского государственного университета. Ижевск: Удмуртский университет, 2021. С. 378–381.
8. Соколов Р. А. Историческая память о Дмитрии Донском в допетровскую эпоху // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия история. 2023. Т. 68. Вып. 2. С. 481–495. DOI: 10.21638/spbu02.2023.211

¹ Вернадский Г. Звенья русской культуры. Древняя Русь (до половины XV века). М.: Ломоносовы, 2016. 208 с.

² Вернадский Г. В. Монгольское иго в русской истории // Евразийский временник. Кн. 5. Париж, 1927. С. 153–164.

³ Вернадский Г. В. Русская историография. М.: АГРАФ, 1997. 448 с.

9. Соловьев С. М. История Руси с древнейших времен. Т. 3. М., 1851–1879. 4767 с.
10. Хатилов Д. Р. Жизнь Дмитрия Донского / Исследования молодых ученых: мат-лы конф. / отв. ред. И. Г. Ахметов. Казань: Молодой ученый, 2024. С. 82–85.

REFERENCES

1. Borisov, D. A., Solovieva, A. K. & Azamatova, G. B. (2024). Alexander Nevsky and Dmitry Donskoy in cultural memory: on the example of the urban toponymic macrosystem. In: *Interaction of universities, scientific organizations and cultural institutions in the field of information protection and security technologies*. Moscow: RSUH Publ., pp. 21–24 (in Russ.).
2. Gusarova, S. V. & Vasilyeva, D. D. (2024). Kalitina's grandchildren: Dmitry Donskoy and Vladimir the Brave. In: *Family in modern society: problems and solutions: collection of articles*. Moscow: MFYUA Publ., pp. 382–387 (in Russ.).
3. Guseva S. V. (2023). On Dmitry Donskoy's title "Grand Duke of Moscow" in modern Russian historiography. In: *Bulletin of Udmurt University. Series History and Philology*, 33, 1, 51–57 DOI: 10.35634/2412-9534-2023-33-1-51-57 (in Russ.).
4. Zuev, D. N. & Nekrasova, Yu. V. (2020). Specifics of Russian Military Holiness (on the Example of the Blessed Princes Alexander Nevsky and Dmitry Donskoy). In: *Alexander Nevsky: West and East, Historical Memory of the People. Iss. V. Voronezh: Voronezh State University Publ.*, pp. 203–209 (in Russ.).
5. Kadura, N., deacon (2021). The Reasons for the Change in the Church Policy of Dmitry Ivanovich Donskoy in the Autumn of 1379. In: *Paleorussia. Ancient Rus in Time, in Personalities, in Ideas*, 4, 78–83 (in Russ.).
6. Filyushkin, A. I. (2022). *Mobilized Middle Ages. Vol. II*. SPb.: St. Petersburg University Publ. (in Russ.).
7. Simonov, I. A. (2021). Horde rulers of the time of Dmitry Donskoy in the medieval Russian literary tradition. In: *Proceedings of the 49th final student scientific conference of Udmurt State University*. Izhevsk: Udmurt University Publ., pp. 378–381 (in Russ.).
8. Sokolov, R. A. (2023). Historical memory of Dmitry Donskoy in the pre-Petrine period. In: *Vestnik of Saint Petersburg University. History*, 68, 2, 481–495. DOI: 10.21638/spbu02.2023.211 (in Russ.).
9. Soloviev, S. M. (1851–1879). *History of Rus from Ancient Times. Vol. 3*. Moscow (in Russ.).
10. Khatipov, D. R. (2024). Life of Dmitry Donskoy. In: *Research of Young Scientists*. Kazan: Young Scientist Publ., pp. 82–85 (in Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Черемных Олег Александрович – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры методики преподавания истории и обществознания Государственного университета просвещения;
e-mail: rggu-voskafedra@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Oleg A. Cheremnykh – Cand. Sci. (History), Assoc. Prof., Department of Methods of Teaching History and Social Science, Federal State University of Education;
e-mail: rggu-voskafedra@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Черемных О. А. Историк Г. В. Вернадский о Дмитрии Донском // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: История и политические науки. 2025. № 2. С. 144–151.
DOI: 10.18384/2949-5164-2025-2-144-151

FOR CITATION

Cheremnykh O. A. Historian G. V. Vernadsky about Dmitry Donskoy. In: *Bulletin of Federal State University of Education. Series: History and Political Sciences*, 2025, no. 2, pp. 144–151.
DOI: 10.18384/2949-5164-2025-2-144-151

ИСТОРИЯ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ

2025. № 2

Над номером работали:

Ответственный редактор Л. В. Самсонова

Литературный редактор С. Ю. Полякова

Переводчик А. Ю. Назарова

Компьютерная вёрстка А. В. Тетерин

Корректор А. А. Глазунова

Адрес редакции:

105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А, офис 98

тел. (495) 780-09-42 (доб. 6101)

e-mail: info@vestnik-mgou.ru

сайт: www.istpolitmgou.ru

Формат 70x108/₁₆. Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура "Minion Pro".

Тираж 500 экз. Усл. п. л. 7,25, уч.-изд. л. 9.

Подписано в печать: 26.06.2025 г. Дата выхода в свет: 30.06.2025 г. Заказ № 2025/06-06.

Отпечатано в ГУП

105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А